Ли Чайлд

Без промаха

Он один из самых тщательно охраняемых людей на земле, но теперь ему нужноа помощь сыщика номер один, Джека Ричера.

Глава первая

Они узнали о нем в июле и весь август наливались злостью. А убить попытались в сентябре. Малость поторопились. Плохо подготовились. И попытка провалилась. Это могло стать для них катастрофой, однако стало чудом. Потому что никто ничего не заметил.

Они использовали обычный метод – просочились через охрану и устроились метрах в тридцати от помоста, с которого он произносил речь. Оружие было с глушителем, пуля прошла в паре сантиметров от его головы. Может быть, даже сквозь волосы, потому что он сразу поднял руку и пригладил волосы, как будто их растрепал порыв ветра. Стрелять второй раз они не стали. Они были слишком потрясены.

Октябрь они провели, действуя как профессионалы – все начиная сначала, успокаиваясь, собирая информацию, подготавливая вторую попытку. Попытку, которая не провалится.

А потом наступил ноябрь, и все переменилось.

Чашка Ричера была пустой, но еще теплой. Он снял ее с блюдца, наклонил, наблюдая, как со дна стекает осадок, неторопливый и коричневый, точно речной ил.

– Когда это нужно сделать? – спросил он.

– Как можно скорее, – ответила она.

Он кивнул, выбрался из кабинки, выпрямился во весь рост.

– Я позвоню вам дней через десять.

– Чтобы сообщить о решении?

Он покачал головой:

– Чтобы рассказать, как все прошло.

– Как все пройдет, я и так узнаю.

– Ладно, тогда для того, чтобы сказать, куда выслать деньги.

Она улыбнулась. Он смотрел на нее сверху вниз:

– Вы думали, я откажусь?

– Я думала, что уговорить вас будет немного труднее. Он пожал плечами:

– Как говорил вам Джо, я человек, падкий до сложных задач. В таких вещах Джо обычно не ошибался.

– Ну, просто не знаю, что вам и сказать, кроме спасибо. Он не ответил. Она встала. Протянула руку, и он пожал ее.

Потом она потянулась и чмокнула его в щеку. Прикосновение ее губ обожгло его, как точечный электрический разряд.

– Одного рукопожатия маловато, – сказала она. – Вы ведь едва не стали моим деверем.

Он лишь кивнул. Потом направился к лестнице, вышел на улицу. У него было целых десять дней на то, чтобы придумать, как убить одного из самых охраняемых людей на свете.

Все началось восемью часами раньше: руководитель группы М.-И. Фрелих в понедельник утром пришла на работу – спустя тринадцать дней после выборов и через семь после того, как впервые прозвучало слово «покушение», – пришла и приняла решение. После этого она отправилась на поиски своего непосредственного начальника, которого и обнаружила в коридоре. Она дала ему понять, что ей необходимо поговорить с ним. Так что ему пришлось вернуться в кабинет.

Он был ветераном с двадцатипятилетним стажем, вышедшим на финишную прямую, которая ведет к пенсии; ему было уже за пятьдесят. Звали его Стайвесант. Всю свою жизнь он проходил в костюмах от «Брукс бразерз», однако в том, что касается тактики, считался человеком гибким. Кабинет у него был маленький, скромный, скудно обставленный и очень чистый.

– Мне нужна ваша санкция, – сказала Фрелих.

– На что?

– На то, что я собираюсь сделать.

Ей было тридцать пять. Роста довольно высокого. Может быть, всего на пару-другую сантиметров выше среднего. Она застряла где-то на полпути между гибкостью и мускулистостью, однако благодаря яркому румянцу и решительному взгляду походила на спортсменку. Она оставляла впечатление женщины, впопыхах облачившейся в повседневную одежду после душа, который она торопливо приняла, после того как выиграла олимпийское золото.

– И что же это? – осведомился Стайвесант.

Он положил на стол папку, которую держал в руке. Стол был большой, со столешницей из серого композита.

– Я хочу, чтобы это сделал человек со стороны, – сказала Фрелих.

– Кто?

– Вам следует оставаться вне всего этого, – продолжала Фрелих.

Он кивнул:

– Его кто-нибудь рекомендовал?

– Да. Рекомендация превосходная.

– Давайте-ка я попробую изобразить завзятого зануду, – сказал Стайвесант. – Четыре месяца назад я дал вам вашу нынешнюю должность. Решение использовать аутсайдера сейчас может свидетельствовать об отсутствии уверенности в себе.

– Я не могу позволить себе волноваться по этому поводу.

– А может, и стоило бы. На ваше место метили шестеро мужчин. Поэтому, если вы сделаете то, что задумали, и об этом станет известно, у вас появятся большие проблемы.

– Мне и самой это не по душе, – сказала Фрелих. – Однако я думаю, другого выхода нет. Так вы даете мне разрешение?

Стайвесант пожал плечами:

– Зачем вы спрашиваете? Нужно было просто взять и сделать все самой.

– Это не в моем стиле, – ответила Фрелих.

– В общем, так, больше никому ни слова. И никаких записей. Во что это нам обойдется?

– Думаю, недорого, – ответила Фрелих. – Может быть, нам придется оплатить только его расходы.

– Вы были моей кандидатурой, – сказал Стайвесант. – Вас выбрал я. Поэтому все, что вредит вам, вредит и мне.

– Это я понимаю, сэр.

– Так что наберите в грудь воздуху, сосчитайте до десяти, а после скажите мне, что это действительно необходимо.

Фрелих сделала глубокий вдох и простояла молча секунд десять-одиннадцать.

– Это действительно необходимо. Стайвесант снял со стола папку.

– Ладно, действуйте, – сказал он.

Она приступила к делу немедленно и сразу же поняла, что действовать – это и есть самое сложное. Обратиться к Стайвесанту за разрешением казалось ей прежде таким трудным. Теперь же в ее распоряжении имелась только фамилия да биография, которая восемь лет назад могла быть достаточно точной – однако могла и не быть. И так ли уж верно помнит она детали? Все они однажды ночью были мимоходом сообщены ее любовником. Стало быть, полагаться следует только на фамилию.

Она заглавными буквами записала фамилию на листке желтой бумаги, перечеркнув фамилию, написала взамен «НЕПЕР». «Неизвестной персоной» был некто, кого надлежало установить и найти.

Главным ее оперативным преимуществом был компьютер. У нее имелся куда больший, нежели у среднего гражданина, доступ к гораздо большему числу баз данных. НЕПЕР был военным – это Фрелих знала точно, – поэтому она обратилась к базе данных Государственного центра личных дел. Она набрала фамилию, и поисковое программное обеспечение выдало ей три коротких ответа. Один она исключила сразу – по причине имени. Другой – по причине даты рождения. Стало быть, НЕПЕР – третий. С секунду она смотрела на имя, потом переписала на желтый листок дату рождения и номер социального страхования. Затем щелкнула по иконке ДЕТАЛИ и ввела пароль. На экране появилось короткое описание карьеры.

Карьера оборвалась пять лет назад – почетная отставка после тринадцати лет службы. Последний чин – майор.

Следующий логический шаг состоял в том, чтобы заглянуть в Главный указатель смертей службы социального страхования. Запрос вернулся с пустым результатом. НЕПЕР был все еще жив, во всяком случае, по сведениям правительства. Следующий шаг – проверка в Государственном центре информации о преступлениях (ГЦИП). На экране появилось сообщение – сведения об арестах и преступлениях отсутствуют.

Водительских прав НЕПЕР не имел. А отсутствие водительских прав означает отсутствие свежей фотографии и адреса.

Резко распрямившись в кресле, она запустила секретную программу, приведшую ее в укромные недра банковской индустрии. Это уже было очевидное нарушение официального протокола. Однако, если НЕПЕР когда-либо имел банковский счет хотя бы в одном из пятидесяти

штатов, тот должен был появиться на экране. Она ввела номер социального страхования. Ввела фамилию. Нажала кнопку поиска.

К утру этого понедельника в Соединенных Штатах насчитывалось около двенадцати тысяч застрахованных ФКСД банковских организаций, однако против имени и номера социальной страховки НЕПЕР'а появилось название лишь одной из них. Простой текущий счет в филиале регионального банка города Арлингтон, штат Виргиния. Фрелих переписала реквизиты на листок. Потом позвонила старшему коллеге из совершенно другого отдела организации и попросила его связаться с банком и получить от него все подробности, какие удастся. В особенности домашний адрес.

Джек Ричер поежился от холода. Атлантик-Сити в разгар ноября – не самое теплое место на свете. Ветер, налетающий с океана, несет с собой соль, которая делает все вокруг влажным и липким. Пять дней назад он находился в Лос-Анджелесе и очень жалел, что не остался там. Теперь он был совершенно уверен, что самое лучшее – вернуться туда.

Он приехал сюда со старой черной женщиной и ее братом. Он пробирался автостопом из Лос-Анджелеса на восток, хотел взглянуть на пустыню Мохаве. Старики, ехавшие в древнем «бьюике-роудмастере», подсадили его. Среди чемоданов багажного отделения он заметил микрофон и коробку с синтезатором «Ямаха». Старуха сказала ему, что она певица, едет в Атлантик-Сити, у нее там контракт на несколько выступлений. Сказала, что брат аккомпанировал ей на клавишных и водил машину, однако теперь говорун из него никакой и водитель тоже, да и «роудмастер» давно уже не машина. Все это было правдой.

Местом выступлений оказался шикарный бар в восьми кварталах от пляжного променада. Управляющий не производил впечатление человека, от которого можно ожидать неукоснительного соблюдения контракта, так что Ричер взял себе за правило пересчитывать посетителей, отслеживая сумму, которую должны были в конце недели выдавать певице в конверте. Два выходных дня Ричер отсиживал в баре все три отделения, но затем его стало одолевать привычное беспокойство. И холод. Так что в понедельник утром он совсем уж было собрался снова пуститься в путь, однако после завтрака к нему подошел старый клавишник – и наконец нарушил молчание.

– Если ты не останешься, этот управляющий нас точно надует, – сказал он. – Пока-то нам платят, денег хватит, чтобы добраться до Нью-Йорка, может, получим у Би Би Кинга разовый ангажемент на Таймс-сквер, попробуем воскресить нашу карьеру.

Ричер промолчал.

– Ты вон какой здоровый, сможешь помочь нам выпутаться из неприятностей, если захочешь. Ты, кстати, кто? Что-то вроде боксера?

– Нет, – ответил Ричер. – Не вроде боксера. Я служил в военной полиции. В армии, тринадцать лет.

– Живешь в Лос-Анджелесе?

– Я нигде не живу, – ответил Ричер. – Я перемещаюсь.

– Ну так мы, дорожные люди, должны держаться друг за друга, – сказал старик.

– Уж больно здесь холодно, – пожаловался Ричер.

– Это точно. А ты бы купил пальто.

И вот теперь он стоял на продуваемом ветром углу – штанины липли к ногам под налетающими с моря штормовыми порывами – и пытался принять окончательное решение. Автострада или одежный магазин? В голове промелькнула короткая фантазия: Ла-Холла, дешевая комната, теплые ночи, холодное пиво. А с другой стороны, старая певица в Нью-Йорке, в новом клубе Би Би Кинга, она записывает компакт, получает контракт на турне по всей стране – слава, деньги. Новая машина. Он повернулся спиной к автостраде и, сгорбясь под ветром, двинулся на восток, на поиски магазина одежды.

Пройдя три квартала в сторону океана, Ричер обнаружил магазин, торгующий по сниженным ценам. Внутри уходили вдаль стеллажи и вешалки с одеждой.

– Могу я вам чем-то помочь?

Он обернулся и увидел у себя за спиной женщину.

– Вот эти пальто способны защитить от здешней погоды? – спросил он.

– Они превосходны, – ответила женщина. – Вам нужен размер 3XLT, – сказала она. – Рост метр девяносто пять?

– Вроде бы, – подтвердил он.

– Вес?

– Сто десять – сто пятнадцать килограммов.

– Тогда вам точно нужно что-то длинное и объемное. Пальто 3XLT, которое она ему вручила, было темно-оливковым. И как раз по нему. Прилегающее, ему такие нравились.

– Как насчет брюк? – спросила женщина.

Она нырнула к другой вешалке, на которой висели плотные брезентовые рабочие брюки, и начала перебирать их, поглядывая на его талию и ноги. Потом передала ему брюки того же цвета, что и фланелевая подкладка пальто.

– И вот эти рубашки попробуйте. Наденете под нее футболку, и все, вы в полном порядке. Вам какой цвет больше нравится?

– Что-нибудь тусклое.

Она уложила все поверх одной из вешалок: пальто, брюки, рубашку, футболку. Вместе они выглядели довольно симпатично – темновато-оливковые и цвета хаки.

– Годится?

Он кивнул, и женщина отвела его к кассе.

– Сто восемьдесят девять долларов ровно, – сообщила она.

– Я думал, вы тут со скидкой торгуете, – сказал он.

– Цена просто невероятно низкая, честное слово, – ответила продавщица.

Ричер покачал головой, вытащил из кармана смятый ком банкнот и отсчитал сто девяносто. Доллар сдачи, полученный от женщины, – и он остался с четырьмя баксами в кармане.

Старший коллега из другого отдела перезвонил Фрелих через двадцать пять минут.

– Домашний адрес раздобыли? – спросила она.

– Бульвар Вашингтона, сто, – ответил коллега. – Арлингтон, Виргиния. Почтовый индекс 20310-1500.

Фрелих записала все это.

– Спасибо. Думаю, больше мне ничего не понадобится.

– А я думаю, понадобится еще кое-что. Вам известно, что такое бульвар Вашингтона? Это просто автострада.

– Без домов? Должны же там быть дома.

– Один дом есть. Пентагон. Адрес фальшивый, Фрелих. По одну сторону от бульвара Вашингтона находится Арлингтонское кладбище, по другую Пентагон. И все. Ничего больше.

– Значит, я снова ни с чем.

– Может быть, и нет. Это какой-то странный счет. Шестизначная сумма, однако деньги просто лежат там, и все, не принося никакого дохода. А хозяин счета обращается в банк только через «Вестерн юнион». Сам никогда не появляется. Звонит, называет пароль, банк телеграфом переводит деньги, и так каждый раз. За пять лет – сорок штатов. Когда он позвонит в следующий раз, они перезвонят мне.

– А вы мне?

– Могу.

– Какая-нибудь система в частоте его звонков наблюдается?

– Она все время меняется. Хотя понедельник – день наиболее популярный.

– То есть сегодня мне может повезти.

– Определенно может, – сказал коллега. – А мне, случаем, не повезет?

– В интересующем вас смысле – нет, – ответила Фрелих.

В регистратуре мотеля Ричер разменял доллар на четвертаки и направился к телефону-автомату. Набрал по памяти номер своего банка, назвал пароль и попросил к концу рабочего дня перевести пятьсот баксов в Атлантик-Сити.

Фрелих узнала о предполагаемом переводе одиннадцать минут спустя. Закинув руку за спину, она сняла с полки карту Восточного побережья. «Часа примерно три, если движение не помешает. Вполне могу успеть».

Ричер провел час в своем номере, а после вышел на улицу, намереваясь проверить защитные свойства нового пальто. Он пошел на восток, к океану, выглядывая по пути контору «Вестерн юнион».

Перед конторой стоял «шевроле». Черная, безупречно чистая машина. За рулем одиноко сидела женщина. Ричер вошел в контору, попросил выдать ему деньги. А выйдя на улицу, обнаружил, что женщина стоит на тротуаре и смотрит прямо на него.

– Джек Ричер? – спросила она.

Он рылся в своей памяти. Такую женщину он бы запомнил. Но нет. Стало быть, он никогда ее прежде не видел.

– Вы знали моего брата, – сказал он. – Я всегда узнаю его знакомых. Люди смотрят на меня и думают о том, до чего мы похожи и как все-таки сильно отличаемся.

Она ничего не ответила.

– Приятно было с вами познакомиться, – сказал он и двинулся дальше.

– Постойте, – окликнула его она. – Мы не могли бы поговорить? Прошу вас.

Он обернулся, кивнул:

– Можно поговорить в машине.

Он забрался на пассажирское сиденье «шевроле», а женщина, обойдя машину, уселась за руль.

– Я очень хорошо знала вашего брата, – сказала она. – Мы с Джо встречались. Собственно, не просто встречались. В то время мы относились друг к другу очень серьезно.

– Когда? – спросил Ричер.

– Мы провели вместе два года. Расстались за год до его смерти. Я – М.-И. Фрелих.

– Эмми? – переспросил он. – Вроде той телевизионной ерунды?

– М.-И., – ответила она. – Это мои инициалы.

– И что они означают?

– Этого я вам не скажу.

– А как называл вас Джо?

– Он называл меня Фрелих, – ответила женщина. Ричер кивнул:

– Да, это в его духе.

– Мне его все еще не хватает, – сказала она.

– Мне, наверное, тоже, – ответил Ричер. – Так в чем дело – в Джо или в чем-то еще?

– Я хочу нанять вас для выполнения одной работы. Исходя из своего рода предсмертной рекомендации Джо.

Ричер кивнул:

– Что за работа? Фрелих помолчала.

– Я хочу нанять вас для покушения на вице-президента Соединенных Штатов.

Глава вторая

Не слабо, – сказал Ричер. – Очень интересно.

– Каков ваш ответ? – спросила Фрелих.

– Нет, – сказал он. – Думаю, в настоящий момент он будет наиболее безопасным во всех отношениях.

Фрелих улыбнулась:

– Позвольте, я покажу вам мое удостоверение.

– Не надо. Вы работаете в Секретной службе.

Она уставилась на него:

– А вы быстро соображаете.

– Джо работал в ней, – пояснил он. – А зная его – трудягу и человека довольно застенчивого, – нетрудно догадаться, что женщина, с которой он встречался, скорее всего, работала там же; в противном случае они никогда бы не познакомились. Плюс кто же еще, кроме правительственного служащего, может содержать в такой чистоте двухлетний «шевроле»? И кто еще смог бы выследить меня через банковский счет?

– Очень быстро соображаете, – повторила она.

– Спасибо. Однако Джо никакого дела с вице-президентами не имел. Он занимался финансовыми преступлениями.

Она кивнула.

– Мы все начинаем с финансовых преступлений. Отдаем, что положено, борьбе с фальшивомонетчиками. Да, мы познакомились на работе. Я как раз собиралась переходить в личную охрану.

– И? – спросил Ричер.

– Однажды ночью он сказал мне кое-что. В то время я была увлечена своей работой, честолюбива, все время пыталась убедиться в том, что мы делаем все, что можем, и Джо сказал, что единственный реальный для нас способ проверить себя – это нанять аутсайдера, чтобы тот попытался добраться до защищаемой нами мишени. Я спросила у него: кого, например? И он ответил: например, моего младшего брата.

Ричер улыбнулся:

– Это на него похоже. Умный, умный, а все же дурак.

– Почему дурак?

– Потому что, если вы нанимаете человека со стороны, все, что вам требуется, – это отследить его перемещения.

– Нет. Нанимать аутсайдера следует анонимно. Вот как сейчас, никто, кроме меня, о вас не знает.

Ричер кивнул:

– Ладно, может, он был не такой уж и дурак. Но почему вы ждали так долго, а не попробовали тогда же?

– Потому что теперь за все отвечаю я. Четыре месяца назад меня поставили во главе охраны вице-президента.

– Вы не хотите выпить кофе?

Она удивилась.

– Послушайте, это очень срочно, – сказала она.

– Нет такой срочности, которая стоила бы пропущенной чашки кофе, – ответил Ричер. – Так свидетельствует мой опыт. Отвезите меня в мой мотель, там неплохой бар.

Она улыбнулась и тронула машину с места. Наступали вечерние сумерки. Ричер присматривался к ее манере вождения. Очень толковая была манера. Фрелих припарковала машину у дверей мотеля, и Ричер провел ее внутрь, а потом по короткой лестнице вниз – в бар. Он дошел до угловой кабинки, скользнул в нее и сел спиной к стене, так, чтобы видеть весь зал. «Старая привычка». У Фрелих привычки явно были такими же. Она повторила маневр, и теперь они сидели бок о бок.

– Вы очень похожи на него, – сказала она.

– В некоторых отношениях, – согласился Ричер. – Но не во всех. К примеру, я все еще жив.

– Вас не было на похоронах.

– Они состоялись в неудобное для меня время.

Бармен принес кофе. Две чашки, пластмассовый кувшинчик с суррогатным молоком, бумажные пакетики с сахаром.

– Он нравился людям, – сказала Фрелих. Ричер поднял чашку.

– Вы пьете черный, – сказала она. – Совсем как Джо.

– Секретная служба – организация довольно старая, – произнес Ричер.

Фрелих кивнула:

– Президент Линкольн подписал указ о ее создании в 1865-м, четырнадцатого апреля, сразу после ленча. В тот вечер он отправился в театр, и там его убили.

– Ирония судьбы.

– В то время предполагалось, что она будет защищать только денежную систему. Потом, в 1901-м, убили Маккинли, и в правительстве сообразили, что кто-то должен оберегать президента – и эту работу тоже поручили ей.

– Поскольку ФБР до тридцатых не существовало.

Она покачала головой:

– На самом деле существовал созданный в 1908-м Офис главного следователя. Он и превратился в 1935-м в ФБР.

– Если вы используете аутсайдера впервые за сто один год, тут должно присутствовать нечто большее, чем стремление к совершенству, – сказал Ричер.

Фрелих открыла рот, чтобы ответить, но смолчала. Ричер понял, что она решила соврать.

– На меня сильно давят, – сказала она. – В профессиональном смысле. Очень многие хотели бы, чтобы я напортачила. Мне нужна уверенность.

Он ждал дальнейших прикрас и преувеличений. Вруны всегда питают к ним склонность.

– Женщина во главе группы – это все еще редкость, – сказала она. – Здесь, как и во всем остальном, срабатывают сексистские предубеждения.

– А который вице-президент? – спросил Ричер. – Старый?

– Новый, – ответила она. – Брук Армстронг.

– Так что же говорил обо мне Джо? – спросил он.

– Он говорил, что вы обожаете трудные задания.

Ричер промолчал.

– Так вы подумаете над этим? – спросила Фрелих.

– Я мало что знаю об Армстронге.

– Выбор его кандидатуры многих удивил. Младший сенатор от Северной Дакоты, образцовый семьянин, жена, взрослая дочь, то и дело звонит по междугородному старой больной матери, никакого серьезного влияния в национальных масштабах. Но человек он неплохой, для политика. Ясное дело, мы вам заплатим, – продолжала Фрелих. – Ну, знаете, оплата услуг профессионала – в разумных пределах.

– Деньги меня особенно не интересуют, – ответил Ричер.

– Что ж, если хотите сделать это бесплатно, мы возражать не станем.

– Вероятно, потребуются расходы.

– Мы их возместим, естественно.

– Что в точности я должен сделать?

– Просто сыграть роль наемного убийцы. Доказать мне, что он уязвим – время суток, дату, место. Я могу для начала дать вам сведения о его расписании.

– Вы предоставляете их всем, кто задумывает покушение? Нет уж, если делать подобное дело, так делать по-настоящему.

– Хорошо, – сказала она.

– Итак, вы считаете, что подобраться к нему невозможно? Она тщательно обдумала ответ:

– В общем и целом, да, считаю.

Ричер еще раз вгляделся в нее. Вкус у Джо имелся, подумал он.

– Так вы поможете мне? – спросила Фрелих.

– Не знаю, – ответил он.

– Это может оказаться опасным, – сказала она. – Если вас засекут, возникнет серьезная проблема.

– Меня не засекут, – отозвался Ричер.

– Джо сказал мне, что именно так вы и ответите. Он промолчал.

– Это очень важно, – сказала она. – И срочно.

– Вы не хотите объяснить мне, откуда такая срочность? Она отвела взгляд:

– Об этом я говорить не могу.

– Я служил в армии. И не раз слышал ответы вроде этого.

– Это просто аудит безопасности, – сказала она. – Так сделаете это для меня?

– На двух условиях, – ответил он. Она повернулась к нему:

– Каких?

– Первое, я должен работать в каком-нибудь холодном месте. Я только что потратил сто восемьдесят девять долларов на теплую одежду.

Она слегка улыбнулась:

– Куда бы мой протеже ни отправился, в середине ноября там будет достаточно холодно.

– Хорошо, – сказал Ричер. Порывшись в кармане, он придвинул к Фрелих по столу картонную спичечную книжечку и указал на отпечатанный на ней адрес. – И еще, в этом клубе работает старая пара, они боятся, что их обсчитают. Музыканты. Возможно, все и обойдется, но мне нужна уверенность.

– Когда у них день выплаты?

– Пятница, вечер, после последнего отделения. Возможно, в полночь. Они собираются в Нью-Йорк.

– Я попрошу одного из наших агентов связываться с ними каждый день. Так вы беретесь?

Чашка Ричера была пустой, но еще теплой. Он снял ее с блюдца, наклонил, наблюдая, как со дна стекает осадок, неторопливый и коричневый, точно речной ил.

– Когда это нужно сделать? – спросил он.

Третья неделя после выборов выглядела для новоизбранного вице-президента так: вторник, среду и четверг Армстронг проводил в городе, работая с переходной командой. Жена приходила в себя после выборов в их доме в Северной Дакоте – она этот отдых более чем заслужила, – так что в своем новом доме в Джорджтауне он пока жил один.

Рядом с ним постоянно находились четверо агентов, и еще четверо столичных полицейских дежурили в стоявшей перед домом машине. Каждое утро его забирал и отвозил в Сенат лимузин Секретной службы. Следом шла вторая машина – «броневик», так они ее называли. Кроме того, его повсюду сопровождали трое агентов. На запястьях у них были

микрофоны, а под пиджаками скрывались автоматы. Снаружи здания располагались вашингтонские полицейские, внутри Капитолия – люди из службы безопасности Конгресса, на наружных дверях стояли постоянно работающие детекторы металла, а все, с кем он встречался, были либо депутатами Конгресса, либо их штатными сотрудниками.

Фрелих ожидала, что Ричер появится либо в Джорджтауне, либо на Капитолийском холме, однако там о нем не было ни слуху ни духу.

Первый прием для жертвователей был назначен на вечер четверга – в бальном зале одного из столичных отелей. После полудня здание обыскали с помощью собак, а по всем ключевым точкам расставили людей из городской полиции. Фрелих распределила агентов Секретной службы – двое у дверей, шестеро в вестибюле, восемь человек в самом бальном зале. Еще четверо присматривали за грузовым дебаркадером, через который в отель и должен был попасть Армстронг. Вестибюль и бальный зал сканировали скрытые видеокамеры, каждая из которых была подключена к отдельному магнитофону.

В списке гостей значилось тысяча человек. Фрелих провела некоторое время, вглядываясь в видеомониторы в поисках лиц, которые выглядели бы неуместными. Ни одного такого она не увидела, и все-таки ей было не по себе. Ричера среди них также не наблюдалось.

Армстронг с конвоем проникли в отель через въезд для грузовиков спустя полчаса после того, как начали появляться первые гости. Ему предстояло пробыть здесь два часа – по семь секунд на гостя. Одних такая краткость вполне устраивала, другие норовили урвать побольше времени, которое позволило бы им излить свои чувства. Была, в частности, одна женщина, которая вцепилась в рукав Армстронга секунд на десять-двенадцать и даже притянула вице-президента к себе, чтобы прошептать ему что-то на ухо. Впрочем, дама эта была изящной, хорошенькой, с темными волосами и замечательной улыбкой. Команда из Секретной службы ничего из ряда вон выходящего во всем этом не усмотрела.

Утро пятницы Армстронг провел дома. Затем охрана отвезла его на базу ВВС «Эндрюс»: в полдень ему предстояло вылететь в Нью-Йорк. В виде любезности потерпевшая поражение администрация предоставила ему «борт номер два», хотя, строго говоря, пользоваться этими позывными до настоящей инаугурации на посту вице-президента он права не имел. Самолет доставил его в аэропорт Ла-Гуардиа, откуда три автомобиля Секретной службы в сопровождении мотоциклетного эскорта повезли гостя на Уолл-стрит.

Фрелих была уже на месте – внутри Фондовой биржи. Здание охранялось более чем удовлетворительно, и это ее успокаивало. А вот то,

что ее подопечному придется хоть какое-то время провести на открытом месте, напротив, тревожило. Она заставила своих агентов дважды проверить аккредитацию всех телеоператоров и фотографов, обыскать каждую сумку с аппаратурой и каждый карман на жилетах. Потом связалась по радио с лейтенантом местной полиции, подтвердившим, что весь периметр должным образом прикрыт – на триста метров по горизонтали и на сто пятьдесят по вертикали. После этого Фрелих разрешила Армстронгу выйти из машины, чтобы встретиться со специально отобранными для того брокерами и банкирами, – и все они в течение пяти мучительных минут позировали перед камерами.

Когда на обратном пути они подъезжали в машине к Ла-Гуардиа, у Фрелих затренькал сотовый телефон. Звонил старший коллега из казначейского отдела их организации.

– Я насчет банковского счета, за которым мы присматриваем, – сказал он. – Клиент только что позвонил в банк. Попросил перевести телеграфом двадцать косых в Чикаго.

– Он кому-то за что-то платит. Этого я и ждала. Коллега не ответил, и она захлопнула крышку телефона. Чикаго? Армстронг и близко к нему подъезжать не собирался.

«Борт номер два» приземлился в Бисмарке, Армстронг отправился домой, к жене, и провел ночь в собственной постели, под крышей семейного дома. Дом был большой, старый, жилая его часть располагалась над гаражом, который Секретная служба реквизировала для собственных нужд. Фрелих разрешила всем агентам персональной охраны ночью отдыхать, а четверых, приданных ей, поставила у дома – двоих спереди, двоих сзади. В помощь им были выделены многочисленные полицейские, сидевшие в машинах, расставленных в радиусе трехсот метров от дома. Она сама обошла всю охраняемую территорию и уже вернулась на подъездную дорожку, когда снова ожил ее сотовый.

– Фрелих? – спросил Ричер.

– Где вы?

– Не забудьте насчет музыкантов, ладно? Из Атлантик-Сити. Сегодня тот самый вечер.

И телефон замолк. Она прошла в апартаменты над гаражом. Позвонила в Атлантик-Сити, времени было час ночи, ей сообщили, что со стариками расплатились вовремя и по-честному, их машину проводили до И-95 и там она повернула на север.

Субботнее утро в Северной Дакоте выдалось ярким и холодным. Митинг был назначен на час дня – на территории центра церковной общины. Послеполуденные часы обернулись не более чем приятной прогулкой по приятному месту. Жена Армстронга была красавицей, его преемник все время держался с ним рядом, журналисты неудобных вопросов не задавали. Фрелих вглядывалась в лица. Вглядывалась в периметр. И ничего не увидела.

На вечер был назначен только тихий ужин с главными фигурами законодательного собрания штата. Поэтому жену Армстронга отправили домой, а его самого личная охрана повезла в центр Бисмарка. Бок о бок с рестораном стоял отель, Фрелих сняла в нем несколько номеров. Во время ужина главе его администрации позвонили по телефону. Покидающие посты вице-президент и президент приглашали своих преемников прибыть в Центр обеспечения ВМС в Термонте на посвященное вопросам передачи власти совещание, которое должно было начаться завтра рано утром. Фрелих это обрадовало, поскольку неофициальное название Центра в Термонте было «Кемп-Дэвид»: более безопасного места в мире попросту не существовало.

На следующее утро, в Мэриленде, за завтраком, стюард отыскал ее и подключил телефон к розетке на плинтусе. Беспроводными и сотовыми телефонами в Кемп-Дэвиде никто не пользовался. Их слишком легко прослушать.

Несколько секунд телефон молчал, потом послышался голос.

– Надо бы встретиться, – сказал Ричер.

– Вы сейчас где?

– В номере отеля, который вы использовали в четверг для приема.

– У вас что-нибудь срочное?

– Выводы.

– Уже? Прошло только пять дней. А вы сказали – десять.

– Хватило и пяти.

Фрелих прикрыла трубку ладонью:

– И какое же заключение?

– Все бессмысленно.

Она выпустила из груди воздух и улыбнулась:

– Я вам так и говорила.

– Да нет. Работа ваша бессмысленна. Давайте-ка сюда, и поскорее.

Глава третья

Она покатила на своем «шевроле» назад, в Вашингтон, и всю дорогу спорила сама с собой. «Если новости по-настоящему плохи, когда мне следует подключить Стайвесанта? Сейчас? Позже?» В конце концов она притормозила на Дюпон-серкл, позвонила ему и задала этот вопрос.

– Я подключусь, когда буду нужен, – сказал Стайвесант. – Кого вы использовали?

– Брата Джо Ричера.

– Нашего Джо Ричера? Не знал, что у него был брат. И что, такой же умный, как Джо? – спросил Стайвесант.

– Пока не знаю, – ответила Фрелих.

Она завершила вызов, снова влилась в поток воскресных машин, потом остановилась у отеля. Портье ждал ее и направил прямиком в номер 1201. Ричер сидел на ближней к двери кровати. Одет он был в спортивную куртку из черного нейлона, черную футболку и черные джинсы – на ногах черные туфли. Наушник в ухе и очень хорошо сделанный фальшивый значок Секретной службы на воротнике. Волосы коротко острижены.

– Выглядите совсем как один из наших, – сказала Фрелих.

– Вы задолжали мне кучу денег, – откликнулся он.

– Двадцать косых?

Он улыбнулся:

– Основную их часть. Значит, вам о них доложили?

Она кивнула:

– Так что вы хотите мне сказать?

– Что вы хорошо работаете, – ответил он. – Что я не думаю, будто кто-то способен сделать больше вас.

– Вы просто дайте мне информацию, Ричер.

– Армстронг мертв, три с половиной раза.

Фрелих вытаращила глаза:

– Что значит «с половиной»?

– Три раза наверняка, один – вполне вероятно.

– Уже? За пять дней? – в замешательстве спросила она. – Как?

– Тот прием здесь, вечером в четверг. С тысячью гостей. Среди них была темноволосая женщина, вцепившаяся в руку Армстронгу и потянувшая за нее так, что он покачнулся. Вы это видели?

– Только в записи. Позже. – Она смотрела на него во все глаза. – Вы там были?

Ричер покачал головой:

– Нет, но слышал об этом. Та женщина могла бы убить Армстронга. Это была первая возможность.

– Вы тратите мое время, Ричер. Я хочу сказать, случиться могло бы все, что угодно. Эта женщина была приглашенной гостьей. Она пожертвовала партии деньги.

– А предположим, что она была вооружена.

– Не была. Она прошла через два металлоискателя. Ричер сунул руку в карман и извлек из него некий узкий коричневый предмет.

– Видели когда-нибудь такие? – спросил он.

Предмет походил на перочинный нож. Ричер нажал кнопку, и наружу выскочило усыпанное пятнышками коричневое лезвие.

– Чистая керамика, – сообщил Ричер. – Тверже чего бы то ни было, не считая алмаза. А металлоискатель на нее не срабатывает. Вещь дорогая, но довольно надежная.

Фрелих пожала плечами:

– Ладно, вы купили себе ножик. И что?

– Этот нож был зажат в левой руке той женщины, она держала его в кармане все время, пока трясла Армстронгу руку.

Фрелих уставилась на него:

– Вы серьезно? Кто она?

– Сторонница партии по имени Элизабет Райт – из города Элизабет, штат Нью-Джерси.

– А зачем она носит нож?

– Ну, на самом-то деле носила его не она.

Он встал, подошел к двери, ведущей в соседнюю комнату, с силой стукнул в нее и позвал:

– Нигли.

Дверь отворилась, из нее вышла женщина.

– Вы – та женщина с записи, – произнесла Фрелих. Ричер улыбнулся и вернулся на край кровати:

– Фрэнсис Нигли, познакомься с М.-И. Фрелих.

Фрелих перевела взгляд на него:

– Кто она?

– Лучший мастер-сержант, с каким я когда-либо работал. А кроме того, специалист по всем видам рукопашного боя, какие вы только сможете вспомнить. Сейчас работает в Чикаго, консультантом по обеспечению безопасности.

– Чикаго. Так вот почему деньги ушли туда.

Ричер кивнул:

– Она обеспечивала всю финансовую сторону дела, поскольку у меня нет ни кредитной карточки, ни чековой книжки. Как вы, наверное, уже знаете.

– А что случилось с Элизабет Райт?

– Я купил вот эту одежду, – сказал Ричер. – Моя версия рабочего костюма агента Секретной службы. Сходил к парикмахеру. А затем нужна была одинокая женщина из Нью-Джерси, так что пришлось встретить два четверговых рейса из Ньюарка. Я пошел следом за миссис Райт, назвался агентом Секретной службы, сказал, что служба безопасности кое-что напутала и ей придется пройти со мной.

– Но откуда вы узнали, что она направляется на прием?

– А я и не знал. Просто осматривал всех выходящих с багажом женщин и прикидывал по их виду.

– И она вам поверила?

– У меня было очень серьезное удостоверение. И черный, взятый напрокат автомобиль, «таун-кар». Я привез ее в этот номер и охранял весь вечер, пока Нигли изображала ее на приеме.

– Нью-Джерси потребовался нам лишь по одной причине, – сказала Нигли, – их водительские удостоверения подделать легче всего. У меня был с собой ноутбук и цветной принтер. Так что я изготовила

джерсийские права с моей фотографией, но ее именем и адресом, закатала их в пленку – пришлось купить для этого в «Стейплс» машинку за шестьдесят баксов. Потом приоделась, взяла приглашение миссис Райт и спустилась вниз. С ножом в кармане.

Фрелих побледнела, но не сказала ни слова.

– Без ножа сделать это было бы сложнее, – продолжала Нигли. – Думаю, я нанесла бы ему удар по гортани. Вероятно, я умерла бы раньше, чем он, однако и он быстро отправился бы следом за мной – от удушья, – если, конечно, у вас не нашлись бы люди, способные произвести срочную трахеотомию, а таких у вас, полагаю, нет.

– Нет, – произнесла Фрелих, – таких у нас нет.

– Ладно, сейчас-то он в безопасности, у себя дома.

– Как вы узнали, где он живет? – спросила Фрелих.

– Проследили за вашими лимузинами, – ответила Нигли.

– Хорошие лимузины, – вставил Ричер. – Тонкая тактика.

– Особенно хорошим оказалось утро пятницы, – сообщила Нигли.

– А вот вся остальная пятница ни к черту, – добавил Ричер. – У ваших ребят из Вашингтона имеются видеозаписи, сделанные в бальном зале, но ясно же, что в Нью-Йорке никто их не видел, поскольку Нигли была не только гостьей приема в четверг вечером, но и одним из фотографов, толпившихся в пятницу утром у Фондовой биржи.

– У одной газеты из Северной Дакоты есть веб-сайт, – сказала Нигли. – И подобно всем им, он содержит сведения о газете, ее редакторах и прочем. Я скачала с него информацию и обратила ее в пропуск для прессы.

– Вам стоило бы повнимательнее приглядываться к спискам приглашенных, – сказал Ричер.

– Мы не вправе, – ответила Фрелих. – Первая поправка гарантирует доступ прессы. Но их же всех обыскивали.

– Я ничего с собой не принесла, – сказала Нигли. – Я просто просочилась сквозь вашу охрану, удовольствия ради.

Ричер встал, подошел к столику с телевизором, выдвинул ящик и достал из него пачку фотографий. Протянул Фрелих первую. Это был сделанный снизу снимок Армстронга, стоящего у подъезда Фондовой биржи.

– Нигли снимала, – сказал Ричер. – Хороший снимок. Он подошел к кровати и протянул фотографию Фрелих.

– Дело, видите ли, в том, что меня отделяли от него всего метр двадцать, – сказала Нигли.

Фрелих молча кивнула. Следующий снимок, зернистый, был сделан с телеобъективом откуда-то сверху. И на нем Армстронг стоял перед Фондовой биржей. Вокруг его головы была нарисована грубая мишень.

– Это та самая половина, – пояснил Ричер. – Я находился на шестидесятом этаже офисного здания. Внутри полицейского периметра, но выше уровня их проверок.

– С винтовкой?

– С деревяшкой такой же формы и размера, как винтовка.

– А почему только половина?

– Стрелять пришлось бы с расстояния трехсот тридцати метров, – ответил Ричер. – Для меня это, как правило, не такая уж и проблема, однако ветер и восходящие вдоль зданий воздушные потоки обращают всю затею в лотерею. Знающий дело стрелок не стал бы пытаться стрелять в Манхэттене с большого расстояния. Только какой-нибудь идиот.

Фрелих снова кивнула, испытывая некоторое облегчение.

– Ладно, – сказала она.

То есть идиоты ее не беспокоят, подумал Ричер. Значит, речь идет о профессионале.

Он протянул ей еще две фотографии.

– Инфракрасная пленка, – сказал он. – Снималось в темноте.

Первая показывала тыльную часть семейного дома Армстронга. Каждая подробность была отчетливо видна – двери, окна.

– Снято от соседей, – пояснил Ричер. – Метров примерно с пятнадцати.

На второй был виден фронтон дома.

– А это вид с другой стороны улицы, – сказала Нигли.

Ричер присел на кровать.

– План был бы таков: мы пускаем в дом зажигательные гранаты, спереди и сзади одновременно, и Армстронг либо сгорает прямо в постели, либо выбегает из дома, и тут мы его снимаем. Мы бы

назначили все это дело часа на четыре утра. Всеобщее потрясение. Ваших агентов мы в неразберихе перещелкали бы. И, вероятно, смогли бы уйти.

– Не верю, – сказала Фрелих. – Вас там не было.

Ричер вручил ей еще одну фотографию. Опять-таки сделанную телеобъективом. На фотографии сама она сидела у окна над гаражом, глядя в темноту и прижимая к уху телефон.

– Это я звонила в Нью-Джерси, – тихо сказала Фрелих. – С вашими друзьями-музыкантами все в порядке.

– Замечательно, – отозвался Ричер. – Спасибо. Она все еще продолжала смотреть на снимки.

– Итак, бальный зал и семейный дом, – продолжил Ричер. – Но имеется и решающий довод. Собрание в церкви.

Последняя фотография была сделана на обычной пленке, сверху. На ней Армстронг шел по лужайке. Люди окружали его неплотной толпой, однако голова Армстронга была видна ясно. И вокруг нее также имелся грубый кружок.

– Я находился на колокольне, – сказал Ричер.

– Церковь же заперли.

– Утром, в восемь. А я сидел там с пяти.

– Ее обыскали.

– Я поднялся к колоколам. И посыпал перцем ступеньки лестницы. Ваши собаки утратили к ней интерес и остались на первом этаже. Нас с Армстронгом разделяло шестьдесят метров. Я мог бы всадить ему по пуле в каждый глаз.

Фрелих встала, подошла к окну.

– Это катастрофа, – сказала она. – Похоже, я недооценила уровень вашей изобретательности. И не подумала о том, что вы можете использовать помощника.

– Вы же не вправе ожидать, что убийца сообщит вам о своих планах заранее.

– Знаю, – ответила она. – Но я представляла себе одиночку.

Нигли подошла и присела на подоконник рядом с Фрелих.

– Контекст, – сказала она. – Вот о чем вам стоит подумать. Все не так плохо. Мы с Ричером – армейские специалисты по расследованию

преступлений. Нас хорошо учили. Так что не переживайте. Просто ваша работа бессмысленна. Вы вынуждены подставлять его. Потому что он – политик.

– Спасибо, – сказала Фрелих. – Теперь мне придется поработать головой, верно?

– Периметры, – произнес Ричер. – Раздвиньте их до восьмисот метров, не подпускайте публику близко и постоянно держите поближе к нему четырех агентов.

Фрелих покачала головой: – Это будет сочтено неразумным. И даже не демократичным. А впереди еще сотни недель вроде этой. Полный кошмар.

Нигли слезла с подоконника, подошла к столику под телевизором. Вынула из него две тонкие папки вроде тех, в которых лежали фотографии. И протянула сначала первую.

– Письменный отчет, – сказала она. Затем протянула вторую. – И наши расходы. Здесь все. Чеки, квитанции и прочее.

– Хорошо, – принимая папки, сказала Фрелих.

– Есть еще Элизабет Райт из Нью-Джерси, – произнес Ричер. – Я сказал ей, что в виде компенсации за пропущенный прием вы пригласите ее на бал в честь инаугурации.

– Ладно, – отозвалась Фрелих. – Я смогу это устроить. Ричер покачал головой:

– И все же работа у вас бессмысленная.

– Джо говорил то же самое, – согласилась она.

Она взяла обе папки в одну руку, собрала фотографии, сунула их в сумочку и направилась к двери.

– Надо идти, – сказала она и закрыла за собой дверь.

На некоторое время в номере воцарилось молчание. Потом Нигли, стоявшая у торца одной из кроватей, подняла над головой руки, потянулась, откинула голову назад и зевнула.

– Что ты о ней думаешь? – поинтересовался Ричер.

– Понравилась. И, как я ей сказала, думаю, что ее работа бессмысленна. Кто этот Джо, о котором она упомянула?

– Мой брат. У них был роман.

– И что он собой представляет?

– Мой цивилизованный вариант, – ответил Ричер. Исправлять «представляет» на «представлял» он не стал.

– Так, может, ей и с тобой роман завести захочется. Цивилизованность иногда оказывается добродетелью, чрезмерно переоцененной. А собрать полный комплект женщине всегда приятно.

Ричер промолчал.

– Отправлюсь-ка я, пожалуй, домой, – сказала Нигли. – Приятно было снова с тобой поработать.

– Так оставайся. Она вернется примерно через час. – Зачем? Назначить тебе свидание? – Нет. Рассказать нам, в чем ее настоящая проблема.

Машину Фрелих Ричер увидел из окна гостиничного номера. Она выехала из-за угла и остановилась.

– Вернулась, – сказал Ричер.

Нигли присоединилась к нему у окна. Они увидели, как Фрелих выбирается из своего «шевроле». В руках у нее был конверт. Она пересекла тротуар и скрылась из виду. Несколько минут спустя в дверь номера постучали. Фрелих вошла и остановилась на середине комнаты.

– Можем мы поговорить несколько минут с глазу на глаз? – спросила она у Ричера.

– Это ни к чему, – сказал он. – Я отвечаю «да».

– Вы еще не слышали вопроса.

– Вы доверяете мне, поскольку доверяли Джо, а Джо доверял мне, так что эта тема закрыта. Теперь вы хотите узнать, доверяю ли я Нигли, чтобы закрыть и эту тему, – вот я и отвечаю: да, я доверяю ей полностью, так что можете доверять и вы.

– Хорошо, – сказала Фрелих. – Пожалуй, вопрос именно в этом и состоял.

Она стянула жакет и бросила его на кровать. Затем подошла к столу, положила на него конверт.

– Я сказала вам только половину правды, – Фрелих с извиняющимся видом кивнула и снова взяла конверт. Открыв его, она вытащила прозрачную виниловую папку для бумаг. В папке что-то лежало. – Это копия пришедшего по почте письма, – сказала она.

Письмо выглядело как обычный листок писчей бумаги. В центре его стояло три слова: «ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ УМЕРЕТЬ». Резко очерченных, жирных, явно отпечатанных на компьютере.

– Когда это пришло? – спросил Ричер.

– В понедельник после выборов, – ответила Фрелих.

– Адресовано Армстронгу?

Фрелих кивнула:

– В Сенат. Но он его еще не видел. Мы вскрываем всю публичную почту наших подопечных и передаем им то, что считаем приемлемым. Это мы приемлемым не сочли.

– Но почему оно вас так встревожило? – спросил Ричер. – Наверняка эти ребята мешками получают по почте угрозы.

Фрелих снова кивнула:

– Как правило, семьдесят тысяч в год. Однако большая их часть адресована президенту.

– Откуда оно отправлено?

– Из Лас-Вегаса, – ответила Фрелих.

– Вы уверены, что письмо послано американцем?

– От иностранцев к нам письменные угрозы никогда еще не поступали.

– Результаты экспертизы? – спросила Нигли.

– В ФБР мы это посылали. Конверт чист. Стандартный бурый конверт с заклеенным клапаном, закрепленным отгибающимися металлическими язычками типа «бабочка». Адрес отпечатан предположительно на том же компьютере, что и письмо. Клеящую полоску увлажнили водой из-под крана. Ни слюны, ни ДНК. Ни отпечатков пальцев на клапане. На самом конверте пять комплектов отпечатков. Три принадлежат работникам почты. Четвертый – сортировщику сенатской почты. Пятый – вскрывшему письмо агенту.

– А само письмо? – поинтересовался Ричер.

– ФБР говорит, что бумага произведена компанией «Джорджия-Пасифик», продается упаковками по десять с половиной килограммов. Они реализуют несколько тонн этой бумаги в неделю. Так что отдельный лист проследить невозможно.

– Что насчет печати?

– Лазерный принтер.

– Отпечатки пальцев, я полагаю, отсутствуют? – вставила Нигли.

– Ну, вот тут-то и появляется некая странность, – ответила Фрелих. Она ткнула пальцем в верхний край фотографии. – Вот здесь, на самом краю, мы нашли микроскопические следы талька. – Затем ткнула в точку чуть ниже верхнего обреза листа. – И здесь два пятнышка талька, один с лицевой стороны, другой сзади.

– Резиновые перчатки, – сказала Нигли.

– Точно, – откликнулась Фрелих. – Одноразовые.

– Хорошо, – сказала Нигли. – Итак, этот тип надел перчатки, вскрыл новую пачку бумаги, помахал ею, как веером, отчего тальк и попал на верхний обрез.

Нигли склонилась над снимком.

– Затем он извлек бумагу, взяв ее большим и указательным пальцами. И все это делалось дома, не на работе.

– Почему?

– Появление пятен спереди и сзади означает, что бумага выходит из принтера вертикально. Выскакивает, как хлебец из тостера. А единственные принтеры с вертикальной подачей бумаги – это принтеры маленькие. Домашние.

Нигли продолжала:

– Он вытаскивает письмо из принтера, вкладывает в конверт, смачивает клапан водопроводной водой – все это не снимая перчаток. Отсюда и отсутствие отпечатков.

Выражение лица Фрелих изменилось:

– Нет. Вот тут-то и происходит нечто очень странное. Она ткнула ногтем в самый низ письма:

– Что можно было бы ожидать увидеть здесь, будь это обычное письмо?

– Подпись, – сказал Ричер.

– Именно, – подхватила Фрелих. – А нашли мы здесь отпечаток большого пальца. Для женщины немного великоватый. Он подписал письмо своим большим пальцем.

– Вы, конечно, попытались определить принадлежность отпечатка, – сказала Нигли.

– Да, но пока все пусто, – ответила Фрелих.

– И это уж совсем странно, – сказал Ричер. – Он подписывает письмо отпечатком большого пальца, потому что ни в каких архивах его

отпечатков нет, но при этом принимает особые меры предосторожности, гарантирующие, что никаких других его пальчиков больше нигде не останется.

– Что-то еще? – насторожился он. – Почему вы так напряжены?

Фрелих вздохнула и, подняв конверт, вытряхнула из него другой листок. Фотокопия листа белой бумаги. Только слов было шесть: «НОВОИЗБРАННОМУ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АРМСТРОНГУ ПРЕДСТОИТ УМЕРЕТЬ».

– По сути, они идентичны, – сказала Фрелих. – Результаты экспертизы те же, и тот же отпечаток большого пальца вместо подписи.

– И?

– Это послание обнаружено на столе моего босса.

– Когда оно там появилось? – спросил Ричер.

– Через три дня после того, как по почте пришло первое.

– Это адресовано вам, – сказала Нигли, – не Армстронгу.

– Когда Армстронг покидает Кемп-Дэвид? – спросил Ричер.

– Сегодня вечером у них там обед, – ответила Фрелих. – Думаю, завтра они прилетят обратно.

– Кто ваш босс?

– Человек по фамилии Стайвесант.

– Так чего же именно вы хотите от нас?

– Мне нужно было с кем-то поговорить. Конкретно – с Джо. Джо умел распутывать сложности.

– Вы хотите, чтобы я обратился в Джо? – спросил Ричер.

– Нет. Я хочу, чтобы Джо был бы жив.

– Мы оба этого хотим, – сказал он. – Однако он мертв. Расскажите-ка мне о своих коллегах.

– Я первым делом подумала о них.

– Это хорошая мысль, – сказал Ричер. – Кто-то завидует вам, проникается злобой и подбрасывает все это в надежде, что вы распсихуетесь и будете иметь глупый вид. Имеются у вас конкретные кандидаты на эту роль?

Она пожала плечами:

– На первый взгляд – ни одного. Если копнуть глубже, любой.

– А кто-нибудь из тех, кому не по душе, как вы руководите?

– Я кое-что переменила, но сделала это тактично. Так что, думаю, настоящая угроза исходит из внешнего мира.

– Я тоже, – сказала Нигли. – Но к этому причастен и некто из находящихся внутри. Кто еще мог бы подбросить хоть что-нибудь на стол вашего босса?

– Я хочу, чтобы вы осмотрелись в нашем офисе, – сказала Фрелих. – Сделаете это?

Они проехали в «шевроле» короткое расстояние по городу. Фрелих припарковала машину, провела гостей вверх по узкой, красного дерева лестнице – в маленький вестибюль на первом этаже, куда выходила дверь единственного лифта.

– Вообще-то вам здесь находиться не положено, – сказала она. – Так что держитесь поближе ко мне, ладно? Но сначала взгляните кое на что.

Она вывела их в огромный зал.

– Главный вестибюль нашего здания, – сказала она. Голос ее отдавался эхом в мраморной пустоте. – Вот здесь.

Стены были украшены огромными мраморными панелями. На той, под которой они стояли, шла поверху резная надпись: «МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ». Под ней другая: «СПИСОК ПОГИБШИХ». Еще ниже сам список, состоящий из дат и имен. Их было дюжины три-четыре. Предпоследняя надпись гласила: «Д. Ричер, 1997». Последняя: «М. Б. Гордон, 1997».

– Это Джо, – сказала Фрелих. – Наша дань ему.

– Нет, это не Джо, – сказал Ричер. – Это всего лишь имя.

Фрелих ничего не сказала и повела их назад, в маленький вестибюль с лифтом. Они поднялись на третий этаж. При входе на этаж располагалась конторка, за которой сидел мужчина в костюме. К плечу его был прикреплен телефон.

– Дежурный офицер, – сказала Фрелих. – Тут всегда кто-нибудь сидит.

– Это единственный путь внутрь? – спросил Ричер.

– На задах есть пожарные лестницы, – ответила Фрелих. – Но не спешите с выводами. Видите камеры?

Она указала на потолок. Каждый из коридоров просматривался миниатюрными камерами наблюдения.

Фрелих вела их все дальше и дальше, пока они не достигли конца этажа. Тут имелся длинный, узкий коридор, выходивший в лишенное окон квадратное помещение. У боковой стены квадрата располагался секретарский рабочий стол, места за которым хватало только одному человеку. За столом находился запасной выход. Над ним висела камера наблюдения. Напротив стола виднелась голая, без таблички, дверь.

– Кабинет Стайвесанта, – сказала Фрелих.

Она открыла дверь, ввела их внутрь. Щелкнула выключателем, и кабинет залил яркий галогенный свет.

– Окно открывается? – спросила Нигли.

– Нет, – ответила Фрелих. – Да и в любом случае, оно выходит на Пенсильвания-авеню. Если какие-то взломщики полезут на третий этаж, кто-нибудь их да заметит, поверьте.

В маленьком кабинете доминировал огромный рабочий стол с серой столешницей. Стол был совершенно пуст.

– Он что же, и телефоном не пользуется? – спросил Ричер.

– Он держит его в ящике стола, – ответила Фрелих. Вдоль стены выстроились высокие шкафы. Имелось еще два кожаных кресла для гостей. Больше ничего.

– Итак, – сказала Фрелих. – Письмо с угрозой появилось в понедельник после выборов. Следующее – в среду вечером. Стайвесант уходит домой около семи тридцати. Его секретарша – часом позже. Перед тем как уйти, она заглядывает сюда. По ее утверждению, стол был пуст.

Ричер кивнул. Тут и пылинка бросилась бы в глаза.

– В четверг, в восемь утра, секретарша вернулась. Кабинет Стайвесанта она не открывала. В десять минут девятого появился Стайвесант. С кейсом и в плаще. Плащ он снял и повесил на вешалку. Кейс оставил на столе секретарши. Вошел в кабинет. Секунд через пять вышел снова. Пригласил секретаршу в кабинет. Оба говорят, что на столе лежал лист бумаги.

– Это всего-навсего их показания? – спросила Нигли. – Камеры наблюдения подключены к видеомагнитофонам?

– Обе, – ответила Фрелих. – Каждая к своему.

– И что еще показывают записи? – спросил Ричер.

– Уборщиков, – ответила Фрелих.

Она отвела их в свой кабинет и вынула из ящика письменного стола три видеокассеты.

– Это копии, – сказала она. – Оригиналы хранятся под замком. На каждой ленте шестичасовая запись. С шести утра до полудня, с полудня до шести вечера, с шести до полуночи, с полуночи до шести, а потом все начинается сначала.

Она включила видеомагнитофон. Поставила первую пленку. На экране появилось мутное изображение.

– Это вечер среды, – сказала Фрелих. – С шести и далее. Камера, висевшая над головой секретарши, показывала все квадратное помещение. Секретарша была немолода. Седа. В левом нижнем углу изображения указывались дата и время суток. Фрелих нажала кнопку «ПЕРЕМОТКА ВПЕРЕД». Голова секретарши замоталась вниз-вверх. Появился какой-то человек с кипой внутренней почты, свалил ее на стол и удалился. Секретарша начала разбирать почту, шлепая резиновым штемпелем в углу каждого пакета.

– Что это она делает? – поинтересовался Ричер.

– Проставляет время и дату приема, – ответила Фрелих.

– Так, вот Стайвесант уходит домой.

Ричер снова взглянул на экран и увидел, как счетчик времени показал сначала семь тридцать, потом семь тридцать одну. Из кабинета на утроенной скорости выскочил Стайвесант. Рослый мужчина, широкоплечий, чуть сутуловатый, с седыми висками. Тонкий кейс в руке. Видеозапись заставляла его двигаться с абсурдной энергичностью. Он подбежал к столу секретарши. Резко согнулся, что-то сказал и бегом скрылся с глаз. Как только семерка сменилась восьмеркой, секретарша подскочила на месте, и Фрелих опять замедлила воспроизведение, чтобы показать, как секретарша на секунду приоткрывает дверь, ведущую в кабинет Стайвесанта. Секретарша побегала по квадратной комнате, подхватила свою сумочку, плащ и скрылась.

– Когда приходят уборщики? – спросил Ричер.

– Перед самой полуночью, – ответила Фрелих.

Она щелкала кнопками, переключаясь с быстрого воспроизведения на нормальное. В одиннадцать пятьдесят она установила нормальное. В одиннадцать пятьдесят две появились трое уборщиков. Две женщины и мужчина в темных комбинезонах. Все трое выглядели

латиноамериканцами. Все трое казались усталыми. Как и любые ночные труженики. Впрочем, выглядели они опрятно и профессионально. Подстрижены коротко. Фрелих остановила картинку.

– Кто они? – спросил Ричер.

– Правительственные служащие, – ответила Фрелих. – Большинство уборщиков в городе работают по договору, от фирм. Однако мы нанимаем собственных. И ФБР тоже. Их должным образом опрашивают и дважды проверяют.

– И все же вы думаете, что письмо пронес кто-то из них?

– Это единственное возможное объяснение.

Она нажала на кнопку «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ», и уборщики снова начали продвигаться к кабинету Стайвесанта. Дверь за ними захлопнулась. Счетчик отсчитывал время – пять минут, семь, восемь. Потом запись закончилась.

– Полночь, – сказала Фрелих.

Она извлекла кассету, вставила вторую.

В семь минут первого уборщики вышли из кабинета.

– Итак, вы полагаете, что письмо уже лежит на столе, – сказал Ричер.

Фрелих кивнула. На экране уборщики принялись за стол секретарши. Они не пропускали ничего. Черный мешок для мусора раздулся, став вдвое больше. Мужчина приобрел вид немного растрепанный. В шестнадцать минут первого все они удалились.

– Все, – сказала Фрелих. – В следующие пять часов и сорок пять минут никого. Мы просмотрели и третью пленку – с шести до восьми на ней пусто, потом пришла секретарша, а дальше все происходило так, как рассказывает Стайвесант.

– Чего и можно было ожидать, – произнес от двери голос. – И думаю, нашим словам можно верить. В конце концов, я прослужил правительству двадцать пять лет, а моя секретарша, сколько я знаю, и того дольше.

Глава четвертая

Человеком, стоявшим у двери, был Стайвесант, тут сомневаться не приходилось. Ричер уже видел его на видео. Он был в костюме и при галстуке – это в воскресенье-то. Смотрел прямо на Нигли.

– Вы та женщина с видеозаписи, – сказал он. – Из бального зала.

Затем он перевел взгляд на Ричера и вступил в комнату:

– А вы брат Джо Ричера. Очень на него похожи.

Ричер кивнул.

– Джек Ричер, – сказал он и протянул руку. Стайвесант пожал ее.

– Сожалею о вашей потере, – сказал он.

Ричер кивнул снова.

– Это Фрэнсис Нигли, – сказал он.

– Ричер привлек ее, чтобы помочь нам с аудитом, – вставила Фрелих.

– Это я понял, – отозвался Стайвесант. – Толковый ход. Каковы результаты?

В кабинете наступила тишина.

– Настолько плохо? – спросил Стайвесант. – Что ж, я именно так и полагал. Они должны были найти путь сквозь наш заслон. Я прав?

– Три пути, верных, – ответила Фрелих.

– Очевидно, бальный зал. Вероятно, семейный дом и та дурацкая встреча под открытым небом. Так?

– Так, – ответила Фрелих.

– Давайте перейдем в конференц-зал, – сказал Стайвесант.

Он привел их в довольно просторную комнату, находившуюся в самом центре комплекса. Сел, указал на кресла.

– Я буду говорить прямо, что для меня нехарактерно, – произнес он. – Это, как вы понимаете, вынужденный ход – просто потому, что, на мой взгляд, мы обязаны кое-что вам объяснить. Так что давайте поговорим о бейсболе.

Все молча ждали продолжения.

– Когда я попал в город, «Вашингтонских сенаторов» уже не было, – продолжал он, – так что мне пришлось довольствоваться «Балтиморскими иволгами». Хотя постойте, вы понимаете, в чем уникальность этой игры?

– Продолжительность сезона, – сказал Ричер. – И процент побед.

– Особенность бейсбола, – продолжал Стайвесант, – в том, что стандартный сезон состоит из ста шестидесяти двух матчей. В любом

другом виде спорта он может включать пятнадцать, двадцать, тридцать игр. В любом другом виде спорта игрокам начинает казаться, что они способны победить в каждой отдельной игре. И время от времени им это даже удается.

А вот в бейсболе такое невозможно. Даже самые лучшие команды проигрывают примерно треть игр. Президентская охрана в точности то же самое.

– Вы проиграли только один раз, – сказала Нигли. – В 1963-м.

– Нет, – ответил Стайвесант. – Мы проигрываем постоянно. Просто не каждый наш проигрыш столь значителен. Совсем как в бейсболе. Не каждое поражение команды выводит ее из чемпионата. Так и у нас – не каждая ошибка приводит к смерти нашего подопечного.

– Так о чем же вы говорите? – спросила Нигли.

– О том, что, какие бы результаты ни дал ваш аудит, вы должны сохранять веру в нас.

– А что насчет этой конкретной угрозы? – спросил Ричер. Стайвесант покачал головой:

– Вот тут какая бы то ни было прямота меня покидает. То, что Фрелих вообще сообщила вам о существовании некой угрозы, – серьезный промах с ее стороны. Все, что я готов вам сказать: мы перехватываем множество угроз. Однако как мы с ними поступаем – дело секретное. И вы связаны теперь обязательством, покинув это здание, никогда и никому о данной ситуации не рассказывать.

Наступило молчание. Стайвесант ушел в свои мысли. Потом встал, прошел к низкому шкафчику и вынул из него два блокнота. Он положил их перед Ричером и Нигли и снова сел.

– Запишите ваши полные имена, – сказал он. – Даты рождения, номера социального страхования, армейские кодовые номера и нынешние адреса.

Ричер, немного помедлив, вытащил ручку. Нигли пожала плечами и начала писать. Закончил он гораздо раньше нее. У него не имелось ни второго имени, ни текущего адреса. Стайвесант взял блокноты со стола, сунул их под мышку и вышел из комнаты. Дверь громко захлопнулась за ним.

– У меня начались неприятности, – сказала Фрелих. – Да я еще и вас в них втянула.

– На этот счет не волнуйтесь, – откликнулся Ричер. – Он собирается заставить нас подписать некое соглашение о неразглашении, только и всего. Думаю, пошел к машинистке.

Через двадцать минут Ричер взглянул на часы:

– Какого черта он там делает? Сам печатает, что ли? Ладно, дадим ему еще десять минут.

Стайвесант вернулся через пять минут. Никаких бумаг он с собой не принес. Уселся на прежнее место.

– Ладно, – сказал он. – На чем мы остановились? Да, Ричер задал вопрос. Спросил об этой конкретной угрозе. Ну-с, тут поработал человек, находящийся либо внутри этого здания, либо снаружи.

– Мы теперь эту тему обсуждаем?

– Вот именно, – сказал Стайвесант. – Если это человек извне, стоит ли нам так уж волноваться?

Никто ничего не сказал.

– Прошу высказываться, – произнес Стайвесант.

– Ладно, – отозвался Ричер. – Вы считаете, что угроза исходит извне?

– Нет. Я думаю, что это внутренний шантаж, цель которого – подпортить карьеру Фрелих. Теперь спросите меня, что я собираюсь предпринять в связи с этим.

– Я знаю, что вы собираетесь предпринять. Вы собираетесь нанять меня и Нигли для проведения внутреннего расследования.

– Да что вы?

Ричер кивнул:

– Если вас тревожит возможность внутреннего шантажа, значит, вам необходимо внутреннее расследование. Собственных людей вы использовать не можете, поскольку существует шанс выбрать для его проведения того самого плохого парня. И ФБР вам сюда впутывать не хочется, потому что в Вашингтоне так эти дела не делаются. Стало быть, вам нужен человек со стороны. А как раз двое таких сидят прямо перед вами. И они уже вовлечены в это дело. Я с самого начала автоматически вызываю доверие – по причине Джо. К тому же в армии я считался хорошим следователем. Как и Нигли. Вам это известно, потому что вы все только что проверили.

– Превосходный анализ, – сообщил Стайвесант. – Вы получите эту работу, как только мне перешлют ваши допуски к секретным материалам. Это займет часа два.

– Вам такое по силам? – спросила Нигли.

– Мне по силам все, чего я хочу. Президенты обыкновенно наделяют людей, которые, как они надеются, помогут им остаться в живых, изрядной властью.

В комнате повисло молчание.

– Войду ли я в число подозреваемых? – осведомился Стайвесант.

– Нет, – ответил Ричер. – Ни вы, ни Фрелих на подозрении не состоите. Где сейчас уборщики?

– Сидят под домашним арестом с сохранением содержания, – ответил Стайвесант. – Они живут все вместе. Одна из женщин приходится мужчине женой, другая – ее сестра.

– Что они говорят?

– Что ничего не знают. Никакого листка бумаги сюда не приносили. Они вообще его ни разу не видели.

– Но вы им не верите.

– Они прошли проверку на детекторе лжи. Все трое.

– Так вы им верите? Стайвесант покачал головой:

– Я не могу им верить. Как я могу? Вы же видели запись. Думаю, кто-то в здании попросил их проделать это, объяснив, что такова процедура рутинной проверки, что никакого вреда они не принесут, и натаскал при этом относительно всего последующего – видеозаписей, детектора.

– Вы уже говорили с ними обо всем этом?

– Этим займетесь вы, – ответил Стайвесант.

Стайвесант исчез так же внезапно, как появился. Просто вышел из комнаты, и все. Ричер, Нигли и Фрелих, храня молчание, сидели за залитым ярким светом столом.

– У меня уже есть работа, – произнесла наконец Нигли.

– Возьми отпуск, – откликнулся Ричер. – Останься.

Нигли пожала плечами:

– Ладно, полагаю, мои партнеры сочтут, что это добавит нам престижа. Мне надо вернуться в отель, позвонить кое-кому, выяснить, управятся ли они без меня.

– Не хотите сначала поужинать? – спросила Фрелих. Нигли покачала головой:

– Нет. Поем в номере.

Коридорами они вернулись в кабинет Фрелих. Она позвонила, заказала для Нигли машину, потом проводила женщину до гаража и вернулась к сидевшему за ее столом Ричеру.

– Пойдемте, – сказала она. – Поужинаем у меня дома.

– У вас?

– Воскресными вечерами здешние рестораны – это что-то ужасное. Да я их и в другие дни не переношу.

Она жила в маленьком теплом доме, стоявшем в ряду таких же посреди очаровательного района, расположенного за рекой Анакостия, неподалеку от базы ВВС в Боллинге. Здесь было уютно. Деревянные полы, ковер, старомодная мебель.

Фрелих отошла в дальнюю часть гостиной, к арке, ведшей в кухню, свидетельствующую, что хозяйка привыкла питаться дома. Она оглядела кухню с недоумением, словно не вполне понимая, для чего нужны все эти механизмы и шкафы.

– Мы могли бы заказать еду в китайском ресторане, – окликнул ее Ричер.

Фрелих стянула жакет, положила его на табурет.

– Наверное, так и надо сделать, – сказала она. Отыскав в буфете меню доставляемых на дом блюд, она набрала номер и сделала заказ. Цыплята «Генерал Цо», две порции.

– Устроит? – спросила она.

– Не спрашивайте, – ответил Ричер. – Это то, что нравилось Джо.

– У меня все еще хранятся некоторые его вещи, – сказала она. – Вам стоит взглянуть на них.

Они вернулись – Фрелих впереди, он сзади – в прихожую и поднялись по лестнице. В передней части дома имелась комната для гостей, а в ней – глубокий шкаф с одной дверцей. Внутри на рейке висела длинная

череда рубашек и костюмов – все в пластиковых мешках сухой химчистки.

– Это его, – сказала Фрелих. – Я надеялась, что он вернется за ними. Так что забирайте их вы. Да они и в любом-то случае ваши.

– Из-за чего вы расстались? – спросил Ричер.

В дверь позвонили. В тишине звонок прозвучал громко.

– Еда, – сказала Фрелих.

Они спустились вниз, уселись за кухонный стол, молча.

– Вы можете остаться здесь на ночь, – сказала Фрелих. – Если хотите.

– Я не выписался из отеля.

– Так выпишитесь завтра. А потом обоснуетесь здесь.

– А как насчет Нигли?

– Она тоже, если захочет. В доме есть еще одна спальня.

– Хорошо, – сказал он.

Зазвонил телефон. Фрелих, перейдя гостиную, сняла трубку и, коротко переговорив, вернулась назад:

– Это Стайвесант. Пришли ваши допуски. Ричер кивнул:

– Позвоните Нигли, скажите – мы ее ждем.

– Сейчас?

– Столкнулся с проблемой – решай ее, – ответил он.

– С чего вы собираетесь начать?

– С видеозаписей. Хочу просмотреть их еще раз. Да, и мне нужно повидаться с тем, кто отвечает за эту часть работы.

Тридцать минут спустя Нигли уже сидела у них в машине. Она переоделась в черный костюм с коротким жакетом и брюками в обтяжку. На вкус Ричера смотрелись они неплохо, особенно сзади. В здании Секретной службы Фрелих прямиком направилась в свой кабинет, оставив Ричера и Нигли с агентом, отвечающим за видеонаблюдение. Это был маленький, тощий, нервный малый в воскресной одежде, срочно вызванный из дому для встречи с ними. Он отвел их в аппаратную, комнату размером с платяной шкаф.

– Вообще-то система сама о себе заботится, – сказал малый. – К каждой камере подключены четыре магнитофона с шестичасовыми кассетами. Так что мы заменяем все пленки один раз в сутки, закладываем их на трехмесячное хранение, а после используем повторно.

– А где оригиналы за интересующую нас ночь? – спросил Ричер.

– Здесь, – ответил малый.

Он покопался в кармане и извлек кольцо со связкой ключей. Открыл нижний ящик и вынул из него три коробки.

– Найдется какое-нибудь место, чтобы их просмотреть?

– Да здесь и смотрите, – сказал малый.

– Стулья найдутся? – спросил Ричер.

Малый выскочил наружу и вернулся, волоча два стула.

– Я тогда, наверное, в вестибюле подожду, – сказал он. И огляделся вокруг – судя по его виду, он чувствовал себя не в своей тарелке, оставляя в своих владениях посторонних.

– Как ваше имя? – спросила Нигли.

– Нендик, – смущенно ответил малый.

Он вышел, Ричер вставил кассету в магнитофон.

– А знаешь, – сказала Нигли, – он так ни разу на мою задницу и не взглянул. Мужчины обычно поглядывают, когда я надеваю эти штаны.

– Может быть, он голубой, – отозвался Ричер.

– Или стареет. У него на пальце обручальное кольцо. Ричер нажал кнопку перемотки. Зажужжал моторчик.

– Третья лента, – сказал Ричер. – Четверг, утро.

Он нажал «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ» – в прямоугольное помещение вошла секретарша, сняла плащ, повесила его на вешалку. Тяжело осев в кресло, она занялась высокой стопкой меморандумов. Одни она откладывала, к другим просто прикладывала резиновый штемпель.

Она дважды отрывалась от стопки, чтобы ответить на телефонные звонки. Ричер прокрутил изображение вперед, до появления на экране Стайвесанта. На нем был черный дождевик. Он снял его, повесил, положил кейс на стол секретарши. Наклонившись, поговорил с ней о чем-то. Выпрямился, направился, оставив кейс на столе, к своей двери и скрылся в кабинете. Потом снова появился в двери и позвал секретаршу.

– Нашел, – сказал Ричер.

– Странно, что он оставил кейс, – отозвалась Нигли. Ричер быстро просмотрел следующий час. Люди ныряли в кабинет и выскакивали из него. Он нажал на «ОБРАТНЫЙ ПРОСМОТР», и все утро начало раскручиваться заново, задом наперед.

– Теперь самое скучное, – сказал Ричер. – Часы пустоты.

– Почему мы занимаемся этим именно сегодня, ночью? – спросила Нигли.

– Потому что я человек нетерпеливый, – ответил Ричер.

– Возможно, у этого имеется и другая причина, – сказала Нигли. – Возможно, ты пытаешься превзойти брата.

– Нет необходимости. Разницу между нами я знаю точно.

– Что с ним случилось?

– Его убили при исполнении обязанностей. Операция против фальшивомонетчиков, тайная встреча с информатором. Они попали в засаду, и ему прострелили голову, дважды.

– А тех, кто это сделал, смогли найти?

– Нет.

– Ужасно.

– На самом-то деле не так уж. Я сам их нашел.

– А потом?

– Потом мне нужно было быстро и скрытно выйти из вражеской зоны. Пришлось пропустить похороны.

– Это плохо.

– Человека, с которым встречался Джо, тоже убили. Была еще женщина. Помощница Джо, Молли Бет Гордон.

– Я видела ее имя. В почетном списке.

Ричер некоторое время молчал. Кассета крутилась назад.

– В общем-то, он сам виноват, – сказал Ричер. – Я к тому, что вот ты, отправившись на встречу, попала бы в засаду?

– Нет. Я проделала бы все как положено, – ответила Нигли. – Ты сам знаешь – прийти пораньше, определить участок, осмотреться, блокировать подходы.

– А Джо ничего этого не сделал. Нигли, глядя на экран, поерзала на стуле.

– Боевая готовность, – сказала она. – Близится час «икс». Таймер показывал половину первого ночи. Офис оставался пустым. Затем, в шестнадцать минут первого, команда уборщиков выбежала из сумрака коридора. Ричер наблюдал, как они на большой скорости скрываются в кабинете Стайвесанта. Потом пустил ленту вперед на обычной скорости, посмотрел, как они чистят стол секретарши.

– Что скажешь? – спросил он у Нигли.

– Выглядит вполне нормально, – ответила та.

– Если бы они только что оставили там письмо, были бы они так спокойны?

Уборщики не торопились. Не вели себя воровато или беспокойно. Просто делали свое дело.

– Так где же оно могло быть? – спросил Ричер.

– Как и говорила Фрелих, где угодно.

– Но доказательств нет? – произнес Ричер. Они могли спрятать на себе и в своей тележке хоть десяток писем.

– Естественно. Но кто еще у нас есть?

– Решительно никого.

Они отправились на поиски Фрелих и нашли ее – за письменным столом.

– Нам нужно поговорить с уборщиками, – сказал Ричер.

– Сейчас? – удивилась Фрелих.

– Более подходящего времени не найти. Полуночные допросы всегда дают наилучшие результаты.

Фрелих выглядела озадаченной.

– Хорошо, тогда я, наверное, отвезу вас к ним.

– Лучше, если вас там не будет, – сказала Нигли.

– Почему?

– Мы люди военные, грубые. Вдруг нам захочется отвесить им пару оплеух?

Фрелих уставилась на нее:

– Так нельзя.

– Она пошутила, – сказал Ричер. – Просто им будет удобнее разговаривать с нами, если никого из вашего отдела рядом не будет.

– Хорошо, я подожду снаружи. Но с вами все же поеду. Она провела их в гараж. Все трое погрузились в «шевроле», и на те двадцать минут, что заняла дорога, Ричер закрыл глаза. Затем машина остановилась, Ричер открыл глаза – их окружал какой-то захудалый район.

– Вон там, – сказала Фрелих. – Дом 2301.

Ричер и Нигли прошли к двери. Ричер нажал кнопку звонка. Дверь открылась, перед ними стоял мужчина. Волосы черные, лоснящиеся, аккуратная старомодная стрижка.

– Да? – произнес он.

– Нам нужно поговорить о случившемся в офисе, – сообщил Ричер.

Мужчина не стал задавать никаких вопросов. Нигли с Ричером вошли в узенькую прихожую. По ее полкам были аккуратно расставлены детские игрушки. За прихожей виднелась гостиная с двумя безмолвными, испуганными женщинами.

– Нам нужны ваши имена, – сказала Нигли.

Голос ее звучал как нечто среднее между теплым дружелюбием и погребальной песней судьбы.

– Хулио, – сказал мужчина.

– Анита, – сказала первая женщина.

По тому, как она, прежде чем ответить, взглянула на мужчину, Ричер решил, что это его жена.

– Мария, – сказала вторая. – Я сестра Аниты.

В гостиной стояли два кресла и маленькая софа. Анита с Марией потеснились на софе, освобождая место для Хулио. Ричер счел это приглашением и уселся в одно из кресел. Нигли села в другое.

– Мы думаем, что это вы, ребята, принесли письмо в кабинет, – сказала Нигли.

Ответа не последовало.

– Дети спят? – спросил Ричер.

– Их здесь нет, – ответила Анита.

– А где они?

Анита немного помолчала:

– У двоюродной родни.

– Почему?

– Потому что мы работаем по ночам.

– Больше уже не работаете, – вступила Нигли.

– Мы ни к каким письмам отношения не имеем, – сказал Хулио.

– Тогда чем вы там занимались? – спросил Ричер.

– Уборкой.

– Вы пробыли в кабинете очень долгое время. Хулио озадаченно взглянул на жену.

– Столько же, сколько в любую другую ночь.

– Хорошо, – сказала Нигли. – Запись показывает, что вы туда заходили. После этого на столе появилось письмо. Мы думаем, что его подложили вы и что кто-то попросил вас сделать это. Нам нужно знать, кто вас попросил. Иначе мы будем думать, что вы сделали это по собственному почину. А это уже серьезно. За это можно попасть в тюрьму.

Лицо Марии осталось неподвижным, каменным. Как и лица Аниты и Хулио.

– Пошли, – сказал Ричер.

Они приблизились к «шевроле» как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фрелих защелкивает крышку сотового телефона.

– Значит, так, – сказала она. – Назначено еще одно стратегическое совещание. Будьте завтра в офисе к девяти утра.

Глава пятая

Следующее утро – понедельника – выдалось сырым и холодным. Конференц-зал был пуст, если, конечно, не считать присутствия в нем Фрелих и Стайвесанта. Между ними на полированном столе лежала фотография. Ричер подошел поближе, склонился.

В центре страницы было напечатано: «ДЕМОНСТРАЦИЯ ВАШЕЙ УЯЗВИМОСТИ СОСТОИТСЯ СЕГОДНЯ».

– Когда пришло? – спросил он.

– Сегодня утром, – ответила Фрелих. – По почте.

– Откуда отправлено?

– Из Орландо, штат Флорида, в пятницу.

– Я распорядился арестовать уборщиков, – сообщил Стайвесант.

Комментариев ни от кого не последовало.

– Существенный момент, – произнес Стайвесант. – Написано это в шутку или всерьез?

– Всерьез, я думаю, – ответила Нигли.

– Сейчас это не так уж и важно, – сказал Ричер. – Два вопроса: насколько безопасны нынче перемещения Армстронга?

– Насколько это возможно, – ответила Фрелих. – В одиннадцать он должен выехать из дома на Капитолий. Я приказала воспользоваться длинным лимузином, бронированным. На обоих концах его пути на тротуаре сооружаются закрытые переходы. Под открытым небом он не окажется ни разу.

– Он так до сих пор ничего и не знает?

– Стандартная практика, – ответил Стайвесант.

– Тысячи угроз в год, – произнесла Нигли.

Стайвесант кивнул:

– Вот именно. По большей части это просто хулиганство.

– Хорошо, второй вопрос, – сказал Ричер. – Где его жена? И потом, у него же взрослая дочь, так? Заняться семьей – это была бы неплохая демонстрация его уязвимости.

Фрелих кивнула:

– Жена уже здесь, в Вашингтоне. Вчера приехала из Северной Дакоты. Дочь в аспирантуре, пишет диссертацию – метеорология, что-то в этом роде, – она сейчас в Антарктиде, вокруг нее тысячи квадратных километров льда.

– Насчет сегодняшнего дня – нам с Нигли лучше побыть у его дома, понаблюдать.

– Думаете, опростоволосимся?

– Нет, я думаю, что у вас и так будет забот полон рот.

– Хорошо, – согласился Стайвесант. – Вы двое отправляетесь к дому и ведете наблюдение.

Они приехали в Джорджтаун незадолго до десяти. День стоял холодный, впрочем, слабенькое солнце старалось, как могло. Нигли постояла, оглядываясь во всех четырех направлениях.

– Задача? – спросила она.

– Идем по кругу, радиус три квартала, – ответил Ричер. – Ты по часовой, я против. Потом ты остаешься на юге, я на севере. Встречаемся у дома после отъезда Армстронга.

Нигли двинулась на запад. Ричер пошел на восток, на ходу вглядываясь в окна верхних этажей. Для человека с винтовкой вся эта территория была более чем удобной. Впрочем, стрелять из винтовки по бронированному лимузину – занятие неблагодарное.

Свернув за угол, он оказался в начале улицы, на которой жил Армстронг. Небольшая толпа зевак наблюдала, как сотрудники Секретной службы сооружают закрытый переход между домом Армстронга и уличным бордюром.

Ричер нашел кофейню, из которой открывался хороший вид на южную часть улицы, заказал большую чашку черного кофе и сел за столик. В десять пятьдесят пять появился черный «шевроле», остановившийся чуть севернее закрытого перехода. Следом подкатил «кадиллак», перекрывший устье перехода. За «кадиллаком» встал черный «таун-кар». Из «шевроле» выскочили четверо агентов и встали на тротуаре по сторонам от перехода – двое с южной его стороны, двое с северной. Ричер смотрел на навес, пытаясь угадать момент, в который под ним пройдет Армстронг. Невозможно. Он все еще смотрел, когда послышался мягкий хлопок дверцы. Машины уехали.

Допив кофе, Ричер пошел к дому Армстронга. Навстречу ему шагала Нигли.

– Нормально? – спросил он.

– Навес мне понравился, и бронированная машина тоже. Ричер кивнул. Они обернулись и увидели машину Фрелих.

Та махнула им рукой: садитесь. Нигли села впереди, Ричер забрался на заднее сиденье.

Фрелих сняла ногу с тормоза, пустив автомобиль накатом, и остановила ее, лишь когда задняя дверца поравнялась с выходом из навеса.

Ричер, глядя в брезентовый туннель, увидел, как дверь открывается и из нее выходит Брук Армстронг.

– Конвой был отвлекающим маневром, – сказала Фрелих.

– Меня он одурачил, – отозвался Ричер. Армстронг открыл дверцу и сел рядом с ним.

– С добрым утром, М.-И., – сказал он.

– С добрым утром, сэр, – ответила она. – Это мои помощники, Джек Ричер и Фрэнсис Нигли.

Нигли полуобернулась, и Армстронг пожал ей руку.

– А я вас знаю, – сказал он. – Мы встречались на приеме – в четверг, вечером. Вы ведь из жертвователей, не так ли?

– Она из службы безопасности, – сказала Фрелих.

– Превосходно, – ответил ей Армстронг. – Поверьте, мадам, я очень благодарен за ту заботу, которую вы обо мне проявляете.

Армстронг пожал руку и Ричеру.

– Рад знакомству с вами, мистер Ричер, – сказал он.

– Я тем более, – ответил Ричер.

– Вы тоже из службы безопасности?

– Советник.

– Здорово работаете, ребята.

Фрелих вела машину по Висконсин-авеню. Армстронг смотрел на город. Высокий, полный энергии мужчина. Голубые глаза; непослушные, с золотистыми прядями волосы.

– Служили в армии, я угадал?

– Я? – спросила Нигли.

– Думаю, оба. Знакомые признаки. Мой отец был военным. Фрелих миновала Капитолий, свернула на Первую улицу и покатила к белому навесу у входа в здание Сената. Дверца Армстронга оказалась прямо против входа в брезентовое укрытие.

– Приятно было познакомиться с вами, – сказал Армстронг. – И еще раз спасибо, М.-И.

Затем он вышел в брезентовый сумрак и захлопнул за собой дверцу машины.

– Ладно, – сказала Фрелих. – Пока все в порядке. Около семи отвезем его домой. Жена там. Снабдим их каким-нибудь видеофильмом. И весь вечер продержим под запором.

– Нам нужны оперативные данные, – сказал Ричер. – Мы же не знаем, какой вид может принять упомянутая демонстрация. Или где она состоится.

Фрелих кивнула:

– В полночь мы все проверим. Если доживем до полуночи.

– И я хочу, чтобы Нигли еще раз допросила уборщиков. Если мы получим от них то, что нам требуется, можно будет спать спокойно.

Они высадили Нигли у федеральной тюрьмы и вернулись в кабинет Фрелих. Здесь ее уже ждал посвященный последнему посланию отчет экспертов ФБР. Оно оказалось во всех деталях идентичным первым двум.

Зазвонил телефон Фрелих. Она сняла трубку, лицо ее вытянулось. Фрелих прижала трубку к плечу, возвела глаза к потолку.

– Армстронг хочет отправиться в Министерство труда, – сказала она. – Пешком.

Здание Казначейства отделяло от здания Сената ровно три километра, Фрелих проделала весь путь, ведя машину одной рукой, а другой прижимая к уху телефон.

– А люди из министерства к нему прийти не могут? – спросил Ричер.

Она покачала головой:

– Нет, это вопрос политики.

– Куда он, собственно, должен идти?

Она показала на запад:

– Туда, чуть меньше километра.

– Это он им позвонил или они ему?

– Он им.

– Так пусть идет. Позвонил он сам. Никакого риска.

– Мы поставим здесь регулировщика движения, – сказала она, – так что машин будет немного. Я поеду за ним по Д-стрит, метрах в пятидесяти сзади. А вы пойдете впереди – и смотрите в оба.

– И когда мы всем этим займемся?

– Через десять минут. Вылезайте.

Фрелих включила двигатель и отъехала от перехода, чтобы Ричер мог вылезти на тротуар. Он вылез, застегнул куртку и пошел, поеживаясь от холода.

Все прошло как по маслу, и, едва Армстронг со своим эскортом пересек Луизиана-стрит, Ричер скачками устремился к машине Фрелих. Увидев Ричера, Фрелих опустила стекло.

– Залезайте, – сказала она. – Вы выглядите озябшим. Ее сотовый затрезвонил снова. Она с мгновение послушала, потом сказала: «Хорошо» – и захлопнула крышку аппарата.

– Это Нигли, – сказала она. – Закончила с уборщиками.

– Добилась чего-нибудь?

– Не сказала. Встретимся в офисе. Я высажу вас в гараже. Нигли поджидала Ричера в приемной третьего этажа.

– Стайвесант здесь? – спросил Ричер.

Она покачала головой:

– Уехал в Белый дом.

Вдвоем они прошли в квадратную комнату перед кабинетом Стайвесанта. Секретарша сидела за своим столом. Нигли оглянулась на дверь кабинета Стайвесанта.

– Вы помните утро, когда появилось письмо? – спросила она секретаршу.

– Разумеется, помню, – ответила секретарша.

– Почему мистер Стайвесант оставил кейс здесь?

– Потому что это был четверг.

– А что происходит по четвергам?

– Его жена уезжает по вторникам и четвергам в Балтимор. Берет их машину. И ему приходится ехать на работу в метро.

Нигли озадаченно уставилась на нее:

– Подземкой? Секретарша кивнула:

– По вторникам и четвергам он пользуется особым кейсом, потому что в вагоне подземки его приходится ставить на пол. Он терпеть не может

любую грязь. И кейс, с которым он ездит в подземке, никогда в кабинет не заносит. Оставляет его здесь на весь день.

Нигли глянула на Ричера. Состроила физиономию.

– Безобидная странность, – сказала секретарша. – Письмо принесли уборщики. Другого объяснения нет.

Ее телефон зазвонил, она вежливо извинилась. Ричер и Нигли отыскали офис Фрелих и устроились в нем.

– Расскажи про уборщиков, – попросил он. Нигли отбила пальцами дробь по поверхности стола.

– Им выделили по адвокату, – сказала она. – И рассказали об их правах.

– Роскошно. Они что-нибудь рассказали?

– Ничего. Молчат как рыбы. Ясно, что они боятся сказать, кто велел им принести сюда письмо, и боятся лишиться работы, а то и попасть в тюрьму.

Ричер взглянул на часы.

– И что теперь? – спросила Нигли.

– Будем ждать.

Около семи часов вечера офис стал затихать.

– Вы выписались из отеля? – спросила Фрелих.

– Да, – ответил Ричер.

– Нет, – ответила Нигли. – Я буду для вас неподходящей гостьей.

Фрелих, немного озадаченная, примолкла. Ричера ответ Нигли не удивил. Она всегда была одиночкой.

– Ладно, – сказала Фрелих. – Я отвезу вас, а потом попробую доставить Армстронга домой целым и невредимым.

Фрелих отвезла Нигли в отель, проехала на юг по мосту Одиннадцатой улицы, а там, по городскому лабиринту, к своему дому. Остановила машину, пошарила за рулевым колесом, сняла с кольца ключ от входной двери и отдала Ричеру.

– Я вернусь через пару часов. Будьте как дома.

Он взял сумку, вылез, постоял немного, глядя вслед машине. Потом перешел тротуар, отпер входную дверь, нащупал выключатель, положил

ключи на маленький комодик, бросил на пол сумку и вошел в гостиную. Прошел на кухню.

Из кухни по лестнице можно было спуститься в подвал. В Ричере проснулась обычная любознательность. Он стал спускаться вниз, щелкая по дороге выключателями. В подвале стояла печь с вмонтированным в нее опреснителем, стиральная машина и сушилка для белья. Ричер вернулся на кухню.

Обшарил все и нашел пятьсот долларов в керамической кастрюле на верхней полке буфета. Наличные на всякий пожарный. В выдвижном ящике под стопкой тканевых подставок для тарелок обнаружилась «беретта» калибра 9 мм. Старая, обшарпанная, в пятнах засохшего масла. Незаряженная. Без обоймы. Он вытянул другой ящик, слева, и увидел четыре обоймы. Раскладка продумана хорошо. Правой рукой хватаешь пистолет, левой обоймы. А вот хранить заряженные обоймы – идея так себе. Оставь их так надолго, пружины в обоймах свыкнутся с приложенным к ним давлением и перестанут функционировать. Пистолет лучше держать с одним патроном в патроннике, а все прочие должны просто лежать россыпью. Это, конечно, может и замедлить твои действия, но по крайней мере, нажав на курок, ты не услышишь всего лишь глухой щелчок.

Ричер задвинул ящики и перешел в гостиную. Развесил одежду, привезенную из Атлантик-Сити, в гардеробе, рядом с оставленными Джо костюмами. Пригляделся к ним и выбрал один наудачу.

Он выложил пиджак на кровать, разложил рядом брюки. Потом вернулся к гардеробу, выбрал рубашку. Разделся. Вошел в ванную, включил душ. Вымылся, побрился, вернулся в спальню и облачился в одежду брата. Выбрал на полке темно-бордовый галстук. Подошел к зеркалу. Костюм пришелся ему как раз впору.

Тут он услышал донесшийся из прихожей звук. Стучали в дверь. Ричер сбежал вниз. Это была Фрелих.

– Я отдала вам свои ключи, – сказала она.

Ричер отступил назад, она вошла в дом. И, увидев его, замерла на месте. Пошарила за спиной, захлопнула дверь и вжалась в нее. Во все глаза глядя на Ричера.

– Я приняла вас за Джо, – сказала она. – Всего на секунду.

Она еще раз вгляделась в него и заплакала. Ричер постоял немного не двигаясь, потом шагнул вперед и обнял ее.

– Простите, – сказал он. – Я всего лишь примерил его костюм.

Фрелих сладила со слезами и выбралась из его объятий.

– Вы ни в чем не виноваты, – сказала она. – Этот галстук купила ему я.

– Простите, – повторил он. – Мне следовало подумать.

– Вы так замечательно выглядели, – сказала она. – Когда стояли здесь.

Она протянула руку и поправила галстук. Прикоснулась к мокрому пятну на рубашке, оставленному ее слезами. Потом на цыпочках подступила к Ричеру, сомкнула ладони у него на шее и нежно поцеловала в губы. И еще раз, уже по-настоящему.

Он ответил на поцелуй. Губы у нее были холодные. Ричер ощутил аромат ее кожи и волос. Положил руку ей на талию, другую на затылок. Груди Фрелих притиснулись к его груди. Но тут Фрелих оттолкнула его. Дыхание ее было прерывистым.

– Не стоило нам этого делать, – сказала она. Ричер пристально посмотрел на нее.

– Пожалуй, – сказал он. Она ничего не сказала.

– А что стоило? – спросил он.

– Не знаю, – ответила Фрелих. Они перешли в гостиную.

– Не забывайте, – сказала она, – мы с ним разошлись. За год до его смерти.

В сумочке, которую Фрелих оставила открытой в прихожей, зазвонил сотовый телефон.

– Это мои люди, – сказала Фрелих. – С докладом, из дома Армстронга.

Она вышла в прихожую, приняла вызов. И, ничего не сказав, закрыла крышку телефона.

– Все тихо, – сказала она.

Ричер кивнул. Миг миновал, словно его и не было.

– Снова китайцы? – спросила она.

– Ага, – ответил Ричер. – То же самое.

Она позвонила, заказала ужин, потом скрылась наверху. Ричер подождал в гостиной, принял у рассыльного еду. Ровно в десять тридцать снова зазвонил ее сотовый, лежавший рядом с ней на столе. Сообщение было коротким.

– Тихо, – сказала Фрелих. – Пока все в порядке.

– Ну так и перестаньте волноваться. Фрелих кивнула. Глянула на часы:

– Нам нужно вернуться в офис. Выяснить, не случилось ли чего где-нибудь еще. Позвоните Нигли.

В офис они приехали около пятнадцати минут двенадцатого. Сообщений для них не было. В одиннадцать тридцать снова зазвонил ее сотовый. В Джорджтауне все было тихо-мирно. Появился Стайвесант.

– Ну, вот и все, – сказала Фрелих. – Ничего не произошло.

– И отлично, – откликнулся Стайвесант.

– Да нет, – сказал Ричер. – Куда уж там. Совсем не отлично. Худшей новости и быть не могло.

Стайвесант загнал всех в конференц-зал. Ричер с Нигли уселись по одну сторону стола, Стайвесант с Фрелих по другую.

– Объяснитесь, – сказал Стайвесант.

– Мы определенно имеем дело не с человеком изнутри, – сказала Нигли.

Ричер кивнул:

– Мы дурачили себя, полагая, что все обстоит либо так, либо этак. На самом деле – и так, и так. Вопрос в том, где располагается точка равновесия. Было ли все проделано изнутри с незначительной помощью извне? Или наоборот – все делалось извне с незначительной внутренней помощью?

– Что значит «незначительная помощь»? – спросил Стайвесант.

– Человеку внутри требовался отпечаток большого пальца, которого у него не имелось. Человеку со стороны нужен был способ доставить сюда второе сообщение.

– Так вы пришли к заключению, что мы имеем дело с аутсайдером?

Ричер кивнул:

– И это худшая из новостей, какую мы могли получить.

– Внутри сработал один из уборщиков, – сказал Стайвесант.

– Или все трое, – вставила Фрелих.

– Полагаю, что так, – сказал Ричер.

Стайвесант кивнул:

– Да, но самое простое объяснение состоит в том, что кто-то из работающих здесь пытается выбить Фрелих из колеи.

– На самом деле – нет, – сказал Ричер. – Слишком уж сложный выбран способ.

– Это все предположения, – сказал Стайвесант. – Я же спрашиваю, откуда вы знаете, что дело обстоит иначе.

– Да оттуда, что сегодня ничего не произошло.

– Ну и что, он потерпел неудачу, вот и все.

– Нет, – сказал Ричер. – Он даже не предпринял попытки. Не знал, что письмо мы получили сегодня. Он ожидал, что письмо придет завтра. Он рассчитывал на вторник. Так что он не из здешних и ждет завтрашнего дня, чтобы выполнить угрозу.

– Прекрасно, – сказала Фрелих. – Завтра как раз еще один прием.

– Так что вы предлагаете? – спросил Стайвесант.

– Вам придется пережить это, – ответил Ричер. – Это будет всего лишь демонстрацией.

– Мы должны его вычислить, – сказал Стайвесант.

В комнате повисло молчание.

– Не его, – сказал Ричер. – Их. Это два человека. На письме присутствует отпечаток пальца и при этом явные свидетельства использования резиновых перчаток. Почему и то и другое? Либо его пальцы имеются в архивах, либо нет. Однако людей двое. С одного отпечатков никогда не снимали.

– В общем-то, мы вам больше не нужны, – сказала Нигли. – Расследование перестало быть внутренним.

– Нет, – ответил Стайвесант. – Оно останется внутренним до тех пор, пока мы не получим показаний уборщиков.

Нигли пожала плечами:

– Вы дали им адвокатов. Это все усложнило.

– Господи, они же должны были получить юридическую помощь, – произнес Стайвесант.

– Наверное, так, – отозвалась Нигли. – А скажите, существует какой-нибудь закон на случай, если вице-президента убивают еще до инаугурации?

– Да, существует, – негромко ответила Фрелих. – Двадцатая поправка. Следующего выбирает Конгресс.

– Хорошо, надеюсь, шорт-лист у них уже имеется.

– Вам необходимо подключить ФБР, – сказал Ричер.

– Подключу, – отозвался Стайвесант. – Когда у нас будут имена.

Фрелих покачала головой:

– Первая наша задача состоит в том, чтобы Армстронг дожил до утра.

– Предстоящее будет не более чем демонстрацией возможностей, – сказал Ричер.

– Это я уже слышала и раньше, – возразила Фрелих. – Однако вызов брошен мне. Я хочу сказать: разве сделать все по-настоящему не будет лучшей демонстрацией?

В середине ночи город Вашингтон, округ Колумбия, тих и пуст; дорога до отеля Нигли заняла всего две минуты, еще десять потребовалось, чтобы добраться до дома Фрелих. Внутри так и горел свет. В прихожей Фрелих остановилась.

– У нас все в порядке? – спросила она. – Я о том, что произошло несколько часов назад.

– Все прекрасно, – ответил он.

– У меня были и другие мужчины, – сказала Фрелих. – Ну, знаете, после. И у Джо были женщины.

– И все-таки свои вещи он оставил здесь.

– А это важно?

– Не знаю, – сказал он.

– Будете чай? – предложила она. Ричер покачал головой:

– Нет, лягу спать.

Он поднялся наверх. Стянул и вернул на вешалку костюм Джо. Развязал и положил на полку галстук. Снял рубашку, бросил ее на дно гардероба и в одних трусах прошел в ванную.

Когда он вышел оттуда, в двери гостевой стояла Фрелих. В белой ночной рубашке.

– Он порвал со мной, – сказала она. – Сам так решил.

– Почему?

– Встретил женщину, которая понравилась ему больше, чем я. Одежда осталась здесь, потому что я не разрешила ему вернуться за ней.

– Зачем вы рассказываете мне об этом?

– Чтобы мы могли начать с чистой страницы. То, как вы относитесь ко мне, должно быть связано только со мной и с вами, а не с вами, мной и Джо.

– А ваша-то страница чиста? – спросил он.

– Он был замечательным человеком, – ответила Фрелих. – Когда-то я любила его. Но вы – не он. Я не пытаюсь вернуть его.

– Это хорошо, – сказал Ричер. – Потому что я не похож на него. Впрочем, кончится все точно так же. Я уйду, как и он.

– Я бы рискнула, – отозвалась она.

– Я чувствую себя как-то неловко. На мне одежда твоего прежнего любовника.

– Ну, не так уж ее и много, – ответила Фрелих. – Да и вообще это легко исправить.

Он шагнул к ней, и она, положив руки ему на талию, «исправила это». Ночная рубашка соскользнула с ее плеч, упала на пол. Они едва успели добраться до постели.

Поспать им удалось всего три часа – оба проснулись, когда в ее спальне зазвонил будильник.

– С добрым утром, – сказал Ричер.

Фрелих зевнула, улыбнулась, отвела локти назад и потянулась.

– И тебя с добрым, – сказала она.

Он притянул ее к себе. Убрал с лица волосы, поцеловал.

– Надо вставать, – сказала она, вылезла из постели и ушла в ванную комнату.

Ричер, отбросив одеяло, отправился в ванную для гостей. Принял душ, надел еще один из костюмов Джо. С Фрелих он встретился уже внизу, у лестницы. Она пристраивала к уху наушник.

– Поможешь? – спросила Фрелих. Она распахнула полы жакета, и Ричер увидел пристегнутую к поясу черную рацию. Ричер воткнул в рацию

штекер наушников. Когда Фрелих запахивала жакет и плащ, Ричер увидел у нее на левом бедре кобуру с пистолетом. Большой «ЗИГ-Зауэр» П-26.

Они приехали в офис и просидели в ожидании все утро и большую часть дня. В четыре они поехали в отель Нигли, который снова использовался для проведения приема для жертвователей. Прием должен был начаться в семь вечера – у них имелось три часа, чтобы убедиться в безопасности здания.

К шести сорока в вестибюле отеля собралось около семи сотен гостей.

Ричер, прислонившись к колонне у лифтов, вглядывался в эту картину. Нигли изучала взглядом зал со второй ступеньки ведущей в бельэтаж лестницы. Ее глаза, точно радар, скользили взад и вперед по толпе.

К семи часам большая часть гостей была уже в зале. Нигли подошла к колонне, у которой стояла теперь и Фрелих.

– Он уже здесь? – спросила Нигли.

Фрелих покачала головой.

– Он появится попозже и уйдет пораньше, – сказала она. Потом замерла, вслушиваясь в лившиеся из наушника слова.

Лицо ее побледнело. Резко развернувшись, она подозвала последнего из остававшихся в вестибюле агентов. Велела ему взять на себя руководство всей группой.

– Что? – спросил Ричер.

– Возвращаемся на базу. Немедленно, – ответила Фрелих. – Похоже, у нас серьезная проблема.

Глава шестая

С включенной красной мигалкой «шевроле» пронесся сквозь вечерний поток машин, как спешащая по срочному вызову «скорая помощь». Стайвесант сидел в своем кресле, обмякнув словно человек, получивший хороший удар в живот.

– Что? – спросил Ричер.

– Это люди со стороны. Наверняка.

– Откуда вы это знаете?

– Известен вам общий для страны показатель убийств? – ответил Стайвесант вопросом на вопрос.

Ричер пожал плечами:

– Полагаю, не маленький.

– Около двадцати тысяч каждый год. Хотите услышать о двух сегодняшних?

– Кто? – выдохнула Фрелих.

– Маленькая ферма в Миннесоте, – ответил Стайвесант. – Фермер вышел сегодня в поле и получил пулю в голову. Без видимых причин. Следом, после полудня, небольшой торговый пассаж в Боулдере, штат Колорадо. Офис бухгалтера-ревизора в одной из комнат верхнего этажа. Человек приходит туда и получает на служебном дворе очередь из автомата. Опять-таки без видимых причин. Фермера звали Брюсом Армстронгом. Бухгалтера – Брайаном Армстронгом. Оба белые, оба примерно того же возраста, что и Брук Армстронг, примерно тот же рост и вес, тот же цвет глаз и волос.

– Они из его семьи? Родственники?

– Нет, – ответил Стайвесант. – Но скажите мне, какова вероятность того, что именно в тот день, когда мы сталкиваемся с серьезной угрозой, безжалостно убиты двое людей по фамилии Армстронг и с именами, начинающимися на «Бр»?

– Демонстрация, – сказал Ричер.

– Да, – ответил Стайвесант. – Это была демонстрация. Хладнокровное убийство. И потому я соглашаюсь с вами. Это вовсе не шутники из нашей конторы.

Нигли и Фрелих, не дожидаясь приглашения, сели. Ричер прислонился к высокому конторскому шкафчику.

– От кого вы об этом узнали? – спросил он.

– От ФБР. У них есть программа, сканирующая донесения ГЦИП. Армстронг – одно из помеченных ими имен.

– Так вы их все же подключили. Стайвесант покачал головой:

– Они снабжают меня кое-какой информацией, только и всего. Значения ее они не понимают.

– Демонстрация кошмарная, – произнесла Фрелих.

– Но что нам, собственно, продемонстрировали? – спросил Ричер.

– Что мы имеем дело с не очень хорошими людьми.

Ричер кивнул:

– Однако и не многим более того. Вы действительно уверены, что эти люди никак не связаны? Миннесота ведь соседствует с Северной Дакотой, так?

– Естественно, это первое, что пришло мне в голову, – ответил Стайвесант. – Я все проверил и перепроверил. Прежде всего, вице-президент родом не из Северной Дакоты. Он переехал в этот штат из Орегона. За исключением матери в Орегоне и старшей сестры в Калифорнии, у него не осталось никакой живой родни, о которой кто-либо знает. У жены куча двоюродных братьев и сестер, однако никто из них не носит фамилию Армстронг, к тому же все они гораздо моложе, просто дети.

– Хорошо, – сказал Ричер. Дети. В его памяти вдруг мелькнула заставленная игрушками полка. Двоюродные. – Случившееся в Миннесоте и Колорадо показывает, что эти люди готовы пойти практически на все.

– И? – спросила Нигли.

– Уборщики. Что мы о них знаем?

– Что они причастны к этому. Что они напуганы.

– Правильно, – сказал Ричер. – А как можно напугать человека, не тронув его и пальцем?

– Нужно пригрозить ему чем-то.

Ричер кивнул:

– Ты в последнее время слово «двоюродные» нигде не слышала?

– Уборщики, – ответила Нигли. – Их дети сейчас у двоюродной родни.

– Но, прежде чем сказать об этом, они немного поколебались, помнишь? Существует ли лучший способ добиться чего-то от человека, чем отобрать у него детей в виде гарантии?

Стайвесант позвонил адвокатам уборщиков и сказал, что хочет получить ответ всего на один вопрос: имя и адрес того, с кем живут сейчас их дети. Ответ гласил – Гальвес, дом которого находится в полутора километрах от дома уборщиков.

После этого все уселись в «шевроле» Фрелих и покатили через дешевые районы города к высокому, узкому, рассчитанному на две семьи дому, обнесенному сетчатым забором.

Когда «шевроле» остановился, Стайвесант спросил:

– Каков наш план?

– Пойти и поговорить с этими людьми, – ответил Ричер. – Только не стоит устраивать массовую сцену. Нам не нужно, чтобы они запаниковали. Так что сначала пойдет Нигли.

Нигли выскользнула из машины и направилась к калитке. Ричер смотрел, как она, прежде чем войти, остановилась на тротуаре и повернулась на все триста шестьдесят градусов, оглядывая окрестности. Потом она подошла к двери. Постучала.

Дверь отворилась. Полоса теплого света выплеснулась наружу. Разговор занял около минуты. Нигли обернулась, помахала рукой. Фрелих, Стайвесант и Ричер вылезли из «шевроле» и пошли по дорожке к двери. В проеме ее стоял, смущенно улыбаясь, невысокий, смуглый мужчина с короткой стрижкой.

– Это мистер Гальвес, – сказала Нигли.

Гальвес жестом пригласил всех последовать за ним. Дом был маленький, тесный, но очень чистый. За дверью висело на идущих в ряд колышках семь детских пальтишек. На полу под ними – семь школьных рюкзачков. В кухне виднелась троица женщин. Из-за их юбок выглядывали смущенные дети.

Ричер подошел к кухне. Постоял в двери. На кухонном столе выстроились в ряд семь школьных коробок для завтрака. Он вернулся в прихожую, осмотрел все пальтишки. Снял одно с колышка. Кто-то прачечным маркером написал с внутренней стороны воротника «Х. Гальвес». Ричер проверил шестерку других. Пять Гальвесов и два Альвареса.

Поймав взгляд мистера Гальвеса, Ричер кивком указал ему на гостиную.

– У вас пятеро детей? – спросил он.

Гальвес кивнул:

– Я счастливый человек.

– А кому принадлежат два пальто Альваресов?

– Детям Хулио, двоюродного брата моей жены.

– Мне нужно увидеть их, – сказал Ричер. – Детей.

– Вы их только что видели. На кухне.

– Нет, мне нужно понять, кто из них Альваресы. Убедиться, что с ними все в порядке.

Гальвес произнес быструю испанскую фразу, и в гостиную, семеня, вступили двое детей. Две чудесные девчушки – огромные темные глаза, мягкие черные волосы, серьезные лица.

– Привет, малышки, – сказал Ричер. – Покажите мне ваши пальто.

Он прошел с ними в прихожую, посмотрел, как они привстают на цыпочки и прикасаются к двум пальтишкам, помеченным фамилией «Альварес».

– Хорошо, – сказал он. – Теперь идите, стряпайте – или чем вы там занимаетесь.

Потом подошел поближе к Гальвесу и спросил:

– Никто больше ими не интересовался?

Гальвес покачал головой.

Ричер смотрел ему в глаза. Он провел всю свою карьеру, вглядываясь в глаза людей, – эти были честными.

– Хорошо, – сказал он. – Простите, что влезли к вам вечером.

Весь обратный путь к офисному зданию он молчал.

Они снова воспользовались конференц-залом.

Ричер, закрыв глаза, напряженно думал. Потом вдруг открыл глаза и улыбнулся, широко и радостно. Все смотрели на него.

– А мне мистер Гальвес пришелся по душе, – сообщил он. – Похоже, ему действительно нравится быть отцом, не так ли? Эти их коробки для завтрака на столе.

– Ричер, у нас серьезная проблема, – сказала Нигли.

Он кивнул:

– Мистер Гальвес недавно побывал у парикмахера, ты заметила?

– И что?

– И при всем моем великом к тебе уважении, Нигли, я думаю о твоей заднице.

Фрелих вытаращила глаза. Нигли покраснела.

– К чему это ты? – спросила она.

– К тому, что я не думаю, будто для Хулио и Аниты существует на свете что-нибудь более важное, чем их дети.

– Так почему же они до сих пор молчат? Фрелих выпрямилась, прижала пальцем наушник.

– Поняла, – сказала она в микрофон. – Все отлично поработали.

И улыбнулась:

– Армстронг дома. В безопасности.

Ричер взглянул на часы. Ровно девять. Потом перевел взгляд на Стайвесанта.

– Могу я еще раз взглянуть на ваш кабинет? Стайвесант пошел впереди. Толкнул дверь, включил свет.

На столе лежал листок бумаги.

С секунду Стайвесант простоял совершенно неподвижно, потом подошел к столу, взглянул на листок. Взял его в руки.

– Факс из полицейского управления Боулдера, – с облегчением сообщил он. – Предварительные результаты баллистической экспертизы.

– Сосредоточьтесь, – сказал Ричер. – Кабинет выглядит таким, каким уборщики видят его каждую ночь?

Стайвесант огляделся по сторонам.

– В точности, – ответил он.

– Хорошо, – сказал Ричер. – Пойдемте назад. Вернувшись в конференц-зал, Стайвесант прочел факс.

– Найдено шесть гильз, – сказал он. – «Парабеллум», калибр девять миллиметров.

Он подвинул листок к Нигли. Та прочла и передала его Ричеру.

– МП-5, «хеклер-коч», – сказал он. – Разбрасывает пустые гильзы так, что любо-дорого.

– Вероятно, вариант СД-6, – сказала Нигли. – Если у него был глушитель.

– Зачем вам потребовалось осматривать мой кабинет? – поинтересовался Стайвесант.

– Мы ошиблись насчет уборщиков, – ответил Ричер.

– В каком отношении? – спросила Нигли.

– Во всех, – ответил Ричер. – Что происходило, когда мы с ними говорили?

– Они молчали как каменные. Ричер кивнул:

– Вот над этим я и задумался. Они впадали в своего рода стоическое безмолвие. Им просто было невдомек, о чем мы толкуем. Они не имели об этом ни малейшего понятия.

– Так что ты нам хочешь сказать?

– Подумай, что нам еще известно. Лента изображает довольно причудливую последовательность событий. Входя, они выглядели очень опрятно, а выходили немного растрепанными. Провели в кабинете пятнадцать минут и только девять у стола секретарши.

– И что же? – спросил Стайвесант. Ричер улыбнулся:

– Ваш кабинет – самая, вероятно, чистая комната на планете. В нем можно хирургические операции производить. Тем не менее уборщики провели в нем пятнадцать минут. Почему?

– Распаковывали письмо, – ответил Стайвесант.

– Да нет. Вспомните об их растрепанности. Что именно создало у нас такое впечатление?

Все пожали плечами.

– Что-то другое, присутствующее на ленте, – сказал Ричер. – Пятнадцать минут время немалое. В комнате секретарши им пришлось здорово повозиться, и все же они покончили с ней за девять минут. А она побольше и заставлена. Так скажите мне, сколько времени они должны были провести в кабинете?

Теперь плечами пожала только Фрелих:

– Минут семь? Восемь?

– Но никак не пятнадцать, – сказал Ричер. – А мы спрашивали их именно об этом.

– И они не ответили, – прибавила Нигли. – Просто приняли озадаченный вид.

– Потом мы спросили, проводят ли они там еженощно одинаковое количество времени. И они сказали да, одинаковое.

Стайвесант в поисках подтверждения взглянул на Нигли. Та кивнула.

– Ладно, – произнес Ричер. – Мы ужали картинку до конкретных пятнадцати минут. Запись вы все видели. Ну так объясните мне, на что они потратили столько времени?

Никто не ответил.

– Возможностей две, – сказал Ричер. – Либо они его там вообще не тратили, либо отращивали волосы.

– Что? – переспросила Фрелих.

– Потому они и выглядели встрепанными. Особенно Хулио. Когда он вышел из кабинета, волосы у него были длиннее, чем когда он вошел.

– Но как же это возможно?

– Возможно, потому что мы видели разные ночи. Две разные ночи, слепленные вместе, – сказал Ричер. – Ключом ко всему является то обстоятельство, что в полночь лента сменяется. Первая настоящая. Она и должна быть такой, потому что показывает, как несколько раньше Стайвесант и секретарша отправляются по домам. Уборщики появились в одиннадцать пятьдесят две. Выглядели они усталыми, но. думаю, управились с кабинетом минут за девять. Что, вероятно, и составляет их обычную норму. Однако после полуночи мы с вами наблюдали совсем другую ночь, Хулио тогда еще не постригся.

– Но ведь дата-то правильная, – сказала Фрелих. Ричер кивнул:

– Так это у Нендика и было задумано.

– У Нендика? Ричер снова кивнул:

– Человек изнутри – это Нендик. На самом деле камера засняла в ту ночь, как сразу после полуночи уборщики ушли, а где-то перед шестью утра из двери пожарного хода появился сам Нендик – в резиновых перчатках и с письмом в руке.

– Да, но мое утреннее появление запись показывает.

– А это была уже третья лента. С шести утра опять пошла подлинная.

В комнате наступило молчание.

– Что натолкнуло вас на эту мысль? – спросил наконец Стайвесант. – Волосы?

– Отчасти. Хотя на самом-то деле задница Нигли. Нендик так нервничал, что не уделил ее заднице никакого внимания. И Нигли это отметила. Так что уборщиков придется отпустить.

Стайвесант отправился в кабинет Нендика, взяв с собой в качестве свидетеля дежурного офицера. Они обнаружили, что кассеты с записями, ведшимися от полуночи до шести утра в течение десяти предшествовавших интересующему их четвергу дней, исчезли. Затем они выбрали наугад некоторое количество лент и просмотрели несколько эпизодов записей на каждой. Просмотр подтвердил, что уборщики никогда не проводили в кабинете больше девяти минут. Так что Стайвесант распорядился о немедленном их освобождении.

Возможностей существовало три: либо под каким-либо предлогом вызвать сюда Нендика, либо послать агентов, которые его арестуют, либо самим поехать к нему домой и провести допрос, пока не вступит в силу и не осложнит все дальнейшее Шестая поправка к Конституции.

– Надо ехать прямо сейчас, – сказал Ричер.

Он ожидал возражений, однако Стайвесант лишь вяло кивнул. Потом включил компьютер своей секретарши и отыскал домашний адрес Нендика.

Дом Нендика стоял на тихой, извилистой улице. Фрелих подкатила прямо к подъездной дорожке. Они вышли на холод и двинулись к входной двери. Стайвесант большим пальцем надавил кнопку звонка. Над крыльцом загорелся желтый свет. Дверь отворилась, прямо за ней в прихожей стоял Нендик. Он выглядел ослабевшим от страха, как если бы новое испытание лишь навалилось на него поверх старых. Они вошли. Нендик закрыл за ними дверь и остался стоять у нее, точно часовой.

Он так ничего и не сказал. Стайвесант положил ему на плечо руку, развернул кругом. Подтолкнул в сторону кухни. В кухне тот сел на табурет за стойкой для завтрака.

– Имена, – произнес Стайвесант.

Нендик молчал. Он делал над собой усилия, чтобы молчать.

Ричер вышел в гостиную. Над камином была устроена низкая полка, на которой стояли шесть фотографий в латунных рамках. Все шесть изображали Нендика и женщину. День свадьбы, пара отпусков. Фотографии детей отсутствовали.

Ричер возвратился на кухню.

– Мы можем вернуть ее вам, – сказал он. Нендик неотрывно глядел в дальнюю стену.

– Когда они приходили за ней? – спросил Ричер.

Нендик молчал. Из прихожей вышла и протянула что-то Ричеру Нигли. Это был конверт. Внутри лежала сделанная «Поляроидом» фотография сидящей на стуле женщины. Белое, испуганное лицо. Жена Нендика. Она держала в руках экземпляр «Ю-Эс-Эй тудэй». Нигли вручила ему другой конверт. Еще один снимок. Та же женщина. В той же позе. Та же газета. Но за другое число.

– Доказательства жизни, – сказал Ричер.

Потом Нигли передала ему почтовый конверт из плотного бурого картона. Внутри находилась коробочка. В коробочке лежал ватный тампон. А поверх тампона – палец. Ричер кивнул и возвратил коробочку Нигли. И решил рискнуть.

– Стайвесант и Фрелих, пожалуйста, подождите в прихожей.

Оба послушно покинули кухню.

Ричер приблизил свое лицо к лицу Нендика.

– Ладно, они ушли, – сказал он. – Теперь здесь только мы. А мы не из Секретной службы. Мы не напортачим, как они. И потому сможем вернуть ее. Живой.

Нендик откинул голову назад, открыл рот. Потом закрыл. В глазах его плескался ужас. А после глаза его закатились, и Нендик свалился с табурета.

Они сделали все, что могли, но все оказалось бесполезным. Час спустя Нендик уже находился в охраняемой палате Центрального армейского госпиталя Уолтера Рида, где ему поставили заковыристый диагноз – вызванная психозом кататония.

– По-человечески говоря, он парализован страхом. – пояснил врач.

– Какая же угроза может вызвать подобный страх? – спросила Фрелих.

– Такая, в которую человек искренне верит, – ответил врач.

– Когда с ним можно будет побеседовать? – спросил Ричер.

– Может быть, через несколько дней. Может быть, никогда. Они прождали долгий, бесплодный час, но потом сдались и поехали в офис. Снова уселись в безоконном конференц-зале, чтобы выработать следующее важное решение.

– Нужно все рассказать Армстронгу. – сказала Нигли.

– Нет, – отрезал Стайвесант. – Это само по себе будет признанием нашего поражения. Нам просто следует защищать его, прилагая все силы. Что нам известно?

– Что два человека уже убиты. – ответила Фрелих.

– Двое мужчин и одна женщина, – сказал Ричер. – Похищение – это то же самое, что убийство, в девяноста девяти случаях из ста.

– Необходимо сообщить все ФБР. – сказала Нигли. – Теперь речь идет не только об Армстронге.

Стайвесант вздохнул:

– Да. Им следует знать обо всем. Я передам им все матери алы. А мы тем временем сосредоточимся на Армстронге.

– Завтра он снова будет в Северной Дакоте. – сказала Фрелих. – На том же месте. Мы вылетаем в десять.

– А в четверг?

– Четверг – День Благодарения. Армстронгу предстоит угощать индейкой бездомных в одном из приютов – здесь, в Вашингтоне. Он будет полностью открыт.

– Хорошо, – сказал Стайвесант. – Встречаемся здесь в семь утра. Уверен, что Бюро с удовольствием предоставит нам офицера связи.

– Я чувствую себя такой беспомощной, – сказала Фрелих. – А мне нужно идти впереди событий.

– Обороняться не нравится? – спросил Ричер.

Они лежали в постели, в спальне Фрелих. Постель была теплой. Дом был теплым. Он походил на кокон тепла в холодной, серой ночи города.

– Оборона не такая уж и беда, – ответила Фрелих. – Но лучший способ обороны – это нападение, ведь так? В ситуациях вроде этой. А мы вечно ждем, когда что-нибудь случится.

– Но у вас же есть следователи, – сказал он. Она ткнулась лбом ему в плечо:

– Управление по исследованию средств защиты. Это заведение скорее академическое. Занимается больше стратегией, чем тактикой.

– Так проведи расследование сама. Попробуй сделать несколько вещей самостоятельно.

– Например?

– Надо заняться отпечатком пальца.

– В архивах его нет.

– Архивы обновляются. Попробуй еще раз. А потом расширь поиск. Обратись в Интерпол.

– Может быть, – отозвалась она.

– И надо бы проверить отпечаток в Министерстве обороны. Посмотреть, не получал ли кто прежде писем с угрозами, подписанных таким отпечатком.

Фрелих не ответила. Она уже спала.

Казалось, прошло минуты полторы, а они уже снова сидели в конференц-зале Секретной службы, завтракая пончиками с кофе в обществе офицера связи ФБР по фамилии Бэннон. Ричер был в третьем костюме Джо и третьей его рубашке при однотонном синем галстуке.

– Давайте без секретов с обеих сторон, – говорил Бэннон. – Таково наше предложение. И без обвинений в адрес кого бы то ни было. Я считаю, нам следует смириться с тем фактом, что жена Нендика мертва. Есть кое-какие улики, однако их немного. Нендик, если очнется, поможет нам. Но исходя из предположения, что очнется он не скоро, придется подбираться к этому делу с трех разных сторон. Во-первых, письма, которые пришли сюда, в Вашингтон. Во-вторых, место преступления в Миннесоте. В-третьих, место преступления в Колорадо.

– Ваши люди уже работают там? – спросила Фрелих.

– В обоих местах, – ответил Бэннон. – Наши баллистики пришли к заключению, что в Колорадо использовался пистолет-пулемет «хеклер-коч» МП-5.

– Об этом мы уже и сами догадались, – сказала Нигли. – И скорее всего, он был с глушителем, то есть получается МП-5 модификация СД-6. А что в Миннесоте?

– Пулю мы нашли, – ответил Бэннон. – Прочесали двор фермы миноискателем. Она зарылась в землю.

– Что за пуля? – спросил Ричер.

– Натовская, 7,62.

– Дозвуковая скорость, – сказал Ричер. – При таком калибре это наверняка снайперская винтовка с глушителем, «вайми» МК-2.

– Которыми вооружены полиция и полувоенные организации, – сказал Бэннон. – Положите рядом два списка – тех, кто покупает в Америке МП-5 «хеклер-коч», и тех, кто покупает «вайми» МК-2, и вы обнаружите в обоих только одно совпадение: Секретную службу Соединенных Штатов.

В дверь постучали. На пороге стоял дежурный офицер.

– Только что пришла почта, – сказал он. – Там есть кое-что для вас.

Это был уже знакомый бурый конверт. Отпечатанная на принтере, самоклеящаяся адресная бирка: «БРУКУ АРМСТРОНГУ, СЕНАТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ».

Бэннон открыл свой кейс, достал из него белые хлопчатобумажные перчатки. Натянул их, вскрыл конверт, перевернул его и вытряхнул содержимое на стол. Единственный листок бумаги. На нем в две центрированные строки был отпечатан вопрос: «КАК ВАМ ПОНРАВИЛАСЬ ДЕМОНСТРАЦИЯ?»

Бэннон перевернул конверт, взглянул на марку.

– Снова Вегас, – сказал он. – Суббота. А они здорово уверены в себе, верно? Спрашивают, как нам понравилась демонстрация, за три дня до того, как ее провели.

– Нам пора, – сказала Фрелих. – Вылет в десять. Я хочу, чтобы Ричер и Нигли отправились со мной.

– Я предпочел бы, чтобы мы встречались два раза в день, – отозвался Бэннон. – Каждое утро в семь и, может быть, в десять вечера.

– Если будем в городе, – ответила Фрелих и направилась к двери.

Ричер и Нигли вышли следом за ней из комнаты. Ричер нагнал ее и подтолкнул налево, к ее кабинету.

– Поройся в базе данных, – шепнул он. Фрелих взглянула на часы:

– Это долгая история.

– А ты запусти программу и пусть работает весь день. Она помедлила. Потом развернулась и пошла по коридору.

Включила в своем кабинете свет, подошла к компьютеру. Набрала слова «отпечаток+большого+пальца+документ+письмо+подпись».

– Сойдет? – спросила она.

– Это только начало, – откликнулась Нигли. – Потом будем вводить уточнения.

Фрелих щелкнула на кнопке «ПОИСК», жесткий диск застрекотал, а рамка запроса исчезла с экрана.

– Вперед, – сказала она.

Проснулся Ричер при посадке в Бисмарке. Фрелих негромко разговаривала с агентами. Он взглянул в иллюминатор и увидел сияющее синевой небо. Самолет остановился у колонны из пяти автомобилей. Там было три одинаковых длинных «таун-кара», зажатых между двумя патрульными полицейскими машинами.

Армстронг и его охрана уселись в центральный лимузин. Фрелих, Нигли и Ричер – в предшествующий ему. После недолгого, скорого проезда по бетонным дорогам Ричер увидел впереди знакомую колокольню.

Пять автомобилей влетели на гравийную площадку и с хрустом остановились. Армстронг вылез из машины. Он уже улыбался в совершенстве отработанной улыбкой.

– Эта церковь, – сказала Фрелих, – здорово смахивает на кабинку тира.

– Мы проверим ее еще раз, – отозвался Ричер. – Сами, просто уверенности ради. А пока будем этим заниматься, пусть он перемещается против часовой стрелки.

– Но так он окажется вблизи церкви.

– Там он будет в большей безопасности. Простреливаемая зона начинается метрах в двенадцати от основания колокольни.

Фрелих поднесла запястье ко рту и переговорила со старшим агентом. Через несколько секунд они увидели, как тот, взяв Армстронга под левую руку, повел его по широкой дуге, идущей против часовой стрелки.

– Смотритель церкви ждет внутри, – сказала Фрелих. Они пошли по гравию к церковным дверям. Фрелих вдруг замерла. Приложила ладонь к уху.

– Позвонили с дальнего периметра, полиция штата, – сказала она Ричеру и Нигли. – Там что-то непонятное с одним из патрульных. Мне придется навестить их.

Ричер повернулся к Нигли.

– Проверь улицы, – сказал он. – А я займусь церковью. Нигли кивнула и направилась к въезду в церковный двор. Ричер остался у церковных

дверей в одиночестве. Минуту спустя он увидел идущего к нему смотрителя. В руке тот держал большой проволочный обруч, с которого свисал здоровенный железный ключ. Он протянул обруч Ричеру.

– Это самый первый ключ, – сказал смотритель. – Тысяча восемьсот семидесятого года.

– Я вам его верну, – отозвался Ричер. – Подождите меня на лужайке.

Смотритель развернулся и поковылял назад. Ричер подошел к дверям, вставил ключ в скважину. Попытался его повернуть. Ничего. Нажал на дверную ручку. Двери были отперты. Он распахнул их – взвизгнули петли. Вошел внутрь. Простое деревянное здание со сводчатой кровлей. Алтарь и высокая кафедра в одном его конце.

Ричер закрыл двери и запер их изнутри. Сунул ключ в деревянный сундук, наполненный сборниками гимнов. Осторожно прошел центральным проходом, остановился, прислушался. Проверил каморки за алтарем. Везде пусто.

Он вернулся назад. Прошел в основание колокольни. Здесь находилось квадратное помещение со свисающими посередине веревками колоколов. Крутая, узкая лестница, извиваясь, уходила в сумрак наверху. Он постоял у ее подножия, напряженно прислушиваясь. Опять-таки ничего. Ричер начал подниматься. После трех поворотов направо лестница уперлась в выступ. Отсюда метров на шесть вверх уходила приставленная к стене колокольни простая деревянная лесенка, упиравшаяся в потолочный люк. Ричер вынул из кармана пальто керамический нож и полез вверх. Потом замер. Снял со ступеньки ладонь, вгляделся в нее. Перец. Перец, которым он воспользовался пять дней назад. Что-то вдавило его в ступеньки – быть может, его пятидневной давности спуск, быть может, подъем, предпринятый нынче копами. Быть может, что-то еще.

Ричер вздохнул. Раскрыл нож, сжал его зубами. Вытянул руки вверх и ухватился за самую высокую, до какой смог достать, ступеньку. Рывком взлетел наверх, оттолкнул крышку люка и поднялся к колоколам.

Он увидел три безмолвно свисающих колокола. Да и все остальное выглядело точно таким же, каким он его оставил. И все-таки что-то изменилось.

Кто-то потревожил пыль. Оставив на полу следы и необъяснимые отметины. Ричер ничего такого пять дней назад не оставлял. Уж в этом-то он был уверен. И какой-то слабый запах висел в воздухе. Запах пота и оружейной смазки. Ричер перешагнул следы и сощурился, глядя в окна. Самая подходящая для стрельбы позиция. Поле зрения ограниченно, но на один выстрел его более чем хватит.

Он глянул вверх. Увидел еще один люк над звонницей и еще одну ведущую вверх лесенку. В прошлый раз он потолок звонницы проигнорировал. Но для того, кому требуется в солнечное послеполуденное время неограниченное поле обзора, этот люк определенно был привлекательным.

Он полез вверх по новой лесенке. Три с половиной метра. Добравшись до ее середины, Ричер замер. Лицо его находилось на уровне верхних ступенек. Их покрывала пыль, – если не считать неупорядоченных, лишенных ее участков. Кто-то уже забирался сюда. И совсем недавно.

Он продолжил подъем, пока не уперся спиной в люк. Тут он сделал глубокий вдох, втянув в рот слюну, натекшую на ручку ножа, рывком выпрямил ноги и взлетел вверх, отбросив люк в сторону. Он упал, выхватил изо рта нож, перекатился. Потом резко распрямился, не поднимаясь с коленей, огляделся вокруг. Никого.

То, что его окружало, походило на открывающийся в небо ящик. Со стенками примерно в метр высотой. Ричер подполз к краю ящика. Глянул вниз через парапет. И увидел прямо под собой Армстронга. Рядом с ним стоял новый сенатор. Шестеро агентов окружали их, расположившись по кругу. Затем он краем глаза заметил какое-то движение. За дальним углом церковной ограды сгрудились копы. Они вглядывались в нечто, лежавшее на земле, и что-то говорили, согнувшись над запястными микрофонами. Ричер снова взглянул вниз и увидел пробивающуюся сквозь толпу Фрелих. Она спешила к копам.

Ричер отполз назад и спустился вниз.

Дверь церкви была открыта настежь.

Крышка сундука со сборниками гимнов была поднята, ключ торчал в двери изнутри. Ричер вылетел на холод и, пробежав метров пять, замер. Резко обернулся. Никто не попытался наброситься на него сзади. Издалека, с поля, доносился какой-то шум. Он побежал в ту сторону. Увидел человека, стремительно мчавшегося навстречу по гравию. На нем был долгополый коричневый плащ. Полы плаща хлопали сзади. Твидовый пиджак, фланелевые брюки. Рука поднята. В ладони виднелась латунная бляха. Один из детективов Бисмарка.

– Колокольня в порядке? – крикнул он, приблизившись метров на шесть.

– Там пусто, – крикнул в ответ Ричер. – Что происходит?

– Пока не знаю, – ответил тот. – Какая-то суматоха. Тут коп увидел дверь церкви.

– Черт, вам следовало запереть ее.

И помчался к церкви. Ричер побежал в противоположную сторону, в поле. И увидел Нигли, несущуюся по дороге.

– Туда, – крикнул он.

Они выбежали в поле. Фрелих быстро шла к машинам. Они свернули, чтобы перехватить ее.

– Под изгородью нашли спрятанную винтовку, – сказала она.

– Кто-то побывал в церкви, – сообщил в ответ Ричер. – На колокольне. И скорее всего, он еще где-то здесь.

Фрелих, на секунду замерев, взглянула ему прямо в лицо. Потом подняла запястье ко рту и заговорила в микрофон.

– Внимание, все отменяется, – произнесла она. – Срочно отходим по счету три. – Голос ее был очень спокоен. – Один, два, три. Уходим. Уходим.

Два события произошли одновременно. Во-первых, взревели моторы автоколонны, мгновенно распавшейся – первые два длинных лимузина резко развернулись, пронеслись по гравию и вылетели в открытое поле. Во-вторых, охранники Армстронга подскочили к нему и, прикрыв его своими телами, потащили к машине. Все это походило – по быстроте и мощи – на маневр футболистов.

Головная полицейская машина, включив фары и сирену, поползла к уходящей от церкви дороге. Два наполненных людьми лимузина шли вплотную за патрульной машиной, а третий лимузин подкатил прямо к Фрелих.

– Мы можем взять этих людей, – сказал Ричер. – Они где-то здесь, сейчас.

Фрелих не ответила. Просто схватила его и Нигли за рукава и втянула их вместе с собой в машину. Та взревела и понеслась следом за двумя другими.

Глава седьмая

Они приземлились на авиабазе «Эндрюс» в шесть тридцать по местному времени. Город был еще тих. Длинный, предшествующий Дню Благодарения уик-энд уже начался, благополучно перевалил за полдень и близился к вечеру. Колонна машин выехала на Брэнч-авеню, прорезала сердце столицы и понеслась в Джорджтаун. Армстронга провели под белым навесом в дом. Затем машины апатично развернулись и направились к месту постоянной дислокации. Ричер и Нигли прошли вместе с Фрелих в ее кабинет, чтобы взглянуть на результаты поиска в базе данных ГЦИП. Результаты оказались

безнадежными. Программа выдала, ни много ни мало, 243 791 совпадение.

– Надо уточнить параметры поиска, – сказала Нигли.

Она присела рядом с Фрелих на корточки и подвинула к себе клавиатуру. Очистила экран, вызвала рамку запроса и набрала «отпечаток большого пальца как подпись». Потянулась к мыши и щелкнула на кнопке «ПОИСК».

Зазвонил телефон, Фрелих сняла трубку. Несколько мгновений она слушала, что ей говорят, потом положила трубку.

– Вернулся Стайвесант, – сказала она. – Он получил из ФБР предварительный отчет по поводу винтовки. Ждет нас.

– Сегодня мы едва не проиграли, – сказал Стайвесант. Он сидел во главе стола, перед ним были разложены листки факсов.

– Во-первых, незапертая дверь. ФБР считает, что замок рано утром открыли отмычкой.

– Вам следовало поставить на крыше своего агента, – сказала Нигли.

– На это у нас нет денег, – ответил Стайвесант. – И до инаугурации не будет.

– Если до нее дойдет, – сказала Нигли.

– Что насчет винтовки? – спросил Ричер. Стайвесант разгладил лежавшие перед ним бумаги.

– Старое охотничье ружье двадцать второго калибра, – сказал он.

– Отпечатки?

– Отсутствуют, разумеется.

Ричер кивнул:

– Отвлекающий маневр.

– Самый веский фактор – это отпертая дверь, – сказал Стайвесант. – Что, к примеру, сделали вы, когда вошли?

– Запер ее за собой.

– А если бы вы собирались стрелять?

– Тогда я оставил бы ее отпертой, особенно если бы у меня не было ключа. Так я смог бы быстро убраться оттуда.

Стайвесант кивнул:

– Отпертая дверь означает, что они были в церкви и собирались стрелять. Надеялись, что, когда у ограды найдут подброшенную ими винтовку, большая часть полиции бросится туда, а мы поведем Армстронга к машинам, тут они его и снимут.

– А что за история с патрульным? – спросил Ричер.

– Просто шнырял там какой-то малый в плаще, – ответил Стайвесант. – Дальше полицейских он пройти не смог. Скорее всего, это попросту никто.

– Стало быть, у нас по-прежнему ничего нет, – сказала Фрелих.

– У нас все еще есть Армстронг, – ответил Стайвесант. – И он все еще дышит. Так что идите обедайте, а к десяти возвращайтесь сюда, на встречу с человеком из ФБР.

Они возвратились в кабинет Фрелих – посмотреть, что дал запущенный Нигли поиск. Поиск закончился, число совпадений – ноль.

– На сей раз мы ничего не добились намного быстрее, – сказала Фрелих.

– Давайте теперь я попробую, – попросил Ричер. Фрелих встала, он сел в ее кресло и набрал «письмо, подписанное отпечатком большого пальца».

Щелкнул кнопкой мыши. На экране появилось сообщение о том, что совпадения отсутствуют.

– Ладно, попробуем иначе, – сказала Фрелих. – На сей раз я либо выиграю, либо проторчу здесь всю ночь.

Она набрала «большой палец». Щелкнула на «ПОИСКЕ». Экран выдал одно-единственное совпадение. Рапорт полиции Сакраменто. Врач пять недель назад известил полицию, что лечит человека, который лишился, плотничая, большого пальца. Врач, однако, был уверен, что плотницкое дело тут ни при чем, что имела место любительски проведенная операция. Пострадавший заверил полицию, будто случайно отхватил себе палец электропилой. Дело закрыли.

– Чего тут только не встретишь, – сказала Фрелих.

– Пойдемте поедим, – предложил Ричер.

– Может быть, на этот раз что-нибудь вегетарианское, – сказала Нигли.

После десяти все собрались в конференц-зале на вечернее совещание. Агент Бэннон по-прежнему походил больше на полицейского – умудренного жизнью старого детектива из Бостона или Нью-Йорка, – чем на федерального агента. Он принес с собой тонкую папку и вид имел очень серьезный.

– Нендик все еще недоступен, – сообщил он.

Никто ничего не ответил. Бэннон открыл папку и извлек из нее тонкую пачку цветных фотографий. Раздал их всем, как карты. По две каждому.

– Брюс Армстронг и Брайан Армстронг, – сказал он. – Покойники из Миннесоты и Колорадо соответственно.

Лица обоих никому из присутствующих знакомы не были. И оба нисколько не были похожи на Брука Армстронга. Обычные американцы, светловолосые и голубоглазые, лет сорока с лишком. Однако этим-то все трое и походили один на другого.

– Что думаете? – спросил Бэннон.

– Они достаточно схожи, чтобы привлечь наше внимание, – ответил Ричер.

– Мы тоже так считаем, – сказал Бэннон. – Две вдовы и пятеро сирот. Весело, верно?

– У вас есть для нас что-нибудь еще? – спросил Стайвесант.

– Мы работаем, – ответил Бэннон. – Но особого оптимизма не испытываем. Опросили соседей Нендика. Оказывается, они были довольно известной парой, особенно в баре неподалеку от аэропорта Даллес. Там собираются копы.

– А как насчет последних двух недель? – спросил Стайвесант. – Когда исчезла его жена?

Бэннон покачал головой:

– Никто ничего не вспомнил. Мы пришли к выводу, что писем вы больше не получите. Они нанесут удар в то время и в том месте, какое выберут сами. Мы сейчас работаем, исходя из этой версии. Полагаю, завтра утром вы все здесь будете?

– Армстронг работает, значит, и мы работаем.

– Чем он будет заниматься?

– Изображать доброго малого в приюте для бездомных.

– А это разумно?

– Это неизбежно, – ответила Фрелих. – В Конституции записано, что в День Благодарения политикам надлежит кормить индейкой бездомных, причем в худшей части города.

– Ладно, – сказал Бэннон. – Может, вам удастся заставить его передумать. Или внести поправку в Конституцию.

Фрелих подбросила Нигли до отеля, после чего она и Ричер поехали домой. Всю дорогу она молчала. И молчание это было демонстративным и агрессивным.

– Что такое? – спросил он.

– Ничего, – ответила она.

– Что-то ведь должно быть.

Она не ответила. Просто вела машину, пока не остановилась у дома. Выключила двигатель, но из машины не вышла.

– Мне этого не вынести, – сказала она. – В конце концов ты добьешься того, что тебя убьют. Как добился смерти Джо.

– Я не добивался его смерти.

– Он не годился для этой работы и все же делал ее. Потому что постоянно сравнивал себя кое с кем. Это его и погубило.

– С кем сравнивал, со мной? – С кем же еще?

– Фрелих, – сказал он, – в последний раз мы с Джо тол ком разговаривали, когда мне было шестнадцать.

– Он следил за твоей карьерой. Ваша мать все ему сообщала.

– Наша мама умерла на семь лет раньше него. У меня тогда и карьеры-то никакой еще не было.

– Ты в самом начале службы получил за Бейрут Серебряную звезду.

– Меня ранило при взрыве бомбы, – сказал Ричер. – Они наградили меня медалью, потому что не смогли придумать ничего другого. И Джо это знал.

– Он сравнивал себя с тобой, – повторила Фрелих.

– Сравнивал – возможно, – ответил он. – Но не со мной.

– Тогда с кем же?

– Возможно, с нашим отцом. Он служил в морской пехоте – Корея, Вьетнам. Мягкий, застенчивый, любящий человек, и при этом совершенно хладнокровный убийца.

– Джо не следовало ехать тогда в Джорджию, – сказала она.

– Тут я с тобой спорить не буду. Ему следовало иметь побольше здравого смысла.

– Как и тебе.

– У меня этого добра навалом. Я исхожу только из того, что мне известно.

– И ты уверен, что сможешь справиться с этими людьми?

– Так же, как мусорщик уверен, что справится с мусором.

– Надеюсь, твоя вера в себя имеет основания.

– Имеет. Особенно сейчас, когда со мной Нигли.

Фрелих отвела от него взгляд. Помолчала.

– Ну, что еще? – спросил он.

– Она влюблена в тебя.

– Я ее никогда не интересовал.

Фрелих просто покачала головой. Ричер улыбнулся:

– Ты считаешь, что я ей интересен?

– У тебя улыбка точь-в-точь как у Джо, – сказала она.

– А ты никак не можешь забыть его, да? – спросил он. Фрелих не ответила. Она выбралась из машины и пошла к крыльцу. Ричер последовал за ней. Они вошли в дом. В прихожей на полу лежал листок бумаги.

Ставший уже привычным мелованный листок. Четыре слова в двух строках посреди страницы: «ЭТО СЛУЧИТСЯ ДОВОЛЬНО СКОРО».

Фрелих вытянула из кобуры свой «ЗИГ-Зауэр», и они прошли через гостиную на кухню. Задняя дверь была закрыта, но не заперта. Ричер толкнул ее ногой. Они оглядели окрестности, однако ничего не увидели. Осмотрели металлическую пластину вокруг замочной скважины.

– Следы есть, – сказал Ричер. – Хоть и еле заметные.

– Они побывали в моем доме, – сказала Фрелих.

Она подошла к кухонному столу. Рывком выдвинула ящик.

– И забрали мой револьвер, – сказала она. – У меня лежал здесь запасной.

– Знаю, – отозвался Ричер. – Старая «беретта». Фрелих выдвинула другой ящик:

– И обоймы тоже. Я держала здесь боеприпасы.

– Да, – отозвался Ричер. – Под рукавицей для плиты.

– Откуда ты знаешь?

– Посмотрел. В понедельник ночью.

– Зачем?

– Привычка, – ответил он.

– Они еще могут быть в доме, – негромко сказала Фрелих.

– Сейчас проверю.

Она отдала ему пистолет. Ричер выключил на кухне свет, чтобы тот не светил ему в спину, когда он будет спускаться в подвал, и медленно сошел вниз. В подвале никого не было. И наверху тоже.

Ричер вернулся на кухню и протянул Фрелих «ЗИГ».

– Все чисто, – сказал он.

– Мне надо позвонить, – ответила она.

Через сорок минут приехали специальный агент Бэннон и трое его подчиненных. Еще пять минут спустя прикатил Стайвесант.

– Предполагалось, что писем мы больше не получим, – сказал он.

Бэннон разглядывал листок.

– Тут нет ничего конкретного, – отозвался он. – Мы предсказывали, что не получим никаких точных данных.

Он взглянул на Фрелих:

– Сколько времени вас здесь не было?

– Весь день, – ответила Фрелих. – Мы ушли в шесть тридцать утра.

– Вы?

– Ричер живет пока у меня, – сказала она.

– Больше жить не будет, – сказал Бэннон. – Слишком опасно. Мы переместим вас обоих в надежное место.

– Это мой дом, – сказала Фрелих.

– Не спорьте, – вмешался Стайвесант. – Поселим вас в мотеле. И поставим у двери пару полицейских.

– Тогда и Нигли тоже, – сказал Ричер.

Стайвесант кивнул:

– Не беспокойтесь. Я уже послал за ней людей.

Ричер постоял посреди гостевой комнаты Фрелих, почему-то со всей остротой чувствуя, что никогда сюда не вернется. Потом забрал из ванной свои принадлежности, собрал одежду из Атлантик-Сити и все костюмы и рубашки Джо. Спустился вниз, вышел под ночное небо и погрузил все в багажник «шевроле». А затем уселся на заднее сиденье. Фрелих вышла из дома, неся небольшой чемодан. Стайвесант уложил его в багажник, после чего оба сели впереди. И покатили по улице.

Они остановились в Джорджтауне, у мотеля, отделенного от дома Армстронга примерно десятью кварталами.

Нигли уже была здесь. Стайвесант оформил у портье необходимые бумаги и вернулся с тремя ключами на бирках.

– Увидимся завтра в семь в офисе, – попрощался он. Ричер вошел в свой номер. Кровать, кресло, стол, телефон, маленький телевизор. Он разложил вещи. Взглянул на часы. За полночь. День Благодарения.

Полчаса спустя кто-то постучал в дверь. Он ожидал увидеть Фрелих, но за дверью стояла Нигли.

– Ты один? – спросила она.

Он кивнул:

– То она хочет, чтобы я был не я, а Джо, то винит меня за то, что я довел его до смерти.

– Она все еще любит его. Хороший, наверное, был малый.

– Говорит, он стал безрассудным, потому что равнялся на меня.

Ричер отошел от двери в глубь номера. Нигли последовала за ним. Он прилег на кровать. Она опустилась в кресло.

– Малый он был крупный, но очень прилежный, – сказал Ричер. – А в школах, где мы учились, прилежная учеба означала примерно то же, что татуировка «Пни меня в зад» на лбу. А он был совсем не крутой. Ну, его в зад и пинали.

– И?

– Я на два года младше его, зато я-то был и крупным, и крутым. Так что я стал заботиться о нем. Мне тогда было около шести. Но я был готов ввязаться в любую драку.

– Ты хочешь сказать, что Джо привык на тебя полагаться? Ричер кивнул:

– Все это продолжалось лет десять. И, думаю, стало частью его психологии – он игнорировал опасность, потому что знал: его подстрахует братец. Так что Фрелих в чем-то права.

– Сколько ему было, когда он погиб?

– Тридцать восемь.

– У него было двадцать лет, Ричер, чтобы приспособиться к самостоятельной жизни. Мы все к ней приспосабливаемся.

– Ты думаешь?

– Так каков же приговор? – спросила Нигли. – Отныне ты будешь жить, думая, что убил собственного брата?

– В какой-то мере, наверное, да, – ответил Ричер. – Но я с этим справлюсь.

– Справишься. Должен будешь справиться. Ты ни в чем не виноват. Ему было тридцать восемь лет. И он не мог ожидать, что младший брат выскочит невесть откуда и поможет ему.

– Можно задать тебе вопрос?

– Она удивлялась, что мы с тобой не спим?

– Быстро соображаешь, – ответил он.

– Мы ведь ни разу даже не прикоснулись друг к другу, ты заметил?

– Это хорошо или плохо? – спросил он.

– Хорошо, – ответила Нигли. – У меня есть причины говорить так. Не спрашивай какие, однако я не терплю, когда ко мне прикасаются. Ты не сделал этого ни разу. И я всегда была тебе за это благодарна.

Ричер ничего не ответил.

– Думай о хороших качествах Фрелих, – сказала Нигли. – Дай ей шанс. Возможно, она того стоит.

Нигли встала, зевнула, послала Ричеру воздушный поцелуй и вышла из номера, ничего больше не сказав.

Он устал, однако его томило возбуждение, в номере было холодно, и ему никак не удавалось заснуть. В дверь снова постучали.

На сей раз это была Фрелих. В брюках и жакете. Рубашки под жакетом, судя по всему, не было.

– Входи, – сказал он.

Она вошла в номер, подождала, пока Ричер закроет дверь.

– Я не злюсь на тебя, – произнесла она. – Ты не виноват в смерти Джо. Я злюсь на него, за то, что он меня бросил.

Он присел на край кровати. Фрелих села рядом.

– Я смирилась с тем, что он ушел от меня. Но не смирилась с тем, как он это сделал. И потому злюсь на себя. Из-за того, что желала ему потом, чтобы он оступился и погорел.

– Он получил две пули в лоб, – произнес Ричер. – Только и всего. Ты за это не отвечаешь.

Она кивнула чуть приметно и подвинулась поближе.

– У тебя надето что-нибудь под жакетом? – спросил он.

– Зачем ты обыскивал мой дом?

– Затем что во мне есть ген, которого не было в Джо. Со мной случайностей не происходит. Я не оступаюсь. Ты сейчас при пистолете?

– Нет, – ответила она. – И под жакетом тоже ничего нет.

– Я должен убедиться в этом сам, – сказал он. – Вопрос осторожности, ты же понимаешь.

Он расстегнул на жакете первую сверху пуговицу. Скользнул ладонью внутрь. Кожа ее была теплой и гладкой.

В шесть утра служба мотеля разбудила их телефонным звонком. Фрелих зашевелилась с ним рядом.

– Счастливого Дня Благодарения, – сказал он.

– Хорошо бы, – отозвалась она. – У меня предчувствия насчет сегодняшнего дня. Думаю, именно сегодня мы либо победим, либо потерпим поражение.

– Мне такие дни нравятся, – сказал он. – Поражение – это не по нашей части, значит, победим.

Она влезла в свой костюм и ушла. Ричер прошлепал к шкафу, извлек из него свою старую одежду – ту, из Атлантик-Сити. Потом принял душ, но бриться не стал. Нигли уже ждала в вестибюле. Она была в джинсах, футболке и потертой кожаной куртке. У стены вестибюля стоял сервированный стол – кофе и горячие булочки. Двое приставленных к ним полицейских уже поглотили большую часть и того и другого.

– Ну что, помирились? – спросила Нигли.

– Да вроде, – ответил Ричер.

Показалась Фрелих – черные джинсы, черная рубашка поло и черная нейлоновая куртка. Съев и выпив то, что осталось после полицейских, они вышли из мотеля и погрузились в «шевроле». До офисного здания домчали мигом. Стайвесант ждал их в конференц-зале. Напротив него сидел Бэннон.

– Пункт первый, – сказал Бэннон. – ФБР официально рекомендует отменить на сегодня все. Нам известно, что в городе находятся плохие парни.

– Об отмене не может быть и речи, – ответил Стайвесант.

– Хорошо, тогда мы разместим там и своих людей тоже.

– Какая-нибудь конкретная информация? – спросила Фрелих.

– Никакой, – ответил Бэннон. – Просто чутье. Но я советую вам отнестись к нему очень серьезно.

– Я ко всему отношусь очень серьезно, – сказала Фрелих. – На самом деле я изменила план. Все переносится под открытое небо.

– Под открытое небо? – переспросил Бэннон. – Разве так не будет хуже?

– Нет, – ответила Фрелих. – Там длинное, низкое помещение. Кухня в самом конце. Людей будет очень много. Большинству из них приходится облачаться в пять одежек сразу. Обыскать их всех мы не сможем. Это займет вечность.

– А снаружи чем лучше?

– Сбоку от приюта есть двор. Мы расставим столы в длинный ряд, вдоль стены здания. Еда будет подаваться через окно кухни. За

сервировочными столами находится стена двора. Армстронга, его жену и четверых охранников мы поставим за одним из них, спиной к стене. Люди будут подходить слева, цепочкой по одному, сквозь два ряда наших агентов.

– Возможности удара сверху? – спросил Стайвесант.

– Сколько угодно, – ответила Фрелих. – И поэтому хорошо, что его будет заслонять толпа. Никто не сможет вытащить оружие раньше, чем окажется прямо через стол от Армстронга, потому что рядом все время будут находиться агенты.

– Снизу?

– Ограниченные. С трех сторон двор закрывают стены. Однако спереди он открыт. Прямо через улицу стоят пятиэтажные дома. Старые склады. Окна заколочены досками. Но нам все равно придется поставить по агенту на каждую крышу.

– План хороший, – кивнул Стайвесант.

– Это обычный план? – поинтересовался Бэннон. – Обычная процедура Секретной службы?

– Пожалуй, да, – ответила Фрелих. – В месте, подобном этому, выбор у нас невелик. А почему вы спрашиваете?

– Мы имеем дело с четырьмя специфическими факторами. Все это началось семнадцать дней назад, верно?

Стайвесант кивнул.

– И кто пока что пострадал? – спросил Бэннон. – Это первый вопрос. Второе, подумайте о демонстративных убийствах в Миннесоте и Колорадо. Как вы о них узнали? Это второй вопрос. Третий: какое использовалось оружие? И четвертый: как последнее письмо оказалось в квартире мисс Фрелих?

– Что вы всем этим хотите сказать?

– Я хочу сказать, что все четыре фактора указывают в одном направлении. С какой целью присланы письма?

– С целью угроз, – ответила Фрелих.

– А в чей адрес они направлены?

– Армстронга, разумеется.

– Ой ли? Может, скорее, все-таки Секретной службы?

Фрелих ничего не ответила.

– Ладно. Вспомним теперь Миннесоту и Колорадо. Дьявольская демонстрация. Как они вас о ней известили?

– Они нас не извещали.

– Точно, – сказал Бэннон. – И разумеется, доклады поступали в ГЦИП из местных полицейских управлений, а компьютеры ФБР, сканируя их, на что они и запрограммированы, обнаружили слово «Армстронг», на что они опять-таки запрограммированы, и мы позвонили вам, чтобы сообщить приятную новость. Так скажите мне, многим ли людям с улицы известно, что именно так все это и происходит?

– Плюс специфическое вооружение, – добавил Ричер.

– И только одно правительственное агентство, которое его закупает.

– Мы, – негромко произнес Стайвесант.

Бэннон кивнул:

– Мне жаль, ребята, но ФБР ищет людей из Секретной службы. Не из теперешних сотрудников, потому что теперешние узнали бы о слишком раннем появлении угрозы насчет демонстрации и сработали на день раньше. Поэтому мы сосредоточились на тех, кто в последнее время был отправлен в отставку, но все еще знает, как тут у вас все устроено. Наша теория такова: Армстронг – это не цель, а средство.

– А как же отпечаток? – спросил Стайвесант. – У всех наших людей берут отпечатки пальцев. И всегда брали.

– Мы полагаем, что речь идет о двух людях. По нашему мнению, человек, оставляющий отпечаток, помогает кому-то, кто прежде работал здесь, человеку в резиновых перчатках. Будьте дьявольски осторожны.

– Будем, – пообещал Стайвесант.

– Значит, увидимся, – сказал Бэннон и покинул конференц-зал.

– Наверное, это неизбежно, – произнес Стайвесант. – Человека, оставляющего отпечатки, они на нас повесить не могут, но уж другой-то определенно один из наших. И весь «Дом Гувера» озаряется улыбками.

– Да, но означает ли это, что они не правы? – спросила Нигли.

– Нет, – ответила Фрелих. – Эти люди знают, где я живу. Так что, думаю, Бэннон прав.

Стайвесант поморщился.

– Ричер? – спросил он.

– Мне возразить нечего, – сказал Ричер. – Другое дело, что я в это не верю. То, что они ищут здесь, хорошо. Нам следует исключить все возможности. Но я совершенно уверен, что они попусту тратят время.

– Почему? – спросила Фрелих.

– Я думаю, оба они – люди со стороны. Думаю, оба старше Армстронга – от двух до десяти лет разницы, выросли в удаленных сельских краях, где школы были приличными, а налоги низкими. Вспомните все, что нам известно.

– Не сейчас, – сказал Стайвесант. – Надо двигаться. Расскажете все после. Но вы уверены?

– Они оба со стороны, – ответил Ричер. – С гарантией. Как в Конституции.

Глава восьмая

Приют, выбранный для появления Армстронга, находился посреди бесхозной земли, лежащей к северу от «Юнион стейшн». Вокруг него стояли разрушающиеся здания.

Первыми из агентов Секретной службы здесь появилась группа рекогносцировки. С собой они принесли топографическую карту и оптический прицел от винтовки. Один из агентов пошел по пути, который предстояло проделать Армстронгу. Он останавливался после каждого шага, смотрел в прицел и называл каждое окно и кровлю, какие были видны с этого места. Агент с картой определял на ней соответствующее здание и рассчитывал дальность.

Место оказалось совсем неплохим. Позицию для снайпера можно было выбрать только на крышах стоящих через улицу заброшенных пятиэтажных складских помещений.

К девяти тридцати приют обратился в центр проверенной территории размером в двести шестьдесят гектаров. Фрелих приехала сюда к десяти, привезя с собой Ричера и Нигли. Стайвесант ехал прямо за ней во втором «шевроле». За ним следовали четыре машины, доставившие пятерку снайперов и пятнадцать агентов.

Собрав своих людей во дворе приюта, Фрелих отправила снайперов на складские крыши. Им предстояло провести там целых три часа, однако это было обычной практикой.

Стайвесант отвел Ричера в сторону и попросил пройти туда вместе с ними.

– Потом найдете меня, – сказал он. – Мне нужно из первых рук узнать, насколько плохо дело.

Ричер пересек улицу с агентом по фамилии Кросетти, и они нырнули в сырой, заваленный мусором проход. В центре склада вверх уходила винтовая лестница. Лестница привела их в будку на крыше. Крыша была плоской, залитой асфальтом и огражденной низкой стеной с парапетным камнем поверху. Кросетти прошелся до ее левого края, потом до правого. Установил визуальный контакт с коллегами, разместившимися по сторонам от него. Потом подошел, чтобы осмотреться, к переднему краю крыши. Ричер уже стоял здесь.

Внизу под ними лежал двор приюта. Прямо впереди виднелась каменная стена, у которой предстояло занять место Армстронгу.

– Какое тут расстояние? – спросил Ричер.

Кросетти вытащил дальномер.

– До стены двадцать восемь метров. До его головы двадцать семь семьдесят.

– Все равно что в упор стрелять, – сказал Ричер.

– Не беспокойтесь, – сказал Кросетти. – Пока я здесь, никого тут больше не будет. Такая у меня нынче работа.

– Где вы встанете? – спросил Ричер.

Кросетти огляделся, ткнул пальцем.

– Вон там, я думаю, – сказал он. – В дальнем углу.

– Разумно, – согласился Ричер.

Он спустился вниз и глянул наверх. Кросетти стоял на углу крыши. Ричер отправился на поиски Стайвесанта.

– Все в порядке, – сказал ему Ричер. – Места для стрелков хватает, но, пока там ваши ребята, мы в безопасности.

Стайвесант кивнул и обвел взглядом крыши. Со двора были видны все пять. И на всех пяти расположились снайперы.

– Ричер, – послышался голос Фрелих.

Он обернулся и увидел ее с толстым блокнотом в руках. Выглядела она замечательно. Черная одежда подчеркивала гибкость ее тела, глаза просто светились синевой.

– Тут вроде все пока хорошо, – сказала она, – так что иди прогуляйся. Просто осмотрись. Нигли уже там.

– Ты лучше всех, – сказал он. – Армстронг везучий человек.

– Надеюсь, – ответила Фрелих.

Она улыбнулась смущенной улыбкой и ушла. Ричер вернулся на улицу. Нигли он встретил в квартале от приюта.

– Отличный денек, верно? – сказала она. – Как бы ты это сделал?

– Никак, – ответил Ричер. – Только не в Вашингтоне.

– Да, но в Бисмарке они провалились, – сказала Нигли. – Через десять дней Уолл-стрит, она неудобна. А там уже и декабрь, и праздничные дни, за ними инаугурация. Так что выбор у них невелик.

В приют они вернулись к полудню. Во дворе все уже было готово. Стояли в ряд сервировочные столы. Фрелих собрала своих агентов.

– Так, слушайте меня, – сказала она. – Помните, приобрести сходство с бездомным проще простого, но очень трудно выглядеть в точности как бездомный. Вопросы есть?

Все промолчали.

– При любом сомнении действовать быстро, думать будете потом, – продолжала Фрелих. – Я буду раздавать еду, стоя рядом с Армстронгом. Мы зависим от вас, не подпускайте к нам никого, кто вам не понравится.

Ричер протиснулся сквозь группу агентов, отошел к левому краю сервировочных столов и встал у окна. Поднял взгляд кверху. Кросетти помахал ему рукой. Он помахал в ответ.

По другую сторону стола стояла Фрелих.

– Нам надо надеть жилеты, – сказала она. – И Армстронгам тоже. – Она посмотрела на часы. – Пойдем.

Они вышли со двора и пересекли улицу, направляясь к ее «шевроле». Фрелих нагнулась, подхватила пуленепробиваемый жилет, потом потянулась и чмокнула его в щеку.

Ждать оставалось тридцать минут. Фрелих надела под куртку жилет, провела радиоперекличку. Сказала полицейскому начальнику, что можно выстраивать бездомных у заднего входа. Пригласила журналистов во двор и распорядилась:

– Выносите еду.

Кухонная обслуга высыпала наружу, и повар принялся передавать им в окно кастрюли. Ричер прислонился к стене в конце череды столов, ближе к публике. Нигли стояла посреди двора, в двух метрах от него.

По улице проплыла патрульная полицейская машина, за ней последовал «кадиллак», остановившийся прямо против входа во двор. Армстронг вылез из него, развернулся, подал руку жене. Операторы с камерами подались вперед.

На Армстронге были джинсы. Фрелих провела чету Армстронг на площадку за сервировочными столами. Вице-президент взял со стола черпак в одну руку, ложку в другую. Убедившись, что камеры нацелены на него, поднял эту утварь вверх.

– Всем счастливого Дня Благодарения, – крикнул он.

Через калитку во двор начала медленно втекать толпа бездомных. Первый из них миновал последнего в ряду агента, снял с крайнего стола пластмассовую тарелку и оказался перед Армстронгом, сиявшим лучшей из своих улыбок. Армстронг ложкой выложил на тарелку ножку индейки. Фрелих добавила овощей. После чего человек с тарелкой проследовал внутрь приюта, к столам.

Так все и шло. Едва очередная кастрюля пустела, ее заменяли новой, переданной из окна кухни. Армстронг улыбался с самым довольным видом. Ричер бросил взгляд на Нигли. Та вопросительно подняла брови. Глянул на Фрелих, деловито орудующую ложкой. Посмотрел на телевизионщиков.

Все произошло, когда в очереди оставалось еще человек тридцать.

Ричер услышал совсем рядом с собой глухой удар по известке и тут же что-то обожгло ему правую щеку. Он увидел облачко пыли и маленькую округлую выбоину в стене. Никакого звука. Долю секунды спустя мозг сообщил ему: «Пуля. Глушитель». Он оглядел очередь. Никто не сдвинулся с места. Он дернул головой влево и вверх. «Крыша. Кросетти в шести метрах от своей позиции. Стреляет. Это не Кросетти».

Затем он попытался одолеть время и начать поворачиваться быстрее, чем позволяло ужасное, замедленное движение паники. Наполнил легкие воздухом, повернулся к Фрелих. Рот его открылся, отчаянные слова начали складываться в горле. Но Фрелих уже кричала: «Стрело-ок!»

Движение оставалось замедленным. Она разворачивалась. Ложка ее летела над столом, описывая дугу. Затем Фрелих, находившаяся слева от Армстронга, взвилась в воздух, точно баскетболист, пытающийся через голову забросить мяч в корзину у себя за спиной. Развернулась в полете, подобрала колени к груди и врезалась ими в грудь Армстронгу. У того перебило дыхание, ноги его подогнулись, он уже падал навзничь, когда вторая беззвучная пуля попала Фрелих в шею. Звука по-прежнему не

было. Была только яркая струя крови, разлетавшаяся брызгами под ярким солнцем.

Время возобновило свой нормальный ход. Агенты обступили жену Армстронга и пригнули ее к земле. Другие открыли огонь по крыше склада. Бездомные бросились врассыпную. Ричер пробивался к Фрелих. Агенты вытаскивали из-под нее Армстронга. Взвыли сирены. Ричер упал на колени в лужу крови около Фрелих и взял ее голову в ладони. Фрелих была обмякшей, неподвижной, но глаза оставались широко раскрытыми.

– Как он? – прошептала Фрелих.

– В безопасности, – ответил Ричер.

Он подсунул ладонь ей под шею. Там было мокро от крови.

– Врача! – крикнул он. Никто его не услышал.

– Скажи мне, что это не один из наших, – прошептала Фрелих.

– Это не один из твоих, – ответил Ричер.

Она уронила подбородок на грудь.

– Врача! – снова, теперь уже громче, крикнул он. Впрочем, он понимал: все бесполезно.

Фрелих взглянула ему прямо в лицо.

– Помнишь? – прошептала она. – Как мы познакомились?

– Помню, – ответил он.

Фрелих слабо улыбнулась – так, словно этот ответ полностью ее удовлетворил. Она сильно побледнела. Кровь залила всю землю вокруг. Глаза Фрелих не отрывались от его лица. Губы побелели, становились синими. Они беззвучно пошевелились, словно репетируя последние ее слова.

– Я люблю тебя, Джо, – прошептала она.

– Я тоже люблю тебя, – ответил Ричер.

Он так и держал ее, пока она не умерла у него на руках. Стайвесант приказал прекратить огонь.

Ричер дождался появления медиков. Опустил голову Фрелих на бетон. Встал, его мутило, он ощущал себя раздавленным, нетвердо стоящим на ногах. Стайвесант взял его за локоть и отвел в сторону.

– Я даже имени ее не знал, – сказал Ричер.

– Мери-Иллен, – сказал Стайвесант.

Медики недолгое время суетились вокруг нее. Потом притихли и накрыли Фрелих простыней.

Ричер доковылял до стены и сел, прислонясь к ней спиной, сложив руки на коленях и опустив на них голову. Рядом села Нигли. Стайвесант опустился на корточки, лицом к ним.

– Что происходит? – спросил Ричер.

– Полиция перекрывает город, – ответил Стайвесант. – Дороги, мосты, аэропорты. Этим командует Бэннон.

– Как Армстронг?

– Ни царапины. Фрелих исполнила свой долг.

– Что случилось на крыше? Куда подевался Кросетти?

– Кросетти каким-то образом заманили в ловушку, – сказал Стайвесант. – Он в лестничном колодце. Тоже убит.

– Откуда Кросетти родом? – спросил Ричер.

– Из Нью-Йорка, по-моему, – ответил Стайвесант.

– Не годится. А Фрелих?

– Она из Вайоминга.

– Вот это подходит, – сказал Ричер. – Где сейчас Армстронг?

– Этого я сказать не могу, – произнес Стайвесант. Ричер взглянул на свою ладонь. Та была залита кровью.

– Говорите, – сказал он, – или я вам шею сверну.

Стайвесант молчал.

– Где он? – повторил Ричер.

– В Белом доме, – ответил Стайвесант. – В охраняемом помещении.

– Мне нужно поговорить с ним.

– Сейчас?

– Прямо сейчас.

– Нельзя.

Ричер глянул в сторону:

– Можно.

Стайвесант некоторое время молчал.

– Давайте я сначала ему позвоню.

Ричер с трудом поднялся и отошел в сторону.

– Ты как? – спросила Нигли.

– Так, словно Джо убили снова.

– Ты ничего не мог сделать.

– Она приняла на себя его пулю, – произнес Ричер.

– Инстинкт, – отозвалась Нигли. – К тому же ей просто не повезло. Пуля прошла всего на сантиметр выше жилета.

– Ты видела стрелка?

Нигли покачала головой:

– А ты?

– Мельком, – ответил Ричер. – Одного мужчину.

– Что теперь?

– Я просто так уходить не собираюсь.

– Тогда и я тоже останусь.

– Я справлюсь и сам.

– Знаю, что справишься, – ответила Нигли. – Но со мной будет легче.

Ричер кивнул. Стайвесант уже шел к ним по двору.

– Армстронг вас примет, – сказал он. – Не хотите сначала переодеться?

Ричер взглянул на свою одежду. Она была пропитана кровью Фрелих.

– Нет, – сказал он. – Я не хочу сначала переодеться.

Они воспользовались «шевроле», в котором приехал Стайвесант. На каждой улице, шедшей вокруг Белого дома, полиция выставила по два контрольно-пропускных пункта. Стайвесант пронизал их, не останавливаясь. Он предъявил в воротах Белого дома свое удостоверение, въехал внутрь и припарковался у Западного крыла. Они спустились в сводчатый подвал.

Дверь открыл один из личных охранников Армстронга. Армстронг с женой сидели за столом в центре комнаты. На щеке Армстронга так и осталось пятно крови Фрелих.

– Какова ситуация? – спросил он.

– Двое погибших, – ответил Стайвесант. – Агент на крыше склада и сама М.-И. Оба скончались на месте.

– Вы взяли тех, кто это сделал?

– Это всего лишь вопрос времени, – сказал Стайвесант.

– Я хочу помочь, – произнес Армстронг.

– Давайте, – сказал Ричер.

– Что я могу сделать?

– Вы можете сделать официальное заявление, – ответил Ричер. – Немедленно. Сказать, что из уважения к двум погибшим агентам отменяете поездку на выходные в Северную Дакоту. Сказать, что вообще нигде не будете появляться до заупокойной службы по руководителю вашей охраны и будете на ней присутствовать – в воскресенье, в ее родном городе.

– Хорошо, – ответил Армстронг. – Я могу это сделать. Но зачем?

– В Вашингтоне они ничего больше предпринимать не станут. Отправятся домой и будут ждать. А это даст мне до воскресенья время, чтобы выяснить, где они живут.

– Вам? Разве ФБР не найдет их уже сегодня?

– Найдет, так и отлично. Я смогу заняться своими делами.

– А если не найдет?

– В таком случае я найду их сам.

– Но что, если и вы потерпите неудачу?

– Тогда они объявятся в Вайоминге, чтобы предпринять новую попытку. На похоронах Фрелих. А там их буду ждать я.

– Нет, – сказал Стайвесант. – Я не могу использовать охраняемого как приманку.

– На самом деле ему туда ехать не придется, – ответил Ричер.

Армстронг покачал головой:

– Я не могу сказать все это, не собираясь присутствовать на службе. Если я заявлю, что приеду, я должен приехать.

– Если хотите помочь, именно этого вам и не следует делать.

Они оставили Армстронгов в подвале Западного крыла и с тем же сопровождающим вернулись к «шевроле».

– Подбросьте нас до мотеля, – сказал Ричер. – Мне нужно принять душ. А потом я хочу повидаться с Бэнноном.

– Зачем? – спросил Стайвесант.

– Я свидетель, – ответил Ричер. – Я видел стрелявшего. Всего на мгновение. Я не могу его описать, но есть какая-то особенность в том, как он двигается. Я уже видел его раньше.

Глава девятая

Он стянул с себя одежду. Пустил в душе воду. Пол у него под ногами покраснел, потом порозовел, потом обесцветился. Он дважды вымыл голову и тщательно побрился. Надел один из костюмов Джо, повязал купленный ему Фрелих галстук – в память о ней. И спустился в вестибюль. Там его ждала Нигли.

Через час появился Стайвесант, отвезший их в «Дом Гувера». Расстановка сил изменилась. Убийство федеральных агентов – преступление федерального значения, так что теперь за все отвечало ФБР. Бэннон встретил их в главном вестибюле и повез лифтом в конференц-зал.

– Ну и денек, – нарушил молчание Бэннон. – Мое агентство выражает вашему глубочайшие соболезнования.

– Вы их не нашли, – сказал Стайвесант.

– Мы получили данные вскрытия, – ответил Бэннон. – Кросетти прострелили голову пулей калибра 7,62. Фрелих пуля попала в шею. Скорее всего, стреляли из того же оружия.

– Вы их не нашли, – повторил Стайвесант. Бэннон скорчил гримасу.

– Нет, – ответил он, – мы их не нашли. Но если вы будете на нас шуметь, ни к чему хорошему это не приведет. Кто-то проник сквозь выставленный вами заслон. Кто-то заманил в западню вашего человека на крыше.

– Мы заплатили за это, – сказал Стайвесант. – И дорогой ценой.

– Как это случилось? – спросила Нигли. – Как они вообще сумели туда попасть?

– Не через переднюю дверь, – ответил Бэннон. – Мы думаем, что плохие парни проникли в здание, стоящее через квартал оттуда. Прошли сквозь него и через черный ход выбрались на улочку за складами. Потом пробрались в склад с тыла и поднялись по лестнице.

– А как они подманили Кросетти? – спросил Стайвесант.

Бэннон пожал плечами:

– Какой-нибудь способ всегда найдется, верно?

– Винтовку вы нашли?

Бэннон лишь покачал головой. Ричер уставился на него:

– То есть они ушли с винтовкой?

Бэннон перевел взгляд на Ричера:

– Вы видели стрелка?

Ричер кивнул:

– Мельком. Когда тот убегал.

– И считаете, что видели его прежде?

– Было что-то знакомое в его движениях. Возможно, в одежде. Никак не могу сообразить.

– Как бы там ни было, это нам мало что даст. Вот получить имя и портрет было бы приятно.

– Когда я это узнаю, дам вам знать, – сказал Ричер.

– Ваша теория все еще остается в силе? – спросил Стайвесант.

– Да, – ответил Бэннон. – Мы по-прежнему ищем ваших бывших сотрудников.

Проехав по Пенсильвания-авеню метров восемьсот на запад, они поставили машину в гараж и поднялись в конференц-зал Секретной службы.

– Я никогда еще не терял агента, – сказал Стайвесант. – За двадцать пять лет. А теперь в один день потерял двух. Я хочу найти этих подонков.

– Они подписали себе смертный приговор, – отозвался Ричер.

– Не хочется, чтобы ими оказались наши, – сказал Стайвесант, – но боюсь, что Бэннон, возможно, прав.

– Или—или, – сказал Ричер. – Или прав, или не прав. Он просто не задумывается над возможностью оказаться неправым.

– Просто скажите мне, что он не прав.

– Думаю, не прав. Он основывается на том, что Армстронгу ничего не сказали. А может быть, они просто не знают, что ему не сказали.

– С этим я бы согласился, – произнес Стайвесант. – Но остается еще вопрос относительно ГЦИП. И тут Бэннон прав безусловно. Будь они не из наших, они бы лично навели нас на Миннесоту и Колорадо.

– И то, что он говорит об оружии, тоже убедительно, – сказала Нигли. – И об адресе Фрелих.

– И все равно, я в это не верю, – сказал Ричер.

– Почему?

– Принесите сюда письма.

Стайвесант вышел и, вернувшись через три минуты с папкой, разложил пять официальных фотографий ФБР в ряд.

ТЕБЕ ПРЕДСТОИТ УМЕРЕТЬ.

НОВОИЗБРАННОМУ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТУ АРМСТРОНГУ ПРЕДСТОИТ УМЕРЕТЬ.

ДЕМОНСТРАЦИЯ ВАШЕЙ УЯЗВИМОСТИ СОСТОИТСЯ СЕГОДНЯ.

КАК ВАМ ПОНРАВИЛАСЬ ДЕМОНСТРАЦИЯ? ЭТО СЛУЧИТСЯ ДОВОЛЬНО СКОРО.

– Взгляните на второе письмо, – сказал Ричер. – «Новоизбранному» написано без ошибок.

– И что? – спросил Стайвесант.

– Это длинное слово. Многие споткнулись бы на нем.

– Но что это доказывает?

– Да, в общем, ничего, – сказал Ричер. – Зато кое-что подсказывает. Вы когда-нибудь читали Конституцию?

– Думаю, читал, – ответил Стайвесант. – Правда, давно.

– Как и я, – сказал Ричер. – В основе своей это документ юридический. Так что, когда его кто-либо перепечатывает, то никакие исправления не вносятся. Ранние его части датируются тысяча семьсот восемьдесят седьмым. Последней поправкой в моем экземпляре была двадцать шестая, от тысяча девятьсот семьдесят первого, она понижала возраст избирателей до восемнадцати. Всего, стало быть, сто восемьдесят четыре года. И все воспроизводится так, как было в свое время написано. Мне запомнилось, что в первой ее части «вице президент» пишется без дефиса. Как и в последней. Дефис отсутствует и там. Зато он имеется в промежутке. То есть с тысяча восемьсот шестидесятых до тысяча девятьсот тридцатых использование дефиса считалось правильным.

– Те, кого мы ищем, дефис используют, – сказал Стайвесант.

– Совершенно верно, – откликнулся Ричер.

– И что это значит?

– Две вещи, – ответил Ричер. – Во-первых, это значит, что они учились в школе, находившейся в местах, где пользовались старыми учебниками. Поэтому я и решил, что они родом из сельских мест и налоги, из которых оплачиваются школы, там были невелики. Во-вторых, что в Секретной службе они никогда не состояли. Всякий, кто работает здесь, за время своей карьеры пишет слово «вице президент» миллион раз. Без дефиса.

– Хотелось бы мне вам поверить, – сказал Стайвесант.

– В этом-то вся и прелесть, – сказал Ричер. – Если я целиком и полностью ошибаюсь – не важно. Потому что ФБР позаботится об альтернативном сценарии.

– Все это очень гипотетично, – заметил Стайвесант.

– И однако же, я собираюсь этим заняться, – ответил Ричер. – Если будет необходимо, сам. Ради Фрелих.

Стайвесант кивнул:

– Хорошо, но какой у них мог быть мотив?

– Возможно, что и смешанный, – произнесла Нигли. – Они могут быть аутсайдерами, питающими вражду к Секретной службе, людьми, которых не приняли в нее на работу. Если они состоят в правоохранительных организациях, то могут знать и о ГЦИП, и о том, какое оружие вы закупаете.

– Мотив связан с Армстронгом, – сказал Ричер. – Непременно должен быть связан. Подумайте о временной последовательности событий. Армстронг попал в число кандидатов летом. До того о нем никто и

слыхом не слыхивал. А теперь мы начинаем получать угрозы в его адрес. Почему теперь? Потому, что во время кампании он что-то сделал, вот почему.

– Ладно, поступим следующим образом, – сказал Стайвесант. – Мы сообщим Бэннону о теории Нигли. Однако мы нарушили бы свой долг, если бы не рассмотрели и альтернативный вариант. Поэтому мы займемся теорией Ричера. Так с чего мы начнем?

– С Армстронга, – ответил Ричер.

Стайвесант позвонил человеку из Управления по исследованию средств защиты и вызвал его к себе. Затем они отправились в «Дом Гувера» – Стайвесант хотел еще раз повидаться с Бэнноном. Ричер и Нигли остались ждать его в вестибюле. Здесь был телевизор, и Ричеру хотелось посмотреть, не появится ли в ранних вечерних новостях сообщение о заявлении Армстронга. До новостей оставалось полчаса.

– Как ты? – спросила Нигли.

– Довольно странное чувство, – ответил Ричер. – Как будто я сразу два разных человека. Под самый конец она принимала меня за Джо.

– Закрой глаза, – сказала Нигли, – выброси это из головы. Ты должен сосредоточиться на стрелке.

Он закрыл глаза. Вспомнил звуки, которые слышал тогда. Лязг раздаточных ложек и слова Фрелих: «Спасибо, что заглянули». А следом миссис Армстронг: «Приятного аппетита». Затем негромкий удар первой пули о стену. Вспомнил Фрелих в последнюю минуту ее жизни. Вспомнил брызги крови и свою реакцию. «Огонь на поражение. Откуда?» Он поднял взгляд вверх и увидел… что?

– Плащ, – произнес он. – Плащ и то, как он на нем сидел.

– Ты его видел раньше? – спросила Нигли.

– Да.

– Цвет?

– Не знаю. Не уверен, что у него вообще был цвет.

– Материал?

– Материал важен. Не плотный, не тонкий. Плащ был длинный.

Он снова закрыл глаза и принялся рыться в памяти, отыскивая плащ.

Через двадцать минут он сдался и жестом попросил дежурного офицера прибавить в телевизоре звук, чтобы можно было послушать новости. Репортаж открылся видеозаписью – Армстронг подает руку вылезающей из лимузина жене. Следом съемка, произведенная минут через семь-восемь, когда к столу уже выстроилась очередь.

А потом произошло это.

Из-за глушителя выстрела слышно не было, а поскольку его слышно не было, оператор даже не пригнулся. Картинка осталась устойчивой. И по той же самой причине было совершенно непонятно, почему Фрелих вдруг прыгнула на Армстронга. Он упал, и она вместе с ним. Вторая пуля ударила в нее.

– Она была слишком быстрой, – произнесла Нигли. – Промедли она четверть секунды, пуля попала бы в жилет.

– Да, она была чересчур хороша.

На экране появился ведущий, сообщивший, глядя прямо в камеру, что реакция вице-президента была мгновенной. Появилось изображение Армстронга, стоявшего вместе с женой на парковке у Западного крыла. Вид он имел решительный. Заверил Америку, что никакое насилие и запугивание не заставят правительство прервать работу. Закончил же Армстронг словами о том, что в знак абсолютного уважения к погибшим он отменяет все назначенные встречи и остается в Вашингтоне до той поры, пока не посетит заупокойную службу своего личного друга, женщины, руководившей его охраной. Служба, сказал он, состоится в воскресенье в маленькой церкви маленького города Грейс, штат Вайоминг.

После этого дежурный офицер убавил звук и отвернулся от телевизора. Ричер снова закрыл глаза. И снова вернулся к тому, что видел на крыше: изгиб плеча стрелявшего человека, его пробежку, раскачивающиеся, хлопающие полы плаща. Плащ. Плащ знакомый. Ричер широко раскрыл глаза.

– Плащ был длинный, красновато-коричневый, с каким-то легким рисунком на ткани. И полы его мотались, когда он бежал.

– Кто «он»?

– Полицейский из Бисмарка. Он бежал мне навстречу, когда я выходил из церкви. Он же был и на крыше склада.

– Это серьезное заявление, – сказал Бэннон. – И основывается оно на четверти секунды наблюдения с расстояния в тридцать метров и в обстановке крайней сумятицы.

Они снова находились в конференц-зале ФБР.

– Это был он, – ответил Ричер. – Никаких сомнений.

– У всех полицейских снимают отпечатки пальцев, – сказал Бэннон.

– Значит, его напарник не полицейский, – отозвался Ричер.

– Не лишено смысла, – сказал Стайвесант. – Армстронг живет в Бисмарке. А постоянно живя в городе, человек обзаводится врагами.

Бэннон скорчил гримасу:

– Описание?

– Высокий, – ответил Ричер. – Песочного цвета, седеющие волосы. Худое лицо, худощавое тело. Длинный плащ, из чего-то вроде плотного твила, красновато-коричневый, распахнутый. Твидовый пиджак, белая рубашка, серые брюки.

– Возраст?

– Сильно за сорок или под пятьдесят.

– Звание?

– Он показал мне золотую бляху, однако нас разделяло шесть метров. Я не смог ничего на ней прочесть.

– Он что-нибудь сказал?

– Крикнул, с того же расстояния.

– Надо запросить из полицейского управления Бисмарка личные дела, пусть Ричер просмотрит фотографии, – сказал Стайвесант.

– Это займет два дня, – ответил Бэннон. – И кого я стану просить? Может оказаться, что я как раз на плохого парня и попаду.

– Тогда поговорите с вашим подразделением в Бисмарке, – предложила Нигли.

Бэннон медленно поднялся и пошел звонить. Вернулся он через пятнадцать минут.

– Новость хорошая и новость плохая, – сообщил он. – Хорошая состоит в том, что Бисмарк не самый большой на земле город. В полицейском управлении сто шесть офицеров, у которых имеются бляхи. Двенадцать из них женщины, что оставляет нас при девяносто четырех. И благодаря чудесам современной техники их фотографии будут в ближайшие десять минут отсканированы и посланы нам электронной почтой.

– А плохая? – осведомился Стайвесант.

– После.

Меньше чем через десять минут в зал торопливо вошел агент, принесший стопку листов бумаги. Девяносто четыре лица. Ричер работал быстро. Просмотрел все снимки. Ни одного даже отдаленно похожего.

– Теперь новость плохая, – сказал Бэннон. – В полицейском управлении Бисмарка в штатском никто не ходит.

– Тот человек был бисмаркским копом, – сказал Ричер.

– Нет, – возразил Бэннон. – Он не был бисмаркским копом. В лучшем случае он прикидывался бисмаркским копом.

Ричер промолчал.

– Так что, боюсь, ничего не изменилось, – продолжал Бэннон. – Мы все еще ищем человека, работавшего в Секретной службе.

Когда Ричер, Нигли и Стайвесант возвратились в здание Казначейства, их ожидал штатный сотрудник Управления по исследованию средств защиты. Он был примерно одних с Ричером лет и походил на университетского профессора. Звали его Суэйном. Суэйн отвел Нигли и Ричера в помещение, бывшее чем-то средним между библиотекой и лекционным залом.

– Что думает ФБР, мне известно, – сказал Суэйн.

– Вы в это верите? – спросил Ричер.

– Я не считаю это невозможным, – сказал Суэйн. – Однако аналогичным образом у меня нет причин и верить в это. Вы ведь брат Джо Ричера, не так ли?

Ричер кивнул.

– Он любил произвольные рассуждения.

– Я их тоже люблю, – отозвался Ричер. – У вас они имеются?

– У меня такое чувство, что данная ситуация отличается от всего, с чем мне приходилось сталкиваться. Налицо явная ненависть. Все покушения распадаются на две группы, идеологические и функциональные. При функциональном покушении вы считаете необходимым избавиться от кого-то по конкретным причинам политического или экономического толка. При идеологическом – убиваете человека просто потому, что ненавидите его. Однако ненависть, как правило, нетрудно скрыть. Но на

сей раз ненависть лезет в глаза. Эти люди пошли на большие хлопоты и немалый риск, чтобы мы наверняка узнали о ней.

– И каков же ваш вывод?

– По-моему, начальный этап выглядит весьма необычно. Те же письма. Подумайте, какой риск с ними связан. Стало быть, они считали, что дело того стоит.

– Хотя оно и не стоило, – сказала Нигли. – Армстронг ни одного их письма так и не увидел. Они попусту тратили время.

– Простое неведение, – отозвался Суэйн. – Вот вам было известно, что мы никогда не сообщаем нашим подопечным об угрозах?

– Нет, – ответила Нигли. – Меня это удивило.

– И никому об этом не известно. Я чувствую, вся эта затея носит личный характер. И нацелена на него, не на нас.

– У вас есть конкретные основания для такого чувства? – спросил Ричер.

– Вам они покажутся наивными, – сказал Суэйн. – Я просто-напросто не верю, что кто-либо работающий или работавший у нас убил бы других двух Армстронгов.

Ричер пожал плечами.

– И вот что еще, – сказал Суэйн. – Думаю, мы ошиблись в подсчетах. Сколько посланий мы получили?

– Пять, – ответил Ричер.

– Нет, – сказал Суэйн. – Я полагаю, их было шесть.

– Где же шестое?

– В Нендике, – ответил Суэйн. – Я считаю, что Нендик, доставивший второе послание, сам представлял собой третье.

– В таком случае их восемь, – сказала Нигли. – Каждое из убийств в Миннесоте и Колорадо следует считать сообщением.

– Совершенно верно, – подтвердил Суэйн. – Вы понимаете, что я имею в виду? Все было направлено на то, чтобы внушить страх. Все их шаги, до единого.

Ричер смотрел в пол:

– А для чего понадобился отпечаток большого пальца?

– Для похвальбы, – ответил Суэйн.

– Пожалуй, я уступлю искушению, – сказал Ричер, – и уподоблюсь Джо. Я ношу его костюм. Общаюсь с его старыми коллегами. Так что теперь и я попробую пуститься в произвольные рассуждения. Сдается мне, мы кое-что упустили. Думаю, нам следует вернуться к отпечатку. По нашим предположениям, они считают, что установить его происхождение невозможно. Однако я думаю, тут мы ошибаемся. Я думаю, они ожидали, что мы его установим. Предположим, вы произвольным образом выбираете мужчину в возрасте от шестидесяти до семидесяти лет. Каковы шансы, что в течение его жизни у него снимали отпечатки пальцев?

– Довольно высокие, я полагаю, – ответила Нигли.

– Правильно, – продолжил Ричер. – В этом все и дело. Думаю, отпечаток не принадлежит ни одному из этих двух. Думаю, он принадлежит человеку, никакого отношения к ним не имеющему. И они рассчитывали, что отпечаток приведет нас прямиком к нему.

– Зачем им это? – спросила Нигли.

– Чтобы показать нам еще одного Нендика, – ответил он. – Отпечаток стоял на каждом послании, а человек, которому он принадлежал, был еще одним посланием. Однако по чистой случайности они напоролись на человека, у которого отпечатков никогда не брали, так что и найти его мы не смогли.

– Что же получается? – спросил Суэйн. – Все письма были подготовлены заранее?

– Нет, – сказал Ричер, – думаю, они печатали их по мере развития событий. Просто этот палец постоянно находился в их распоряжении.

– Каким образом? – спросил Суэйн. – Они похитили еще кого-то?

– Нет, – ответил Ричер. – Человек этот находится у себя дома. В отличие от его большого пальца.

– У нас в Сакраменто большое подразделение, – говорил Бэннон. – Через час мы будем знать все.

На сей раз Бэннон приехал к ним сам. Они сидели в конференц-зале Секретной службы – Стайвесант во главе стола, Ричер, Нигли и Суэйн по одну его сторону, Бэннон, в одиночестве, по другую.

– Странная идея, – произнес Бэннон. – Что они с ним делали? В морозилке держали?

– Вероятно, – ответил Ричер. – Давали ему немного оттаять и прикладывали к бумаге.

– И что отсюда следует? – спросил Стайвесант.

– Теперь я считаю, что отпечатки обоих этих людей имеются в архивах и что резиновые перчатки они надевали оба.

– Два ренегата, – обронил Бэннон.

– Не обязательно наших, – отозвался Стайвесант.

– Да ладно вам, – произнес Бэннон. – Покажите-ка мне рядовых граждан, палящих по Армстронгу. Нет у вас таких. Кому вообще какое дело до вице-президента?

– Позвольте мне начать сначала, – вмешался Суэйн. – Чем вообще занимается вице-президент?

– Все больше сидит, – ответил Бэннон, – и надеется, что переживет начальника.

Суэйн кивнул:

– Но для чего, собственно, нужен вице-президент в период избирательной кампании? Прежде всего, он нужен в качестве кандидата. Он должен уметь говорить такие вещи, сказать которые кандидат в президенты позволить себе не может.

– А Армстронг был силен по этой части?

– Он был великолепен. Точнее говоря, смертельно опасен.

– И вы думаете, он наступил кому-то на мозоль? Суэйн кивнул:

– Именно эту идею я сейчас и прорабатываю.

– Фактор времени выглядит убедительно, – сказал Стайвесант. – Шесть лет он провел в Палате представителей и еще шесть в Сенате и ни одного угрожающего письма не получил.

– Мы прошлись по четырем направлениям, – сказал Суэйн. – Результаты проверки, проведенной у вас в ФБР, когда его номинировали, ничего не дали. Затем мы просмотрели результаты исследований, проводившихся его противниками во время этой кампании и во время двух прежних. Везде чисто.

– Стало быть, это нечто, случившееся в ходе последней кампании, – сказал Стайвесант. – Он кому-то здорово насолил.

– Кому-то, кто знаком с вооружением Секретной службы, – произнес Бэннон. – Кому-то, кто знает, как осуществляется связь между Секретной службой и ФБР. Кому-то, кто знал, где живет Фрелих. Вы когда-нибудь слышали о том, как определить, утка перед вами или не

утка? Она должна выглядеть как утка, крякать как утка и ходить как утка. Я по-прежнему придерживаюсь нашей теории. Только теперь считаю, что оба плохих парня из ваших. То есть, конечно, если сейчас не зазвонит телефон и не выяснится, что Ричер прав.

Телефон тут же и зазвонил. Бэннон подхватил его, нажал кнопку, а потом просто слушал, не больше восьми-девяти секунд.

– Сакраменто? – спросил Стайвесант, когда Бэннон отключил телефон.

– Нет, – ответил Бэннон. – Звонок местный. Нашли винтовку.

Покинув Суэйна, они отправились в лабораторию ФБР, где уже собралась команда экспертов. Все они очень походили на Суэйна, вытащенные из дома ученого обличья люди.

– «Вайми» МК-2? – спросил Бэннон.

– Несомненно, – ответил один из экспертов. – Мы окурили ее, рассчитывая найти отпечатки. Безнадежно.

– Серийный номер имеется?

Эксперт покачал головой:

– Вытравлен кислотой.

– Где ее нашли?

– В здании склада.

– Видимо, там они и ждали, – сказал Бэннон. – Минут, может быть, пять, а потом, когда суматоха была в самом разгаре, ускользнули. Хладнокровные ребята.

– Гильзы? – поинтересовалась Нигли.

– Ни единой, – ответил эксперт. – Зато у нас имеется четыре пули.

– Покажите винтовку, – сказал Бэннон.

Это было скучное на вид, прямоугольное, неброское оружие. С привинченным к нему мощным оптическим прицелом.

– Прицел не тот, – сказал Ричер. – Это «хенсолдт». А с «вайми» используются прицелы «башнелл».

– Да, ее немного переделали, – отозвался эксперт.

– А что, «хенсолдт» лучше «башнелла»?

– Да в общем-то, нет. И тот и другой прицелы хорошие.

– Тогда зачем менять один на другой? – спросил Бэннон.

– Трудно сказать, – ответил Ричер. – Может быть, прежний повредили. Правда, правительственный механик просто воспользовался бы другим «башнеллом».

– А если запас исчерпан?

– Тогда, наверное, он воспользовался бы «хенсолдтом». «Хенсолдты» обычно устанавливают на винтовки «ЗИГ». Выясните, закупает ли кто-нибудь для своих снайперов и «вайми», и «ЗИГи».

– На «ЗИГ» тоже ставится глушитель?

– Нет, – ответил Ричер.

– В таком случае получается следующее, – сказал Бэннон. – Некоему агентству требуется два типа винтовок – оно покупает «вайми», как вариант с глушителем, и «ЗИГи», как вариант без глушителя. И запасные части для обеих.

– Да, не исключено, – сказал Ричер. – Это может оказаться существенным.

– Боюсь, мы закупаем и «ЗИГи» тоже, – негромко произнес Стайвесант. – Лет пять назад мы купили партию. Полуавтоматические винтовки без глушителей, альтернативный вариант. Хотя используем их редко. Сейчас повсеместно применяются «вайми». Так что запасных частей к «ЗИГам» наверняка еще полным-полно.

В комнате повисла тишина. Потом снова зазвонил телефон Бэннона. Он выслушал сообщение.

– Понятно, – сказал он. – Врач подтверждает? Послушал еще.

– Ладно, – сказал он и защелкнул телефон. Лицо его побледнело. – Наверх, – произнес он.

Стайвесант, Ричер и Нигли прошли следом за ним к лифту и поднялись в конференц-зал.

– Его зовут Андретти, – сообщил Бэннон. – Семьдесят три года, бывший плотник, бывший пожарный. Имеет внучек. Ими и воспользовались, чтобы на него надавить.

– Каким образом? – спросила Нигли.

– Он еще со времен службы в пожарных захаживал в бар для копов на окраине Сакраменто. Познакомился там с двумя парнями.

– Копами? – спросил Ричер.

– Выглядевшими как копы, – ответил Бэннон. – Так он их описал. Те завели с ним разговор о том, в каком поганом мире мы живем и что приходится делать, чтобы защитить свои семьи.

– И что?

– Наш врач осмотрел его руку. Большой палец левой удален хирургически. То ли отрезан, то ли отрублен, что-то среднее, сказал наш человек. Андретти упорно держался за историю о несчастном случае во время плотницкой работы. Наш врач сказал ему, что об электрической пиле в его случае и речи идти не может, ну, он и разговорился.

– И?

– Вдовец. Эти двое, похожие на копов, напросились к нему в гости. Спросили у него, что бы он сделал ради спасения семьи. Вопрос был риторический, но очень скоро стал практическим. Они сказали, что ему придется лишиться либо большого пальца, либо внучек. Пусть выбирает. Потом скрутили его и оттяпали палец. Сфотографировали его самого и его записную книжку. Сказали, что теперь знают, на кого похожи и где живут его внучки. Они забрали термос и немного льда из холодильника. И ушли, а он отправился в больницу.

– Описания? – спросил Стайвесант.

– Он слишком испугался, – ответил Бэннон.

– Эксперты в доме побывали?

– Андретти все там вычистил. Они же его и заставили.

– Мне нужно вернуться к Суэйну, – произнес Ричер. – Пройдусь пешком. Проветрю мозги.

– Я с тобой, – сказала Нигли.

Восемьсот метров на запад по Пенсильвания-авеню они одолели быстро.

– Ты как? – спросила Нигли.

– Смотрю в лицо реальности, – ответил Ричер. – Староват я уже. Я радовался тому, как быстро добрался до Нендика, а ведь должен был бы понять все сразу.

– Но в конце-то концов мы разобрались, что к чему.

– А я чувствую себя виноватым, как обычно. Мне следовало сказать Фрелих, чтобы она поставила на каждую крышу по два человека. Так я мог бы спасти ее.

– Это была ее работа, не твоя, – отозвалась Нигли.

– Как по-твоему, Бэннон похож на копа? – спросил он.

– В точности, – ответила она. – Это у него в крови.

– Фрелих кое-что сказала своим агентам, – произнес Ричер. – Перед самым появлением Армстронга. Предостерегла их. Сказала, что приобрести сходство с бездомным очень легко, но очень трудно выглядеть в точности как бездомный. Думаю, с копами то же самое. Эти люди выглядят в точности как копы. Я видел одного из них, сомнений он мне не внушил.

– Это многое объясняет. Они были как дома в полицейском баре, в который ходил Нендик. То же и с Андретти.

– Помнишь Бэннона – как узнать утку? – сказал Ричер. – Они выглядят как копы, ходят как копы и разговаривают как копы.

– И это объясняет, откуда им известно о пробах на ДНК, которые брались с конверта, и о компьютере ГЦИП.

– И оружие. И их способность пройти сквозь второй пояс оцепления.

– Но ты же просмотрел все девяносто четыре фотографии.

– Просто эти копы не из Бисмарка, – ответил Ричер.

Суэйн все еще ждал их. Вид у него был такой, словно он боится и услышать дурную новость, и сам ее сообщить.

– Его зовут Андретти, – сказал Ричер. – Та же история, что с Нендиком.

Суэйн ничего не ответил.

– Расскажите, что вы выяснили насчет кампании. Кого разъярил Армстронг?

Суэйн отвел взгляд в сторону.

– То, что я говорил, неправда. На самом деле я закончил анализ еще несколько дней назад. Да, конечно, он выводил людей из себя. Но никого настолько.

– Так зачем же вы говорили все это?

– Хотел навести ФБР на ложный след, только и всего. По моему ощущению, это не кто-то из наших. И мне не нравится, когда подобным образом чернят наше агентство. Я сделал это ради Фрелих и Кросетти.

– Итак, у вас имеется ощущение, что это не ваши, а у нас – ничего, – сказал Ричер.

– Что будем делать теперь? – спросил Суэйн.

– Искать, – ответила Нигли. – Раз причина не политического характера, значит, личного.

– Я не уверен, что вправе показывать вам подобные материалы, – сказал Суэйн.

– Там есть порочащие его сведения?

– Нет, иначе вы услышали бы о них во время кампании.

– Так какой может получиться вред от того, что мы взглянем на них?

– Да, наверное, никакого.

Они коридорами прошли в библиотеку, и сразу зазвонил телефон. Суэйн взял трубку и тут же протянул ее Ричеру.

– Это вас, – сказал он. – Стайвесант. Ричер с минуту слушал, потом положил трубку.

– Сюда едет Армстронг, – сообщил он. – Он расстроен и хочет поговорить с кем-нибудь, кто был там сегодня.

Оставив Суэйна в библиотеке, они отправились в конференц-зал. Через минуту после них туда вошел Стайвесант с двумя агентами. Он выглядел очень усталым.

Охрана Армстронга опережала его, точно оболочка невидимого, окружающего вице-президента пузыря. Один из его личных охранников зашел в конференц-зал и сообщил за дверь, что все в порядке. Двое других ввели Армстронга. Тот мрачно кивнул всем и подошел к столу.

– Спасибо за сегодняшнюю великолепную работу, – произнес он. – Я перед вами в долгу. И буду в долгу, пока и сам чего-то для вас не сделаю. Так что просите, не стесняясь.

Все молчали.

– У Фрелих остались в Вайоминге родители, – сказал Армстронг. – Ни братьев, ни сестер. Я говорил с ними сегодня. Они одобрили мысль о воскресной заупокойной службе.

И опять никто не произнес ни слова.

– Я хочу присутствовать на ней, – продолжал Армстронг. – Собственно говоря, я буду на ней присутствовать.

– Я бы вам этого не советовал, – сказал Стайвесант.

– Разумеется, я уважаю ваше мнение. Но тут обсуждать нечего. Если придется, я отправлюсь туда один. Я жив лишь потому, что умер другой человек.

– Она знала, на что идет, – отозвался Стайвесант.

– Спасибо. Спасибо вам всем. Я, собственно, и пришел для того, чтобы сказать это.

Личный охранник понял намек и повел Армстронга к двери. Три минуты спустя из его машины поступил радиовызов. Армстронг был в безопасности и ехал в Джорджтаун.

Ричер и Нигли, выйдя из конференц-зала, обнаружили Суэйна уже у лифта одетым в плащ.

– Я собираюсь домой, – сказал он.

– Через час, – ответил Ричер. – Сначала покажите нам папки с документами.

Глава десятая

Папок было двенадцать. Одиннадцать содержали необработанные данные – газетные вырезки и интервью. Двенадцатая – исчерпывающее резюме первых одиннадцати. Эта была толста, как средневековая Библия, и читалась, будто роман.

История начиналась с родителей. Мать выросла в Орегоне, перебралась, чтобы окончить колледж, в штат Вашингтон, потом снова вернулась в Орегон. Начальный период основанного ею фармацевтического бизнеса занимал три страницы.

Затем описывалось образование, полученное отцом. Приводилась дата начала военной службы и дата ухода в отставку по причине ухудшения здоровья, однако никаких деталей не сообщалось. Он тоже был уроженцем Орегона и, вернувшись к гражданской жизни, женился на аптекарше. Вскоре у них родилась дочь, а два года спустя – Брук Армстронг.

Отец умер от удара вскоре после того, как Армстронг покинул дом ради учебы в колледже. Армстронг провел семь лет в двух университетах – сначала в Корнеллском, штат Нью-Йорк, потом в калифорнийском Стэнфорде. В Стэнфорде он познакомился с девушкой из Бисмарка. Оба учились в аспирантуре на политологов. Они поженились, обосновались в Северной Дакоте, и Армстронг начал свою политическую карьеру в законодательном собрании штата.

– Здесь вроде ничего? – спросил Ричер.

– Как и где бы то ни было, – ответил Суэйн.

– Так чем же, собственно, объясняется ваше «ощущение»? Кто и почему так сильно ненавидит Армстронга?

– Точно не знаю, – ответил Суэйн. – Ощущение – оно и есть ощущение.

– Ладно, – сказал Ричер. – Отправляйтесь домой. Суэйн поспешно удалился, а Ричер принялся перелистывать страницы, посвященные остальным годам жизни Армстронга. Нигли перебирала бесконечные исходные материалы. Примерно через час оба сдались.

– Выводы? – спросила Нигли.

– Что-то от меня все время ускользает. В ходе кампаний люди, как правило, в средствах не стесняются, так? Используют все, что позволяет им предстать в выгодном свете. Вот тут говорится о его матери. Зачем?

– Чтобы привлечь на свою сторону независимых женщин и мелких предпринимателей.

– Хорошо, кроме того, имеются данные о компании отца.

– А это для привлечения бизнесменов.

– Вот именно, – сказал Ричер. – Однако подробности его службы в армии опущены. Обычно, если твой папа служил в армии, ты кричишь об этом во все горло. А здесь – ни единой подробности. Это бросается в глаза.

– Его отец умер бог знает когда.

– Не важно. И что значит «отставка по причине ухудшения здоровья»?

– Ну, это вряд ли связано с Армстронгом. Отец ушел в отставку еще до его рождения. И умер тридцать лет назад.

Ричер кивнул:

– И все же мне хотелось бы узнать о нем побольше. Наверное, придется расспросить самого Армстронга.

– Нет необходимости, – ответила Нигли. – Я сама могу все выяснить.

Ричер зевнул.

– Ладно, выясни. Завтра с утра.

– Я сделаю это ночью.

– Тебе надо поспать. Это подождет.

– Я теперь больше не сплю.

Ночной дежурный вызвал машину, довезшую их до мотеля в Джорджтауне, и Ричер отправился прямиком в свою комнату.

Там было тихо и пусто. Его охватило ощущение утраты. Ему не хватало Фрелих. «У меня предчувствия насчет сегодняшнего дня. Думаю, именно сегодня мы либо победим, либо потерпим поражение», – сказала она. «Поражение – это не по нашей части», – ответил он.

Постель была холодная, свежие простыни коробились от крахмала. Он скользнул под них и пролежал с час, глядя в потолок и напряженно размышляя. А после заставил себя заснуть.

В шесть утра его разбудил звонок от портье мотеля, а минуту спустя кто-то стукнул в дверь. Ричер выкатился из постели, завернулся в полотенце и посмотрел в дверной глазок. За дверью стояла Нигли с чашкой кофе. Ричер впустил ее, сел на кровать, а Нигли прошла мимо него к окну. Вид у нее был напряженный. Похоже, она всю ночь так кофе и пила.

– Итак, отец Армстронга, – произнесла она. – Его призвали в самом конце войны в Корее. В боях никогда не участвовал. Однако получил звание второго лейтенанта и был определен в пехотную роту. Рота стояла в Алабаме.

Ричер сонно кивнул. Отхлебнул кофе.

– Какой-нибудь идиот-капитан, гоняющий солдат на бесконечные учения, – сказал он.

– Да, и взвод Армстронга на них обычно побеждал. Он был строг и жесток. Если кто-то давал маху и взвод терял очки, он здорово выходил из себя. Дважды ему это сходило с рук. Однако в третий раз он сильно избил человека, и его выставили. В общем-то, дело замяли – его отправили в отставку по причине стресса, вызванного боевыми действиями, хотя боевым офицером он не был.

Ричер скривился:

– Сколько было пострадавших?

– О них можно забыть. Один погиб во Вьетнаме, другой умер лет десять назад в Палм-Спрингс, третий живет во Флориде, ему уже за семьдесят.

– Дохлый номер, – сказал Ричер.

– Зато это объясняет, почему во время избирательной кампании об отце ничего толком сказано не было.

– Есть шансы, что Армстронг унаследовал характер отца?

– Дело возможное, – ответила Нигли, – но, думаю, будь это так, этот самый характер уже давным-давно проявился бы.

Ричер глянул в окно.

– Мы видим Армстронга не таким, каким видят его обычные люди, – сказал он. – Почти для любого жителя страны все эти политиканы на одно лицо.

– И что же?

– А то, что Армстронг проделал в ходе кампании одну абсолютно фундаментальную, элементарную вещь. Привлек к себе внимание всей страны. Думаю, это и стало причиной.

– Каким образом?

– Ну, допустим, его лицо попалось на глаза человеку, который знал его в прошлом.

– Например?

– Скажем, когда-то давным-давно Армстронг, вспылив, избил тебя. Или унизил. Прошли годы, и вдруг – нате вам, его физиономия появляется во всех газетах. Что бы ты сделала?

– То есть ты говоришь о своего рода мести.

Ричер кивнул:

– Это объясняет слова Суэйна о том, что кто-то хочет заставить его страдать. Причины могут быть связаны с Армстронгом как с человеком. И могут быть очень личными.

Нигли перестала расхаживать по комнате и уселась в кресло.

– Все это очень шатко, – сказала она. – Люди обычно справляются с такими вещами.

– Ты же не справилась с тем, что заставляет тебя неприязненно относиться к чужим прикосновениям.

– Ладно, – ответила она. – Нормальные люди справляются с ними.

– Нормальные люди не похищают женщин, не отрезают пальцы и не убивают ни в чем не повинных людей.

– Хорошо, – согласилась Нигли. – Будем считать это нашей версией.

Ричер не ответил.

– Пора двигаться, – сказала Нигли. – В семь у нас встреча с Бэнноном. Ему мы что-нибудь скажем?

– Нет, – ответил Ричер. – Да он и слушать не станет.

В конференц-зал Ричер с Нигли пришли последними. Бэннон и Стайвесант уже сидели там.

– ФБР своих агентов в Грейс, штат Вайоминг, посылать не станет, – сообщил Бэннон. – Такова просьба Армстронга.

– Мне это подходит, – сказал Ричер.

– Вы зря тратите время, – сказал Бэннон. – Эти ребята хорошо знают что к чему. Они уже поняли, что его заявление – ловушка. Они там попросту не появятся.

Ричер кивнул:

– Это не первая поездка, которую я совершу впустую.

– Пришли результаты баллистики, – сказал Бэннон. – Ружье, найденное на складе, – то самое, из которого стреляли в Миннесоте.

– А как его доставили сюда? – спросил Стайвесант.

– Наверняка могу сказать только, как его сюда не доставляли. Не по воздуху. Мы проверили все самолеты, садившиеся в восьми аэропортах. Ничего подозрительного.

– То есть его привезли в машине? – спросил Ричер. Бэннон кивнул:

– Однако от Бисмарка до Вашингтона больше двух тысяч километров. За столь короткий срок его сюда привезти не могли. Значит, оно попало в Вашингтон прямиком из Миннесоты – это чуть больше тысячи восьмисот километров, за сорок восемь часов управиться не сложно. Мы думаем, что эти двое ко вторнику разделились – один отправился в Колорадо, другой в Миннесоту – и потом так раздельно и работали. Тот, кто выдавал себя за бисмаркского полицейского, действовал в церкви один. Мы думаем, что у него был только пистолет-пулемет. Что имеет смысл, поскольку он знал, что, как только обнаружится подброшенная винтовка, охрана возьмет Армстронга в кольцо. А против группы людей пистолет-пулемет – оружие более надежное.

– Тогда зачем другому понадобилось ехать сюда? – спросил Стайвесант.

– Да затем, что это ваши люди. Они понимают, что гарантировать успех покушения в каком-то одном месте невозможно. Поэтому они просмотрели расписание Армстронга и решили дублировать один другого.

– Однако вчера они были здесь оба, – сказал Ричер. – Вы говорите, что первый привез сюда «вайми», но я-то видел на крыше склада человека из Бисмарка.

Бэннон кивнул:

– Дублирование было уже ненужным, потому что вчера у них была последняя на долгий срок хорошая возможность. Скорее всего, малый из Бисмарка прилетел обычным самолетом.

– Где же тогда пистолет? Он должен был бросить его в Бисмарке – между церковью и аэропортом. Вы его нашли?

– Нет, – ответил Бэннон. – Все еще ищем.

– И кто тот человек, которого задержали полицейские?

– Его мы в расчет не берем. Почти наверняка это обычное гражданское лицо.

Ричер покачал головой:

– То есть этот малый подбросил винтовку, а потом поскакал в церковь с пистолетом?

– Почему бы и нет?

– Вам случалось когда-нибудь лежать в засаде, ожидая человека, которого вы должны подстрелить?

– Нет, – ответил Бэннон.

– А мне случалось. Вы приходите на место заранее, определяете дальность стрельбы, угол возвышения или понижения местности. А после просто лежите. И знаете, чего вы хотите больше всего на свете?

– Чего?

– Чтобы кто-нибудь, кому вы доверяете, прикрывал вам спину. Если эти люди профессионалы, какими они, по вашим словам, являются, нечего и думать о том, чтобы кто-то из них работал на колокольне в одиночку.

– Он прав, – сказала Нигли. – Скорее всего, тот, кого задержала полиция, и был спрятавшим винтовку прикрытием.

– Что вызывает вопросы, – сказал Ричер. – Например, кто все это время катил сюда машиной из Миннесоты.

– Ладно, – сказал Бэннон. – Выходит, их было трое.

– У вас навязчивая идея, – покачал головой Ричер.

– Мы придерживаемся нашей теории, – ответил Бэннон.

– Ну и придерживайтесь, – сказал Ричер. – По крайней мере не будете путаться у меня под ногами.

– Предупреждаю, никакого самосуда.

– Вас понял.

Выражение лица Бэннона смягчилось. Он глянул на пустое кресло Фрелих:

– Хотя, должен сказать, ваши мотивы мне понятны.

– Их было двое, не трое, – сказал Ричер. – Третий человек увеличил бы риск стократно.

– Как же тогда было дело с винтовкой?

– Они отправили ее почтой, – ответил Ричер. – «Федерал-экспрессом», «Ю-пи-эс», чем угодно. Скорее всего, сунули в связку пил и молотков и назвали все это доставкой образцов инструментов.

Бэннон ничего не сказал. Он просто встал и вышел. Стайвесант остался сидеть, он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Нам надо поговорить, – сказал он.

– Вы нас увольняете, – отозвалась Нигли.

Он кивнул, сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил два тонких белых конверта.

– Это уже не внутреннее дело, – сказал он.

– Но вы же знаете, что Бэннон ищет не там, где следует.

– Надеюсь, он и сам это поймет. Пока же мы будем защищать Армстронга. У нас нет юридических оснований для опережающего использования посторонних.

– Дайте нам время до конца дня, – сказал Ричер. – Нам нужно поговорить с Армстронгом. Наедине – он, я и Нигли.

– Я не могу позволить вам разговаривать с Армстронгом в мое отсутствие.

– А в вашем присутствии он говорить не станет. Стайвесант промолчал. Ричер взглянул ему в лицо:

– Расскажите мне о почте. Давно вы проверяете почту Армстронга?

– С тех пор, как он стал кандидатом.

– И все, кроме угроз, передается ему?

– Естественно.

– Нам необходимо увидеться с Армстронгом. Мне и Нигли, наедине. После этого мы будем считать себя уволенными, а вы никогда нас больше не увидите.

Стайвесант вернул оба конверта в карман пиджака.

Наступил следующий за Днем Благодарения день, Армстронг по-прежнему отказывался появляться на публике, однако договориться о встрече с ним оказалось делом очень непростым. Главным препятствием было десятилетней давности правило, согласно которому ни один из охраняемых не может оставаться с посетителями наедине. Стайвесант без особой охоты, но все же решился сделать из него исключение. А затем позвонил Армстронгу домой, чтобы договориться о встрече.

Армстронг сказал Стайвесанту три вещи: во-первых, его матери стало хуже, поэтому, во-вторых, он собирается сегодня после полудня слетать в Орегон и поэтому, в-третьих, встреча с Ричером и Нигли должна быть короткой.

– Никаких физических контактов, – сказал им у себя в кабинете Стайвесант.

– Даже рукопожатия? – улыбнулся Ричер.

– Рукопожатие, я думаю, допустимо. Но не более того. И ни слова о текущей ситуации. Ему ничего не известно, и я не хочу, чтобы он узнал что-либо от вас. Это понятно?

Ричер кивнул.

– Понятно, – сказала Нигли. Стайвесант отвел взгляд в сторону.

– Хочу поблагодарить вас за все, что вы сделали, – сказал он. – Я намереваюсь подать в отставку. Теперь мне приходится драться, чтобы сохранить за собой это место, а я не настолько привязан к нему, чтобы за него драться.

– Эти люди никогда не были вашими агентами, – сказал Ричер.

– Знаю. Но я потерял двух человек. Вам же я хотел сказать, что испытывал настоящее удовольствие, работая с вами.

Все помолчали.

– И еще, я рад, что в последние минуты М.-И. вы были рядом с ней. – Стайвесант снова вынул из кармана два конверта и протянул их через стол. – Внизу вас ждет машина, – сказал он. – Вы доедете в ней до Джорджтауна, а оттуда будете двигаться своим ходом.

Брезентовый навес так и стоял на тротуаре перед домом Армстронга. В беловатом сумраке под ним Ричера и Нигли встретили трое агентов. Один из них выставил перед собой руку и несколькими быстрыми жестами показал, что им придется подвергнуться обыску. Нигли стояла напрягшись, пока чужие руки охлопывали ее, впрочем, обыск оказался поверхностным. К ней почти и не прикасались. А керамический нож Ричера они и вовсе прошляпили.

Агенты ввели их в прихожую и заперли дверь. Один из охранников провел их в кухню-столовую. Здесь стоял сильный запах кофе. Армстронг с женой сидели за столом с тяжелыми фаянсовыми кружками и газетами. На миссис Армстронг был костюм для пробежек. Выглядела она усталой и павшей духом. Армстронг же выглядел собранным. В чистой рубашке с закатанными до локтей рукавами. Без галстука.

– Грустно было услышать о вашей матери, – сказала Нигли.

Армстронг кивнул:

– Стайвесант сказал, что вы хотите поговорить с глазу на глаз.

– Это было бы неплохо, – отозвался Ричер. Армстронг кивнул снова:

– Тогда пойдемте.

Он провел их в соседнюю комнату. Армстронг закрыл дверь и сел за стол. Ричер с Нигли заняли по креслу.

– Все это выглядит очень конфиденциальным, – сказал Армстронг.

Ричер кивнул:

– И в конечном итоге мы, я думаю, договоримся, чтобы конфиденциальным оно и осталось.

– Что вы хотите мне сообщить?

– Мистер Стайвесант ознакомил нас с основными правилами, – сказал Ричер. – Сейчас я начну их нарушать. Секретная служба перехватила пять писем с адресованными вам угрозами. Первое пришло по почте восемнадцать дней назад. На всех стоит вместо подписи отпечаток

большого пальца. Мы нашли в Калифорнии старика, которому он принадлежит. Палец был отрезан и использовался на манер резинового штемпеля.

Армстронг молчал.

– Второе письмо обнаружилось прямо в кабинете Стайвесанта. Со временем выяснилось, что его доставил туда ведающий системой наблюдения технический сотрудник по имени Нендик. Чтобы заставить Нендика сделать это, у него похитили жену. Он до того боялся, что неизбежный допрос может стать для нее опасным, что впал в кому.

Армстронг по-прежнему молчал.

– В службе работает исследователь по имени Суэйн, сделавший важное умозаключение. Он понял, что и самому Нендику отведена роль сообщения, то есть их оказалось уже не пять, а шесть. Потом мы добавили к ним человека с отрезанным пальцем – получилось семь. Плюс еще двое, убитые во вторник, это восьмое и девятое сообщения. Два ничем не связанных человека по фамилии Армстронг, их убили в виде демонстрации того, что сделают с вами.

– О нет, – произнес Армстронг.

– Итак, девять посланий, – продолжал Ричер. – Цель всех – помучить вас, да только вам никто о них не сказал. В конечном итоге я задумался, а может быть, счет у нас все еще не полный? Я думаю, посланий было самое малое десять.

– И каково же десятое? – спросил Армстронг.

– Что-то, проскользнувшее непосредственно к вам. Думаю, оно пришло в самом начале, еще до того, как Секретная служба насторожилась. Думаю, вы знаете, кто все это делает и почему.

– Это очень серьезное обвинение, – сказал Армстронг. Ричер наклонился к нему.

– Дело-то вот в чем: если я стою в том дворе, раздавая куски индейки, и вдруг кто-то открывает стрельбу, а кто-то еще заливает меня кровью, лежа на мне, я задаюсь вопросом: кто они, черт побери, такие? Какого дьявола им нужно? Самые что ни на есть основные вопросы. Но вы их не задали. Единственное возможное объяснение: вы уже знали ответы.

Армстронг промолчал.

– И потому я думаю, что вы чувствуете себя немного виноватым, – сказал Ричер. – Думаю, поэтому вы и согласились выступить по телевидению с заявлением, поэтому согласились сами явиться на заупокойную службу.

– Я политик. У каждого из нас сотни врагов.

– Это не политика. Это дело личное, – отозвался Ричер. – Ваш политический враг – это какой-нибудь фермер в Северной Дакоте, обедневший на десять центов в неделю из-за того, что вы изменили размеры субсидий.

Армстронг хранил молчание.

– Я не дурак, – сказал Ричер. – Я мужчина, на глазах у которого умерла любимая женщина.

– Да ведь и я тоже не дурак, – произнес Армстронг.

– Я так и думал. Что-то возвращается к вам из прошлого, вы полагаете, что можете просто отмахнуться от него и надеяться на лучшее? – Ричер немного помолчал. – Я думаю, вы были подвержены вспышкам ярости. Так же, как ваш отец. Думаю, что задолго до того, как вы научились контролировать их, вы причиняли людям страдания – некоторые забыли об этом, некоторые – нет. Думаю, что кто-то подавлял в себе злобу, пока в один прекрасный день не включил телевизор и не увидел, впервые за тридцать лет, ваше лицо.

– В какой мере обо всем этом осведомлено ФБР? – поинтересовался Армстронг.

– Ни в какой. Мы их обогнали.

– И каковы же ваши намерения?

– Я собираюсь помочь вам, – ответил Ричер. – Не потому, что вы этого заслуживаете. Это будет совершенно случайным побочным продуктом моего желания поквитаться за Нендика и его жену, за старика по имени Андретти, за двух людей по фамилии Армстронг, за Кросетти и в особенности за Фрелих, бывшую подругой моего брата.

– Все это останется между нами? – спросил Армстронг.

– Должно остаться. Мне же будет лучше.

– Похоже, вы задумали применить крутые меры. Ричер кивнул:

– И после мы все будем жить счастливо.

Повисло долгое молчание. Ричер наблюдал за тем, как Армстронг-политик понемногу обращается в обычного человека.

– Во многом вы ошибаетесь, – наконец сказал тот. – Но не во всем.

Армстронг наклонился, выдвинул ящик письменного стола. Достал из него пухлый конверт и бросил его на стол.

– Полагаю, это и есть первое послание, – сказал он. – Письмо пришло в день выборов. Секретную службу оно, должно быть, несколько озадачило, однако она его пропустила.

Адрес был отпечатан на уже знакомой наклейке. Отправлено откуда-то из Юты 28 октября. Ричер заглянул в конверт.

В нем лежала одна лишь миниатюрная бейсбольная бита. Сувенир. Бита была надпилена и сломана пополам.

– Я не был подвержен вспышкам ярости, – сказал Армстронг. – Однако вы правы, у отца они случались. Мы жили в маленьком городке в штате Орегон. Жизнь там выглядела примерно так же, как на только-только осваиваемой территории. Закон соблюдался не всегда, но, в общем, было неплохо.

Мне было восемнадцать. Я собирался в колледж, проводил дома последние недели. Сестра куда-то уехала. У наших ворот висел почтовый ящик. За год до того, в Хэллоуин, ящик разбили – ну, знаете, обычная в этот день история, юные хулиганы болтаются по городку с бейсбольными битами. Отец услышал, как разбивают ящик, погнался за ними, но даже разглядеть их как следует не смог. Он соорудил новый ящик, покрепче, и тот стал у него чем-то вроде пунктика.

– А потом хулиганы вернулись, – сказала Нигли.

– Под конец лета, – подтвердил он. – Двое молодых ребят, в грузовичке и с бейсбольной битой. Я их и раньше видел. По-моему, они были братьями. Настоящие крутые ребята, пригородное хулиганье из тех, от кого стараешься держаться подальше. Они замахнулись было, чтобы разбить ящик, но тут вылетел отец, и началась перебранка. Они издевались над ним, угрожали, говорили гадости о матери. Тащи ее сюда, говорили они, мы поможем ей поразвлечься с этой битой. Тут началась драка, и отцу в ней повезло. Бита разлетелась на две половинки. Он заволок юнцов во двор, вытащил откуда-то трелевочную цепь, висячие замки и приковал обоих к дереву. Отец словно с ума сошел. Он избивал их сломанной битой. Потом сказал, что, если они не станут молить о прощении, он прямо сейчас поможет им поразвлечься с битой. С расщепленным ее концом. И они стали его умолять, и умоляли громко и долго.

Армстронг помолчал, потом продолжил:

– Я был там все это время. Старался успокоить отца и все такое. Но те ребята смотрели на меня так, точно я во всем этом участвую. Я же видел полное их унижение, а хуже этого для хулигана, полагаю, и быть ничего не может. В глазах их горела абсолютная ненависть. Ко мне.

– Что было потом? – спросила Нигли.

– Отец сказал, что оставит их здесь на ночь, а утром примется за них снова. Он пошел спать, а я час спустя выскользнул из дома. Я хотел отпустить их. Однако они уже сбежали. И больше не возвращались. С тех пор я их ни разу не видел.

– А отец ваш умер. Армстронг кивнул:

– У него были нелады с давлением. Я про тех юнцов, в общем-то, и забыл. Хотя, когда пришел конверт, я и секунды не гадал, от кого он, даром что миновало тридцать лет.

– Имена их вам известны? – спросил Ричер. Армстронг покачал головой.

– Я не знал о них ничего – только что они жили в соседнем городке. Так что же вы собираетесь делать?

– Я знаю, что мне хотелось бы сделать. Переломать вам руки. Потому что, не промолчи вы, Фрелих была бы жива.

– Какого черта вы молчали? – спросила Нигли.

– Да ведь я и понятия не имел, насколько это серьезно, – ответил Армстронг. – Правда. Просто думал, что мне хотели напомнить этим письмом о случившемся, выбить меня из колеи. Такая неприятная шутка. Я стал на тридцать лет старше, они тоже. Я разумный взрослый человек; я полагал, что и они такие же. Я не ощущал во всем этом никакой опасности. Почему меня не поставили в известность? Если бы Стайвесант просто спросил меня, я бы все ему рассказал.

Вот вам моя позорная тайна.

На миг в комнате наступило молчание, потом Армстронг спросил:

– Так как же, рассказать мне обо всем Стайвесанту?

– Решайте сами, – ответил Ричер. Перед ними снова был Армстронг-политик.

– Я не хочу ему говорить, – сказал он. – Погибли люди. Мы оба повинны в серьезной недооценке этих двоих.

Ричер кивнул:

– Ну и оставьте все нам. Вы знаете наш секрет, мы знаем ваш.

– И потом все мы будем жить счастливо?

– Во всяком случае, мы будем жить.

– Как назывался город? – спросила Нигли.

– Андервуд, штат Орегон, – ответил Армстронг. – Мама и теперь там живет. Через час я отправлюсь туда.

– Особенно не тревожьтесь, – сказал Ричер. – Я думаю, они уверены, что вы их помните, и им не хочется, чтобы вы привели к их двери Секретную службу. Так что дверь они сменили. И в Орегоне больше не живут.

– Но как же тогда вы их найдете? Ричер покачал головой:

– Найти их мы не сумеем. Это им придется найти нас. На заупокойной службе.

– Я тоже отправляюсь туда. И с минимальным прикрытием.

– Значит, остается надеяться, что все закончится еще до вашего появления. – Ричер встал. – Последнее: мы думаем, что эти юнцы, повзрослев, стали копами.

Армстронг замер. Он начал было покачивать головой, но перестал и просто сидел, уставясь в стол. Лицо его помрачнело, он словно услышал слабое, тридцатилетней давности эхо.

– Что-то такое было сказано во время избиения, – произнес он. – Я толком не расслышал, да и внимания тогда особого не обратил. Но, по-моему, в какой-то момент они заявили, что отец у них – полицейский. И что он может устроить нам большие неприятности.

Охранники вывели Ричера и Нигли из дома. Они прошли под брезентовым тентом, сошли с бордюра на мостовую. Повернули на восток, вернулись на тротуар и пешком двинулись в сторону подземки. Нигли вскрыла конверт, выданный ей Стайвесантом. В нем лежал чек на пять тысяч долларов. Конверт Ричера содержал два чека. Один на те же пять тысяч, другой на сумму его расходов во время аудита, оплаченных до последнего цента.

– Надо бы нам по магазинам пройтись, – сказала Нигли. – В этой одежде ехать в Вайоминг на охоту нельзя.

– Я не хочу, чтобы ты туда ехала, – откликнулся Ричер.

Глава одиннадцатая

Они спорили прямо на улице.

– Волнуешься за мою безопасность? – спросила Нигли. – Совершенно напрасно. Я способна о себе позаботиться.

– Я не о безопасности твоей волнуюсь, – ответил Ричер.

– О чем же тогда? О том, справлюсь ли я с делом? Так я лучше тебя.

– О твоей лицензии. Тебе есть что терять. У тебя офис, работа, дом. Я-то, когда все закончится, просто исчезну. А ты этого сделать не сможешь.

– Если бы у меня были проблемы, ты не помог бы мне?

– Помог бы, если бы ты попросила. Но я же не прошу.

– А стоило бы. Ты в трех с лишним тысячах километров от Вайоминга, кредитной карточки, чтобы купить билет на самолет, у тебя нет, а у меня есть. Все твое оружие – это керамический нож с лезвием в семь с половиной сантиметров, а я знаю в Денвере парня, который выдаст нам любое оружие, какое мы попросим. Я могу арендовать в Денвере машину, на которой мы доедем до места, а ты не можешь.

Они прошли еще двадцать метров, тридцать.

– Ладно, – сказал Ричер. – Я прошу тебя помочь.

В Денвере они оказались в три часа пополудни по местному времени. Нигли сразу арендовала «джи-эм-си юкон» в офисе компании «Эйвис». Они поехали в город, и Нигли отыскала универсальный магазин, торгующий туристскими принадлежностями. В нем они купили окуляр для наблюдения за птицами и автомобильную карту Вайоминга. В отделе одежды Нигли выбрала для себя сверхпрочный, зеленый с коричневым костюм. Ричер повторил покупки, сделанные им в Атлантик-Сити, – цена оказалась вдвое выше, но и качество тоже.

Найдя на улице телефонную будку, Нигли остановила машину, чтобы позвонить. Потом они доехали до подобия промышленной зоны. В одном из ее закоулков располагалось длинное, низкое здание мастерских с опущенной подъемной дверью и вывеской «ЭДДИ БРАУН, ТЕХНИЧЕСКИЕ РАБОТЫ».

– Это и есть твой парень? – спросил Ричер. Нигли кивнула:

– Что нам потребуется?

– Думаю, по штуке на каждого, плюс боеприпасы.

Нигли остановила машину перед дверью, ударила по клаксону. Из бокового служебного входа выглянул крупный малый. Он помахал им рукой, скрылся внутри, и через мгновение подъемная дверь пошла вверх. Нигли въехала в мастерскую, и дверь за ними опустилась.

Малый потянул за какую-то железку, торчавшую из груды металлолома. Вся груда, точно гигантская дверь, безмолвно отъехала на хорошо смазанных петлях от стены, открыв вход в потайную комнату. Она была выкрашена в белый цвет, и по всем четырем стенам были устроены

полки и стеллажи. На полках, шедших вдоль трех стен, лежало ручное оружие – какое в коробках, какое без.

– Берите что нужно, – сказал Эдди.

– А куда могут привести серийные номера? – спросил Ричер.

– В австрийскую армию. А оттуда в тупик.

Десять минут спустя они снова были в дороге. Новая куртка Ричера, аккуратно расстеленная на заднем сиденье, накрывала два девятимиллиметровых «стейр джи-би», пистолет-пулемет «хеклер-коч» МП-5 без глушителя, винтовку М-16 и коробки, содержавшие по две сотни патронов для каждого вида оружия.

В Медисин-Боу нашелся мотель со свободными номерами. Нигли заплатила за них обоих. Они отыскали ресторанчик и съели по куску филе по 350 граммов каждый – стоило это меньше, чем порция выпивки в Вашингтоне. Потом вернулись в мотель, вылезли из машины, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим номерам.

Ричер проснулся в четыре утра, постоял под душем, оделся и встретился с Нигли у машины.

После часа езды в северном направлении они увидели придорожную закусочную, выпили в ней по чашке кофе и поехали дальше.

– Ты все еще уверен, что они полицейские? – спросила Нигли.

Ричер кивнул:

– Только это и может все объяснить. Начальные контакты с Нендиком и Андретти в полицейских барах, знание ГЦИП, возможность использовать правительственное оружие. Плюс то, как они просачивались в разных местах через заслоны. С полицейскими бляхами можно пройти где угодно. И знаешь, что для меня является решающим доводом?

– Что?

– Два мертвых Армстронга. Как бы ты вообще отыскала двух белых мужчин, светловолосых и голубоглазых, с нужными тебе именами и фамилиями? Способ только один – обратиться в национальную базу данных ОТС. А доступ в нее открыт лишь для копов.

– Хорошо, это копы, – сказала она. – Но копы прослышали бы об Армстронге давным-давно, разве нет?

– С чего бы это? Копы точно так же, как и все остальные, хорошо знают только свой мирок. Если ты работаешь в каком-нибудь сельском управлении полиции, расположенном во Флориде или под Сан-Диего, то вряд ли когда-нибудь услышишь о младшем сенаторе от Северной Дакоты.

– Так где же все-таки? Во Флориде или в Сан-Диего? – спросила, не отрывая глаз от дороги, Нигли.

– Возможно, в Калифорнии, – ответил Ричер. – Но не в Орегоне. В Орегоне они бы жить больше не стали. Возможно, в Неваде. Или в Юте, или в Айдахо. Остальные штаты расположены слишком далеко.

– Для чего?

– Для того, чтобы находиться на разумном расстоянии от Сакраменто. Сколько может продержаться в украденном термосе лед? Так что, скорее всего, они вооружатся до зубов и приедут сюда на машине.

– Когда?

– Сегодня, если они хоть что-нибудь соображают.

– Как они это сделают? – спросила Нигли.

– Гибнуть они не собираются, значит, самое разумное – это винтовка, – ответил Ричер. – Они попытаются снять Армстронга в дверях церкви, что-нибудь в этом роде.

– И каков же наш план? – поинтересовалась Нигли.

– Надо осмотреться на местности, – ответил Ричер. Они остановились на окраине Каспера, чтобы заправить машину и выпить еще кофе. Потом за руль сел Ричер.

– Здесь надо повернуть, – сказала Нигли.

Ричер свернул с автострады направо, на узкую дорогу. Равнина понижалась к востоку. Кругом раскинулись пастбища.

– Земля выглядит совсем ровной, – сказал Ричер. Впрочем, он знал, что это обманчиво. Низкое солнце высвечивало холмики и откосы, далеко не ровные.

Они все ехали и ехали. Снег идти перестал.

– Поверни здесь, – сказала Нигли.

Ричер притормозил, заглянул за поворот. За ним лежала проселочная дорога.

– Это что же, город там? – спросил он.

– Если верить карте, – ответила Нигли. – Поехали.

Тридцать километров, пятьдесят. Дорога поднималась и опускалась. За очередным подъемом она резко пошла под гору, и перед ними открылась поросшая травой впадина километров восемьдесят в поперечнике. Дорога шла через нее на юг, прямая, словно прочерченная карандашом, и пересекала на дне впадины реку. К мосту сходились еще две дороги. Вокруг них были беспорядочно разбросаны крошечные здания. Все это походило на заглавную букву К, слегка украшенную жилищами там, где сходятся все три ее линии.

– Город Грейс, штат Вайоминг, – произнесла Нигли. Ричер остановил «юкон».

– Как туда можно попасть? – спросил он.

Нигли поводила пальцем по карте.

– С севера и с юга, – сказала она. – Вот по этой дороге. Другие две никуда не ведут.

– А с какой стороны приедут плохие парни?

– Если они из Невады, то с юга. Если из Айдахо – с севера. Может быть, они уже там.

Одно из зданий походило на маленькую белую булавку, воткнутую в зеленый квадрат. Церковь Фрелих, подумал Ричер. Он вылез из машины. Прошел к задней дверце джипа и вернулся с окуляром. Пристроил его на открытой дверце машины, приставил к нему глаз. Подкрутил фокусировку и увидел город как бы с расстояния в восемьсот метров. Узкая река. Каменный мост. Все дороги грунтовые. Церковь стоит на отшибе, посреди ухоженного участка земли в южном углу буквы К. Вокруг скошенная трава и могильные камни. К югу от кладбища шла ограда, за ней виднелась горстка двухэтажных. Похоже, жило здесь человек двести.

Он передал окуляр Нигли.

– Они устроятся где-то на юге, – через минуту сказала та. – Все, что предшествует службе, будет происходить к югу от церкви.

– А как станут уходить?

– Они будут ожидать, что на севере и на юге дороги перекроют, – ответила Нигли. – Я знаю, как бы это сделала я. Шестьдесят пять километров по открытой местности на крепкой машине с приводами на все четыре колеса – и ты попадаешь на автостраду.

– Которая тоже перекрыта патрулями на севере и на юге. Нигли кивнула.

– Я бы и это предвидела. А потому пересекла бы автостраду и поехала дальше. К западу от автострады, между Каспером и резервацией Винд-Ривер, лежит двадцать шесть тысяч квадратных километров целины, прорезаемой только одним шоссе. Пока кто-нибудь вызовет полицейский вертолет и приступит к поискам, они уже укатят бог весть куда.

– Ну что же, за работу, – сказал Ричер, усаживаясь за руль. Они проехали оставшиеся до городка тридцать километров.

Мост, похоже, был географическим центром Грейса. Здесь имелся универсальный магазин, предоставлявший и почтовые услуги, а также закусочная.

– Где остановимся?

– Вон там, – ткнула пальцем Нигли.

Палец указывал на дом с плоским, обшитым красным кедром фронтоном, множеством маленьких окон и вывеской: «ЧИСТЫЕ КОМНАТЫ».

– Роскошно, – сказал Ричер.

– Давай проедемся. Надо осмотреться.

Ричер вернулся к мосту и покатил вдоль реки на северо-восток. Эта дорога проходила мимо восьми домов. Слева от нее терялась в траве проволочная изгородь.

– Ранчо, – сказала Нигли. – Ладно, поехали на юг. Взглянем на церковь.

Дорога вела мимо церкви и кладбища, потом мимо скопления двадцати-тридцати маленьких домов все из того же красного кедра – за ними город кончался, впереди лежала только поросшая травой земля. Далеко не ровная. За тысячи лет ветры и дожди покрыли ее складками и расселинами. Трава была в метр высотой, бурая, сухая.

– Здесь можно пехотную роту укрыть, – заметила Нигли.

Ричер развернул машину и возвратился к церкви. Остановился у кладбища. Церковь походила на ту, другую, под Бисмарком. Колокольню украшали часы, флюгер и флаг. Выкрашена церковь была в белый цвет. Ричер глянул на юг и увидел на горизонте серые тучи, собиравшиеся над далекими горами.

– Снег пойдет, – сказал он.

– Отсюда мы ничего не увидим, – сказала Нигли. Она была права. Церковь стояла на самом дне речной долины.

Ричер кивнул и выбрался из машины. Нигли присоединилась к нему, оба они пошли по мерзлой кладбищенской земле к церкви. За рядом надгробий виднелась свежая, огороженная лентой могила. На четырех надгробиях подряд значилась фамилия Фрелих. Скоро появится пятое.

Он отступил от могилы, огляделся.

– Придется обосноваться на колокольне, – сказал он. – О меблированных комнатах забудь. Отсюда мы сможем увидеть, как они подъезжают.

Они были уже в трех метрах от церковной двери, когда та открылась и из нее вышел священник, а сразу за ним – супружеская чета; обоим было около шестидесяти. Высокий, сутуловатый мужчина и все еще привлекательная женщина. Ричер сразу понял, кто это. И женщина поняла, кто он, – во всяком случае, так она подумала.

– Вы? – спросила она. – Не так ли? Лицо у нее было усталое, напряженное.

– Я его брат, – ответил Ричер. – Я очень сожалею о вашей утрате.

– Еще бы вам не сожалеть, – сказала женщина. – Потому что во всем виноват Джо.

– Вот как?

– Он же заставил ее сменить место работы, верно? Не мог встречаться с сотрудницей, вот она и перешла туда.

– Я думаю, она была счастлива на своей работе, – ответил Ричер. – Она могла вернуться на прежнее место, но не сделала этого.

– Он тоже приедет? – спросила женщина.

– Нет, – ответил Ричер. – Он не приедет.

– И хорошо, – сказала женщина. – Никто ему здесь не обрадуется.

Она пошла к проселочной дороге. Священник последовал за ней, отец Фрелих тоже. Впрочем, он скоро вернулся.

– Она понимает, что на самом деле Джо ни в чем не виноват, – сказал он. – Мы оба знаем, что Мери-Иллен занималась тем, чем хотела заниматься.

– Она была великолепна.

– Правда?

– Лучший агент, какой у них когда-либо был.

– А как Джо? – спросил старик.

– Погиб. Пять лет назад.

– Мне очень жаль, – сказал старик.

– Только миссис Фрелих не говорите, – попросил Ричер, – ей так будет легче.

Старик кивнул и пошел вслед за женой.

– Видишь? – негромко сказала Нигли. – Не во всем виноват только ты.

Рядом с церковной дверью висело объявление. Торопливая машинопись извещала, что в это воскресенье, в восемь, состоится служба, посвященная памяти Мери-Иллен Фрелих.

– Двадцать четыре часа, – сказал Ричер. – Пора.

Они подогнали «юкон» поближе к церкви, открыли заднюю дверцу. Пригнувшись, зарядили вдвоем все оружие. Взяли каждый по «стейру». Нигли добавила к нему «хеклер-коч», Ричер – М-16. Разделили между собой патроны.

– А входить с оружием в церковь – это ничего? – спросила Нигли.

– В Техасе разрешается. Вероятно, и здесь тоже.

Открыв дубовую дверь, они вошли внутрь. Здание очень походило на бисмаркское. Они поднялись на верхний этаж и увидели привинченную к стене лестницу и люк над ней.

По лестнице он полез первым. Колокольня оказалась не такой, как в Бисмарке. В этой были еще и часы. Два циферблата, стрелки которых приводились в движение одним механизмом, размещенным в кубическом коробе. Циферблаты располагались в слуховых окнах, выходящих на запад и на восток. Механизм громко тикал.

– На западе и на востоке мы ничего не увидим, – сказал Ричер.

– Да нам всего-то и нужно, что север и юг, – отозвалась Нигли. – Дороги есть только там.

– Я заметил, – ответил Ричер. – Бери себе юг.

Он поднырнул под балки и железные штанги, подобрался к северному слуховому окну. Видно все было как на ладони. Ричер устроился у окна, чтобы следить и ждать.

Глава двенадцатая

Воздух был холоден, а легкий ветерок превращался в двадцати метрах над землей в нешуточный ветер. Он задувал в слуховое окно и резал Ричеру глаза так, что на них наворачивались слезы. Он и Нигли просидели здесь уже два часа. И ничего пока не увидели – и не услышали, если не считать тиканья часов.

– Что-то есть, – окликнула его Нигли. – Похоже на джип.

Ричер вытащил из кармана окуляр.

– Лови, – сказал он.

Нигли поймала окуляр одной рукой. Поднесла к глазу.

– Вроде бы «шеви-тахо», – сказала она. – Золотистый.

Ричер снова перевел взгляд на север. Дорога оставалась пустой. Он на четвереньках подполз к Нигли. По этой, также совершенно пустой дороге километрах в восьми от них двигалась золотистая точка. Солнце отражалось от лобового стекла машины, не позволяя увидеть, кто в ней сидит.

– Почему солнце все еще светит? Я думал, снег пойдет.

– А ты взгляни на запад.

Он высунулся в слуховое окно и осмотрелся. Небо словно разделилось пополам. На западе оно было почти черным от туч. А на востоке бледным, затянутым дымкой. Ричер ползком вернулся к своему слуховому окну.

– Точно, «шеви-тахо», – спустя какое-то время сообщила Нигли. – Теперь машина идет медленно. Похоже, они изучают местность.

Ричер вглядывался вниз под лучшим, какого ему удалось добиться, углом. Большой, медленно огибающий церковь джип. Сначала в поле зрения Ричера появился золотистый капот. Потом крыша машины. Джип въехал в город и пересек мост, двигаясь со скоростью около тридцати километров в час. Еще сотню метров он проделал с той же скоростью, потом прибавил. Машина раскачивалась и подпрыгивала, становясь все меньше и меньше.

– Пойду возьму карту, – сказал он Нигли.

Ричер спустился по лестнице, замерзший, с затекшим, ноющим телом. Вышел под слабое полуденное солнце и заковылял к машине. Около нее стоял отец Фрелих.

– Вам звонит мистер Стайвесант, – сказал старик. – Я пытаюсь найти вас.

И пошел к своему дому широким, неровным шагом.

Домом Фрелих оказалось одно из белых зданий на коротком юго-восточном отростке К. Внутри было сумрачно, пахло чем-то приятным. Они прошли в гостиную. У окна стоял старинный столик с телефоном и фотографией совсем юной Фрелих. Волосы немного длиннее, чем в последние годы. Невинное, открытое лицо.

Ричер, расправив шнур трубки, поднес ее к уху.

– Стайвесант? – произнес он.

– Ричер, у вас есть для меня какие-нибудь новости?

– Пока нет. Вы прилетите вертолетом?

– Таков наш план. Армстронг все еще в Орегоне. Ричер глянул в окно:

– Хорошо, значит, церковь вы увидите ясно. Приземляйтесь восточнее, за дорогой. Оттуда ему придется пройти до церкви метров пятьдесят. Безопасность территории, прилегающей к церкви, я гарантирую. Мы проведем в ней всю ночь. Но то, что вы увидите после, вам сильно не понравится. К югу и к западу от церкви лежат секторы огня градусов в сто пятьдесят каждый. И в каждом множество укрытий.

– Я не могу притащить Армстронга в такое место, – сказал Стайвесант. – Вы должны обезопасить его.

– Обезопасим, если сможем.

– Как я узнаю об этом? Раций у вас нет. А сотовые там не работают.

– У нас черный «юкон», – сказал Ричер. – Сейчас он стоит у церкви. Если он все еще будет стоять там, когда вы появитесь, улетайте. Но если его не будет, значит, мы уехали, а мы не уедем, пока не решим проблему.

– Хорошо, понял, – сказал Стайвесант. – Да, Нендик очнулся. Рассказывает то же, что и Андретти. С ним познакомились двое людей, которых он принял за копов.

– Они и есть копы. Описания вы получили?

– Нет. Он по-прежнему боится навредить жене. А я не сказал ему, что навредить ей он уже не в состоянии.

– Бедняга.

– Я хотел бы что-нибудь для него сделать. Хотя бы найти ее тело.

– Я не собираюсь никого здесь арестовывать, – ответил Ричер.

В Вашингтоне наступило молчание.

– Ладно, – сказал наконец Стайвесант. – Надеюсь, так или иначе, мы вас там не увидим. Удачи.

– И вам тоже.

Ричер положил трубку. С порога гостиной на него смотрел мистер Фрелих.

– Они едут сюда? – спросил он. – Люди, которые убили мою дочь. Потому, что сюда едет Армстронг.

– Возможно, они уже здесь, – ответил Ричер. – Вы видели проехавший тут недавно золотистый джип?

Старик кивнул:

– Он прокатил мимо меня, довольно медленно.

– Кто в нем сидел?

– Я не заметил.

– Хорошо, – сказал Ричер. – Если в городе появятся чужаки, сообщите мне.

Мистер Фрелих снова кивнул:

– Вы узнаете о них, как только узнаю я.

– Мы будем на колокольне, – сказал Ричер.

– Око за око – так у вас задумано?

Теперь кивнул Ричер:

– И зуб за зуб.

– И вас ничто не смущает?

– А вас?

Старик перевел глаза на фотографию своей дочери.

– У вас есть дети? – спросил он.

– Нет, – ответил Ричер. – Детей у меня нет.

– И у меня тоже, – сказал старик. – Теперь. Так что меня ничто не смущает.

Ричер вернулся к «юкону», взял с заднего сиденья карту. Потом забрался на колокольню.

– Все чисто, – сообщила Нигли.

– Стайвесант позвонил в дом Фрелих, – сказал ей Ричер. – Он в панике. И Нендик пришел в себя. Тот же подход, что и в случае Андретти.

Он развернул карту и расстелил ее на полу. Грейс находился в центре грубого квадрата, ограниченного четырьмя дорогами. Правую его сторону образовывало 59-е шоссе. Верхнюю – шоссе 387. Левую и нижнюю – магистраль И-25. Квадрат перерезала проселочная дорога, идущая через город с севера на юг. Она обозначалась на карте серой пунктирной линией. Расположенное внизу карты описание условных обозначений называло ее немощеной дорогой местного значения.

– Думаю, за всю историю запада Соединенных Штатов никто и никогда просто так не проезжал через Грейс, штат Вайоминг. Значит, этот джип оказался здесь не зря.

– Это они, – сказала Нигли.

– Производили рекогносцировку.

– Согласна, – отозвалась Нигли. – Интересно, понравилось ли им то, что они увидели.

– Есть только один способ выяснить это, – сказал Ричер. – Подождать и увидеть.

Солнце уже клонилось к закату, и температура падала, как камень, сброшенный с колокольни. Часы тикали – 3600 раз в час. Нигли пошла прогуляться и вернулась с пакетом из бакалейного магазина. Они перекусили.

– Они так и не вернулись, – сказала Нигли. – Надо быть сумасшедшим, чтобы попытаться предпринять что-то здесь.

– Думаю, они и есть сумасшедшие, – ответил Ричер. – И они уже здесь. Или почти здесь.

– Где?

– Сейчас увидишь.

Он пролез под штангой часов к подножию лестницы, той, что вела на крышу. Взобрался по ней, открыл люк.

– Не высовывайся, – сказал он Нигли.

И скользнул на крышу, прижимаясь к ней животом. По-прежнему лежа ничком, Ричер развернулся, освободил место для Нигли, и та выползла на крышу, оказавшись с ним рядом.

– Так, теперь поднимаемся на колени, но не распрямляемся, – сказал Ричер. – Лицом на запад.

Так они и сделали, плечом к плечу, не разгибаясь. Сощурясь, оба смотрели на заходящее солнце. Они простояли несколько минут. Солнце опустилось еще на пару сантиметров. А потом они увидели его. Примерно в полутора километрах от них уходящее солнце высветило в море травы крышу золотистого «тахо». Автомобиль полз по траве на восток, очень медленно, направляясь по неровной местности прямо к ним.

– Они неплохо соображают, – сказал Ричер. – Изучили карту и приняли решение, о котором говорила ты, – уходить по пустошам на запад. Но потом осмотрели город и поняли, что и подобраться к нему лучше всего с того же самого запада.

Уже начинало смеркаться, Ричер и Нигли снова легли на животы и спустились в колокольный отсек.

– Я думаю, они подъедут к городу настолько близко, насколько решатся. А после будут ждать, – сказала Нигли.

Ричер кивнул:

– Они развернут джип и оставят его в лучшей впадине, какую смогут найти, метрах в ста отсюда. И будут ждать появления Армстронга.

– До которого еще четырнадцать часов.

– Точно, – сказал Ричер. – Пусть просидят там всю ночь. Пусть замерзнут, устанут, окоченеют. А потом солнце будет бить им прямо в глаза. Они нас даже не увидят.

Они спрятали винтовки под ближайшей к церковной двери скамьей, оставили «юкон» на месте, дошли до моста и сняли два номера в меблированных комнатах. Снова шел снег.

Буфет был закрыт, однако дежурная предложила им согреть в микроволновке что-нибудь из холодильника. Похоже, она приняла Ричера и Нигли за сотрудников Секретной службы. Видимо, все в городке знали, что на заупокойную службу прибудет Армстронг. Женщина разогрела пирожки с мясом. Вкус у них был такой, какой и должен быть у сухого пайка. Денег за пирожки женщина не взяла.

Комнаты здесь были чистые, как и обещала вывеска. Нигли зашла к Ричеру, поговорить. Они уселись бок о бок на кровать – другой мебели в комнате не имелось.

– Нам предстоит атаковать подготовленную позицию, – сказала она. – Ситуация усложнилась.

– Я могу сделать все одна, не подвергая тебя опасности.

– Мы ничего о них не знаем.

– Ну, кое-какие предположения мы сделать можем. Тот высокий малый из Бисмарка – стрелок, другой прикрывает его и водит машину. Старший брат и младший брат. Тут дело братское. Ты же не можешь просто подойти к постороннему человеку и сказать, слушай, я хочу пристрелить одного парня, потому что его папаша грозился засунуть мне в задницу палку и мне пришлось молить его не делать этого.

Нигли молчала.

– Я не прошу тебя принимать в этом участие, – сказал Ричер.

– Я не за себя тревожусь, за тебя, – улыбнулась Нигли.

– Со мной ничего не случится, – отозвался Ричер. – Я умру стариком в каком-нибудь мотеле, в холостяцкой постели.

– Для тебя ведь это тоже дело братское, верно?

– Должно быть, так. На Армстронга мне, в общем-то, наплевать. Я любил Фрелих, но, если бы не Джо, я никогда бы с ней не познакомился.

– Ты одинок?

– Случается. Но не всегда.

Ладонь ее двигалась очень медленно. Движение началось в паре сантиметров от ладони Ричера. Пальцы неуловимо смещались по покрывалу, пока не оказались совсем рядом с его пальцами. Потом ладонь поднялась в воздух и снова пришла в движение и наконец повисла прямо над его ладонью. Какое-то время она так и провисела, не двигаясь. А затем опустилась, и пальцы Нигли легко коснулись пальцев Ричера. Она нажала чуть посильнее. Ладонь ее была теплой. Он перевернул свою. Пальцы Нигли переплелись с его пальцами, сжали их. И он сжал в ответ ее пальцы.

Он держал ее за руку пять долгих минут. Потом Нигли медленно убрала руку. Встала, отступила к двери. Улыбнулась.

– Увидимся утром, – сказала она.

Спал Ричер беспокойно и проснулся в пять. Оделся в темноте, спустился по лестнице, вышел на холод. Снег валил гуще.

Он отыскал дверь церкви, вошел внутрь. Нашел в темноте лестницу и поднялся на колокольню. Выбрался на крышу. Подполз к западной стене, приподнял над нею голову. И ничего не увидел.

Ожидание затянулось на полчаса. Ричера уже била крупная дрожь. Если мне так холодно, думал он, то они почти покойники. И наконец он определенно услышал звук, которого дожидался. Включился двигатель «тахо». Где-то на западе. Двигатель проработал минут десять, питая обогреватель. А потом они совершили роковую ошибку: на секунду включили в кабине свет. Машина стояла во впадине ниже уровня земли. Метрах в ста пятидесяти от церкви. Хороший выбор места. Не исключено, что стрелять они собираются прямо с крыши машины.

Он спустился к колоколам, миновал стучащий часовой механизм, слез в неф. Извлек винтовки из-под скамьи и оставил их на холодной земле под «юконом».

Потом вернулся на постоялый двор и застал там выходящую из своей комнаты Нигли. Было около шести. Они зашли в его комнату – переговорить.

– Эти еще там? – спросила Нигли. Он кивнул:

– Есть проблема. Мы не можем уложить их прямо на том месте, где они сейчас находятся.

– Почему?

– Слишком близко к городку. Нельзя начинать здесь третью мировую войну за час до появления Армстронга. И оставить два трупа тоже нельзя. Здешние жители видели нас. Надо отогнать их к пустынной местности и там прикончить. Может быть, на запад, там много снега. Снег так и пролежит до апреля. Нужно, чтобы все произошло вдали от города и чтобы до апреля никто их не нашел.

– Хорошо, как?

– Они захотят дожить до следующей попытки. Мы можем обратить их в бегство, если сделаем все правильно.

К «юкону» они вернулись незадолго до половины седьмого. Проверили оружие. Нигли сунула «стейр» во внутренний карман, забросила «хеклер-коч» на плечо.

– До встречи, – шепнула она и, пройдя по кладбищу на запад, растворилась в темноте.

Ричер встал спиной к западной стене колокольни, прикидывая направление на «тахо». Потом зашел за «юкон», прислонился к его задней дверце и стал дожидаться рассвета.

Рассвет наступал медленно и величаво. Длинные, высокие облака окрасились в красный цвет. Ричер залез в «юкон», включил двигатель. Заставил его взреветь погромче, потом включил на полную мощность радио и открыл водительскую дверцу, чтобы музыка разнеслась в рассветной тишине. Затем взял М-16, снял ее с предохранителя, прижал к плечу и выпустил три пули на запад и немного южнее, в сторону спрятанного «тахо». И тут же услышал три ответных выстрела Нигли. Та находилась метрах в ста к югу от «тахо» и стреляла прямо на север. Он выстрелил снова. Она тоже.

Никакой реакции. На секунду ему показалось, что те двое уже укатили. Потом он увидел «тахо», выскочивший из травы метрах в ста пятидесяти от него. Машина взлетела, оторвавшись от земли всеми четырьмя колесами, грохнулась оземь и, набирая скорость, понеслась на запад.

Ричер бросил винтовку на заднее сиденье «юкона», захлопнул дверцу, вырубил радио и прямо через кладбище рванул на запад. Машина, проломив деревянный забор, нырнула в траву. Почва тут была кошмарная. Ричер, ведя машину одной рукой, другой пристегнул ремень безопасности. Он увидел Нигли и ударил по тормозам. Нигли рванула на себя дверцу машины, запрыгнула внутрь, пристегнулась и зажала «хеклер-коч» между коленями.

Машина полетела вперед. Ричер забирал на север, пока не обнаружил след, оставленный «тахо» на траве. Пристроился между колеями и вдавил педаль газа. Езда оставляла у него впечатление непрерывного избиения.

Машина шла на скорости около восьмидесяти километров в час. Потом ста. Чем быстрее несся «юкон», тем более легкой казалась дорога. Просто потому, что он проводил больше времени в воздухе.

– Вон они, – сказала Нигли.

Они были метрах в двухстах впереди – то появлялись, взлетая над морем травы, то пропадали, опускаясь в нее. Ричер продолжал преследование. Он довел расстояние между машинами до ста метров да так его и держал.

Скоро они были уже километрах в пятнадцати к западу от Грейса и ощущали себя основательно поколоченными в кулачном бою. При каждом подскоке машины Ричер ударялся головой о потолок кабины. Нигли подпрыгивала рядом.

Еще через пятнадцать километров убийственной езды пейзаж за окном изменился. Они были черт знает где. Почву здесь покрывал снег. Движение обеих машин замедлилось. Еще через полтора километра погоня превратилась в смехотворную процессию, движущуюся со скоростью тридцать километров в час. Машины спускались по откосам в сорок пять градусов, зарывались в скопившийся на дне очередного оврага снег и выползали наверх. Овраги тут были в три-пять метров глубиной.

– Пора, – сказал Ричер. – Сгодится любой из оврагов – снег укроет их до весны.

«Тахо» перевалил подъем и скрылся из виду.

Ричер ударил по педали газа и, пропахав три оврага подряд, остановился на подъеме четвертого. Они ждали. Десять секунд, пятнадцать. «Тахо» не появлялся.

– Что за черт? – пробормотал Ричер.

Он включил двигатель. Проехал еще один овраг. Остановился наверху. Земля метров на шесть уходила вниз, в широкое ущелье. След «тахо» резко сворачивал направо, уходил по круто изогнутому оврагу на север и скрывался за покрытым снегом выходом скальной породы.

«Тахо» вполне мог развернуться на 180 градусов и нестись сейчас назад, чтобы поспеть к церкви прежде Армстронга. Однако гнаться за ним вслепую было бы самоубийством. Потому что «тахо» мог ждать в засаде прямо за поворотом. С другой стороны, тратить слишком много времени на размышления тоже было самоубийством.

– Охладиться не хочешь? – спросил Ричер.

– Выбора все равно нет, – ответила Нигли.

Она открыла дверцу, соскользнула на снег. И, спотыкаясь, побежала по снежным наносам направо. Ричер снял ногу с тормоза и, пустив машину вниз по склону, резко повернул на дне оврага направо и покатил по следам «тахо». Если «тахо» сделал петлю и уходит, ждать целую вечность нельзя. А если он, Ричер, катит прямиком в засаду, так и очень хорошо – Нигли уже стоит за спиной противников с пистолетом-пулеметом в руке.

Впрочем, никакой засады не было. Обогнув скалу, Ричер увидел впереди метрах в пятидесяти Нигли, стоявшую, подняв оружие над головой. Знак «все чисто». Ричер понесся к ней.

Нигли потянула на себя дверцу. Ледяной воздух последовал за нею в машину.

– Гони, – задыхаясь, сказала она. – Они уже опережают нас минут на пять.

Ричер нажал на педаль газа. Джип не сдвинулся с места, все четыре колеса его повизгивали, прокручиваясь в снегу. Нос машины понемногу зарывался в снег. Он стал раскачивать машину взад-вперед.

– Армстронг уже в воздухе, – сказала Нигли. – А нашей машины у церкви нет, значит, он выйдет из вертолета.

Ричер пытался подавить все нараставшую панику.

– Займись машиной, – сказал он. – Бросай ее вперед и назад.

Он открыл дверцу, соступил в снег. Обошел машину, направляясь к дверце багажника. Нигли делала, что он ей велел. Джип елозил взад-вперед по утрамбованному снегу. Ричер прижался спиной к багажнику, присел, ухватившись руками за бампер. Джип толкнул его в спину. Потом пошел вперед, и Ричер, распрямив ноги, почувствовал, как машина выбирается из прорытой ею в снегу колеи.

Ричер догнал джип, поймал ручку дверцы и уже наверху склона распахнул ее и запрыгнул внутрь.

Ричер взглянул на часы. Они потеряли по меньшей мере десять минут. И это были решающие минуты. Сквозь ветровое стекло он оглядел окрестности. Никаких признаков «тахо». Только следы на снегу. Следы шли прямиком к Грейсу, а потом вдруг резко свернули под прямым углом влево и ушли в тянущийся с севера на юг овраг.

– Туда, – выдохнул Ричер.

Овраг оказался узким, словно траншея. След «тахо» тянулся впереди метров на пятьдесят, а после снова исчезал, сворачивая за скалу размером с добрый дом. «Юкон» летел по следу, беспомощно проскальзывая всем своим двухтонным весом на заледенелом спуске. Внезапно прямо перед ним возник багажник «тахо». Джип стоял поперек их пути, «юкон» пошел юзом и остановился.

Нигли выскочила из джипа, пока тот еще двигался. Она перекатилась по снегу и рванула на север. «Юкон» завяз в сугробе. Ричеру удалось, полуоткрыв дверцу, протиснуться сквозь нее наружу. Из «тахо» вываливался водитель. Ричер вытащил из кармана «стейр». Метнулся к задней дверце «юкона», потом прополз по снегу с другой его стороны. Водитель «тахо», держа в руках винтовку, бросился к скале, чтобы укрыться за ней. Тот самый мужик из Бисмарка. Он даже плащ не сменил. Ричер поднял «стейр», опер его о крыло «юкона» и прицелился водителю в голову.

– А ну-ка, полегче, – произнес голос у него за спиной. Ричер обернулся и увидел в десяти метрах от себя второго малого. Прямо перед ним ковыляла по снегу Нигли. Малый держал в левой руке ее «хеклер-коч». Правая сжимала пистолет, вдавленный в спину Нигли. Широкоплечий, немного приземистый. То же лицо, что у мужчины из Бисмарка, разве что немного пополнее. Братья.

– Бросьте оружие, сэр, – сказал он.

Коп – он коп и есть. Нигли произнесла одними губами: «Прости».

– Бросьте оружие, сэр, – повторил приземистый.

Брат его сменил направление движения и подошел, взрыхляя снег, поближе. Поднял винтовку. Та вся была в снегу. Он наставил ее Ричеру в лоб. Ричер подбросил свой пистолет высоко в воздух. Тот описал среди падающих снежинок неторопливую дугу и зарылся в сугроб. Малый из Бисмарка пошарил в кармане, вытащил полицейскую бляху.

– Мы офицеры полиции, – сказал он.

– Я знаю, кто вы, – ответил Ричер.

Он огляделся вокруг. Валил густой снег. Приземистый подтолкнул Нигли поближе к Ричеру. Та споткнулась, и он поддержал ее, не отнимая пистолета от спины.

– А кто вы? – спросил малый из Бисмарка.

Ричер не ответил. Он изучал расстановку действующих лиц. Ничего хорошего в ней не было. Треугольник. До каждого из этих мужиков метра четыре, а под ногами скользкий снег.

Малый из Бисмарка улыбнулся:

– Что, явились сюда демократию спасать?

– Я явился сюда потому, что ты хреново стреляешь, – ответил Ричер. – В четверг ты попал не в того человека.

Потом он очень медленно поднял руку, взглянул на часы. И улыбнулся:

– А сегодня ты опять проиграл. Время вышло.

– У нас полицейский сканер, – сказал малый из Бисмарка. – В машине. Армстронг запаздывает на двадцать минут. Вот мы и позволили вам нагнать нас.

Ричер промолчал.

– Потому как вы нам не нравитесь. Толчетесь вокруг, лезете куда не просят. Это личное дело. Так что считайте, что вы арестованы. Не желаете признать себя виновными? Или попросить прощения?

– Как просили вы, когда вам пригрозили бейсбольной битой? – поинтересовался Ричер. Малый примолк. – Что бы тогда ни произошло, это было тридцать лет назад.

– Когда человек делает нечто подобное, он должен за это заплатить.

– Тот человек умер.

– Грехи отцов – слышал о них когда-нибудь?

– Какие грехи? Вы проиграли в драке, только и всего.

– Мы никогда не проигрываем. Рано или поздно мы побеждаем. А Армстронг смотрел.

Заставляй его говорить, думал Ричер. Однако, глядя в эти безумные глаза, он не знал, что сказать дальше.

– Ну ладно, присяжные посовещались и вернулись, – сообщил малый. – Вы оба приговорены к смерти. И сейчас я вас пристрелю.

– Только не из этой винтовки, – сказал Ричер. – У нее дуло забито снегом. Она просто взорвется у тебя в руках.

Малый опустил винтовку. Дуло ее было наполнено заледеневшим снегом. Он переложил винтовку в левую руку, сунул правую под плащ и вытащил пистолет. «Глок». Скорее всего, оружие полицейское. Малый сдвинул предохранитель и наставил пистолет Ричеру в лицо.

– И это тоже не подойдет, – сказал тот. – Служебный пистолет. Зарегистрированный. Они найдут мое тело и баллистики направят их прямиком к тебе.

Несколько долгих мгновений малый простоял, не открывая рта. Ничего не говоря. Однако «глок» он спрятал. Прошаркал по снегу к «тахо». Потом в одно движение уронил винтовку в снег и достал из машины другой пистолет. Старую «беретту» М-9, поцарапанную, всю в пятнах засохшего масла. Он снова приблизился и остановился метрах в двух от Ричера. Снял «беретту» с предохранителя и прицелился Ричеру в лоб.

– По щелчку, – произнес Ричер.

Он глядел в дуло пистолета. Боковым зрением увидел лицо Нигли. Она не поняла сказанного, однако кивнула. И чуть повела глазами. Малый из Бисмарка нажал на курок.

Раздался глухой щелчок.

Ричер рванулся вперед с уже открытым керамическим ножом и полоснул им малого по лбу. Левой рукой он вцепился в дуло «беретты», рванул его вверх, потом со всей силы вниз, выбросив навстречу колено и сломав об него руку малого. И отбросил того в сторону, так что он покатился по снегу. Нигли вроде бы и не совершила ни одного движения. Однако приземистый уже лежал в снегу у ее ног. Из обоих ушей у него текла кровь. Свой «хеклер-коч» она держала в одной руке, а пистолет приземистого в другой.

– Да? – спросила она.

Ричер кивнул. Нигли отступила на шаг, чтобы не забрызгать одежду, прицелилась и выстрелила три раза. Две пули в голову и контрольный выстрел в грудь. Потом оба они обернулись. Малый из Бисмарка ковылял по снегу, придерживая сломанную руку.

Ричер с мгновение смотрел на него пустыми, ничего не выражающими глазами. Потом забрал у Нигли «хеклер-коч», прицелился и выстрелил. Он подождал, пока малый взлетит в воздух и рухнет на спину. А после прострелил ему шею около уха. Он постарался, чтобы пуля вошла точно туда, куда получила ее Фрелих.

– Откуда ты знал? – спросила Нигли.

– Это был пистолет Фрелих. Они украли его из кухни. Фрелих продержала обоймы заряженными около пяти лет.

– Выстрелить-то он все же мог, – сказала Нигли.

– Вся наша жизнь – игра, – отозвался Ричер.

Отойдя в сторону, он подобрал свой «стейр». Снег уже начинал заметать оба тела. Ричер вытащил из карманов покойников бумажники и полицейские значки. Дочиста вытер нож о твиловый плащ человека из Бисмарка. Открыл все дверцы «тахо», чтобы снег, залетая в машину, поскорее укрыл ее. Нигли вытерла о свой костюм пистолет приземистого и бросила его в снег. Они вернулись к «юкону», залезли внутрь. Оглянулись. Все засыпал свежий снег. Часов через сорок восемь ничего уже видно не будет.

Нигли медленно стронула машину с места. Ричер стопкой сложил на коленях бумажники, вгляделся в полицейские бляхи.

– Полицейские из Айдахо, – сказал он. – Служили где-то в сельской местности к югу от Бойси, по-моему.

Он сунул бляхи в карман. Открыл бумажник человека из Бисмарка. Внутри лежало полицейское удостоверение.

– Его звали Ричардом Уилсоном. Полицейский детектив. Кроме того, в бумажнике лежали водительские права штата Айдахо и две кредитные карточки. Плюс всякие бумажки и почти триста долларов наличными. Доллары Ричер переложил себе в карман, а бумажки расправил на колене. Открыл второй бумажник. Еще одно полицейское удостоверение того же управления. Питер Уилсон. На год моложе.

У Питера было три кредитные карточки и двести долларов. Перегрузив наличность в карман, Ричер глянул вперед. На востоке небо расчистилось. В нем висела маленькая черная точка. Впереди уже обозначилась колокольня. «Юкон» мчал к ней. Черная точка увеличивалась в размерах.

– Клюшки для гольфа, – произнес Ричер. – Не образцы инструментов.

– Что?

– Квитанция «Ю-пи-эс». Однодневная доставка авиапочтой. Из Миннеаполиса. В вашингтонский мотель, на имя Ричарда Уилсона. Картонный ящик. Содержимое: связка клюшек для гольфа.

Потом он примолк. Вглядываясь еще в одну бумажку.

– Тут есть кое-что еще, – сказал он. – Возможно, пригодится Стайвесанту.

Посмотрев, как садится вдали вертолет, они вылезли из машины посреди травянистой пустоши. Описали несколько бесцельных кругов под холодным солнцем, потягиваясь и зевая. Ричер горкой свалил на пассажирском сиденье бляхи, полицейские удостоверения, водительские права, а пустые бумажники закинул подальше в траву.

– Надо почиститься, – сказал он.

Оба стерли с оружия отпечатки своих пальцев и забросили его в траву – на север и на юг, на восток и на запад. Запустили под солнцем вихрь патронов. За которым последовал и окуляр. Керамический нож Ричер оставил при себе.

Потом они медленно и неторопливо проделали остаток пути до Грейса, выбрались из травы и пересекли кладбище. Остановились у вертолета, вылезли из машины. Из церкви доносились стенания органа и голоса поющих людей.

– Ты в порядке? – спросила Нигли у Ричера.

– Я всегда в порядке. А ты?

– Нормально.

Они простояли так минут пятнадцать. Далекий орган испустил громкий, скорбный аккорд и смолк. Высокая дубовая дверь растворилась, небольшая группа людей высыпала на яркий солнечный свет.

Через пару минут показались Армстронг со Стайвесантом. Оба были в темных плащах, обоих окружали семеро агентов. Армстронг переговорил с викарием, обменялся рукопожатиями с Фрелихами. Увидев Ричера и Нигли, подошел к ним с вопрошающим выражением на лице.

– А после все мы будем жить счастливо, – сказал Ричер. Армстронг коротко кивнул.

– Спасибо, – сказал он.

– Пожалуйста, – ответил Ричер. Следом подошел Стайвесант.

– Удачно? – спросил он.

Ричер протянул ему бляхи, удостоверения и водительские права. Стайвесант принял их в обе ладони.

– Возможно, даже удачнее, чем мы надеялись, – сказал Ричер. – Они были не из ваших. Полицейские из Айдахо. Там есть адреса. Уверен, вы найдете все, что вам требуется. Компьютер, бумагу, принтер, большой палец Андретти в холодильнике. И может быть, кое-что еще. – Он вытащил из кармана клочок бумаги. – Вот что я нашел. Это квитанция. Вечером в пятницу они были в бакалейном магазине и купили шесть порций обеда и шесть бутылок воды.

– И что? – спросил Стайвесант. Ричер улыбнулся.

– Думаю, они позаботились о том, чтобы миссис Нендик было что есть в их отсутствие. Полагаю, она еще жива.

Стайвесант схватил квитанцию и помчался к вертолету.

На следующее утро Ричер и Нигли попрощались в аэропорту Денвера. Ричер переписал на нее свой чек, а Нигли купила ему билет первого класса до Нью-Йорка. Он проводил ее до турникета, через который проходили пассажиры, летевшие в Чикаго. Она не сказала ничего. Просто опустила сумку на землю, протянула руки и ненадолго обняла его – неумело, словно не знала, как это делается. Потом взяла сумку и пошла к самолету.

Поздним вечером он приземлился в Ла-Гуардиа. Автобусом, а после подземкой добрался до Тайм-сквер и прошелся по Сорок второй до нового клуба Би-Би Кинга. Ансамбль из четырех гитаристов как раз

заканчивал первое отделение. Ричер дослушал их до конца, потом подошел к билетеру.

– Не пела у вас тут на прошлой неделе старая женщина? – спросил он. – Со стариком клавишником?

– Таких не было, – ответил билетер. – Во всяком случае, здесь.

Ричер кивнул, вышел из клуба в сверкающую огнями темноту. На улице было холодно. Он дошел до автовокзала и сел в автобус, идущий из города.